

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ: Как гражданин победил поэта

ПРЕЗИДЕНТ ЗАДАЛ ПИСАТЬ СОЧИНЕНИЕ

НАКОНЕЦ-ТО! ВОТ ЧТО ТОЛЬКО И ХОЧЕТСЯ ВОСКЛИКНУТЬ после того, как президент в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию указал вернуть сочинение в качестве обязательного компонента школьных выпускных экзаменов. Может быть, это самое значимое решение в области образования за последние годы.

Еще идут споры о том, стоит ли возвращать сочинение в выпускные экзамены уже в 2014 году или подождать до 2015 года, чтобы лучше подготовиться. Наверное, было бы не совсем правильно менять «правила игры» в середине учебного года. Подготовка к выпускному сочинению – процесс сложный, особенно после того, как этот «жанр» был подвергнут всяческим гонениям и унижениям в рамках школьной программы. Хотя понятно и рвение некоторых чиновников как можно скорее отчитаться перед президентом о выполнении его поручения, ведь наблюдать далее процесс деградации письменной, а также устной речи уже совершенно невозможно.

Сегодня из школы миллионами выходят люди, которые просто не умеют внятно излагать свои мысли. Ни устно, ни на бумаге. Косноязычием, отсутствием логики отличаются речи чиновников, а также документы, ими издаваемые. Даже законопроекты появляются иной раз такие, что, читая их, невозможно понять, что авторы имели в виду. Не говоря уже о грамматических и пунктуационных ошибках. Так что если не «полноценное» со-

чинение на тему вроде «Небо в поэтике Льва Толстого», то хотя бы эссе на вольную тему неплохо было бы ввести в выпускные экзамены уже в 2014 году. Глядишь, появятся еще и такие совсем не бесполезные предметы, как логика или риторика. А то вскоре мы просто перестанем понимать друг друга. ●

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)»

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Россотрудничества

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Министр культуры Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной Думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной Думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ФУРСЕНКО А.А.

Помощник президента Российской Федерации

ЮРКОВ Е.Е.

Директор Института русского языка и культуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, генеральный секретарь Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы

МОЛЧАНОВ Д.В.

Директор департамента культуры Аппарата правительства Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Директор департамента специальной связи МИД России

ЧЕРНОВ В.А.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ЯКУНИН В.И.

Президент открытого акционерного общества «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06** Не священная корова
- 10** Забытая не всеми
- 12** Декларация или дискриминация?

16 Константа Юрия Яковлева

СИТУАЦИИ

- 18** В поисках душевного мультфильма

ИСТОРИЯ

- 22** На молитву, шапки долой!

30 Путь протопопа

НАСЛЕДИЕ

38 Блажен озлобленный поэт

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

- 46** «Первый русский романист»

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

- 50** Сказки города Пеннабилли

56 Образ мастера

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(499) 519-01-68

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Геннадий ЕВГРАФОВ
Дмитрий ИВАНОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Денис ТЕРЕНТЬЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
info@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

- 64** «Дед скорился с царями,
а я дружил с генсеками»

ИНТЕРВЬЮ

- 68** Каждому – свое
72 Хранители традиций

ХОББИ

- 76** Небесные инструкции

РЕПОРТАЖ

- 80** Дом хлеба. Дом
Рождества

ЭКСПЕДИЦИЯ

- 88** «И тут есть Индийская
страна...»

НЕ СВЯЩЕННАЯ КОРОВА

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПАРЛАМЕНТСКИЕ СЛУШАНИЯ НА ТЕМУ «СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ» СОСТОЯЛИСЬ 11 ДЕКАБРЯ В КОМИТЕТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РФ ПО ОБРАЗОВАНИЮ. РЕКОМЕНДАЦИИ СЛУШАНИЙ ЛЯГУТ В ОСНОВУ ПОПРАВОК В НОВЫЙ ЗАКОН «ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ», ВСТУПИВШИЙ В СИЛУ 1 СЕНТЯБРЯ 2013 ГОДА.

ОБЫЧНО ПАРЛАМЕНТСКИЕ слушания проводились в Госдуме накануне принятия больших законов. 11 декабря их провели по совершенствованию недавно принятого закона «Об образовании...», что участники с надеждой отметили как «появляющуюся хорошую традицию». В дискуссии приняли участие председатель комитета Государственной думы по образованию, председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов,

заместитель председателя комитета Госдумы по образованию Алена Аршинова, первый заместитель министра образования и науки России Наталья Третьяк, а также руководители фракций и комитетов Госдумы, представители Совета Федерации, Минфина, Минтруда, Минздрава, Минобороны, Роспотребнадзора, региональных законодательных собраний, общественных организаций, ученые и педагоги. В дошкольном образовании России уже полтора века не было таких мас-

штабных реформ. Указом президента РФ от 7 мая 2012 года «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» закреплена задача до 2016 года обеспечить стопроцентную доступность дошкольного образования для детей 3–7 лет. Были приняты соответствующая государственная программа и план мероприятий.

В рамках реформы в 2013 году для строительства новых детских садов во всех регионах и реорганизации старых было выделено 50 миллиардов рублей. Планируется на эти деньги обустроить 350 тысяч новых мест в детсадах. Федеральный бюджет на 2014 год предполагает выделение еще 10 миллиардов рублей, а затем еще 9 миллиардов. В итоге к 2016 году 1,2 миллиона детей пойдут в новенькие сады, а очередь в дошкольные учреждения исчезнет. Это планы. В реальности же сейчас только 60 процентов российских детей ходят в дошкольные образовательные учреждения (6,2 миллиона детей), в стране работает 56,4 тысячи детских садов, из них 48 процентов находится в сельской местности, 52 процента – в городах и поселках городского типа. При этом довольно слабо развита частная инициатива.

Всего 80 тысяч детей ходят в 1022 негосударственных сада.

«Местные власти настороженно относятся к частной инициативе, используя любые предлоги для отказа, самый удобный из которых – санитарные правила и нормы, – сказала заместитель председателя Госдумы Людмила Швецова. Она привела пример из личной практики, когда не сумела уговорить санэпиднадзор разрешить открыть детский сад на Арбате в полуподвальном помещении. – Нужно менять законодательство, разрешать устраивать детские сады в жилом секторе». Людмила Швецова затронула проблему, «которой нет в президентской программе до 2016 года, но она крайне важна»: доступность детских садов для детей от 1,5 до 3 лет. Матери детей старше 1,5 лет получают помочь от государства в размере... 50 рублей в месяц и вынуждены работать. Куда девать детей? Докладчица привела опыт Франции, которая за несколько лет значительно повысила рождаемость за счет госпрограмм по уходу за детьми от 1,5 до 3 лет.

Другая наша «беда» – возможное повышение платы за детский сад с января 2014 года в связи с отменой ряда льгот. По новому закону теперь региональные власти устанавливают эти суммы, и многие уже заявили, что плата будет расти. Конечно, участники парламентских слушаний выразили желание, чтобы такого не случилось. Привели в пример Москву, заявившую, что плата за присмотр и уход будет не выше 20 процентов от стоимости услуг. Но и назвали тяжелые цифры, показывающие положение дел, если мечты не сбудутся. Согласно экспертным оценкам 2013 года Росстата, половина населения России зарабатывает менее 20 тысяч рублей. 32 процента российских семей с детьми имеют доходы ниже прожиточного минимума. 58 процентов многодетных семей [более трех детей] живут за чертой бедности. Этим семьям детские сады будут не по карману, если обязать их оплачивать полную стоимость услуги.

В своем докладе Людмила Швецова затронула и вероятное сокращение количества «учреждений компенсирующего типа» – например, для детей с ограниченными возможностями. Если их не поддержать зако-

По словам Вячеслава Никонова, «Закон об образовании...» можно и нужно поправлять

Людмила Швецова привлекла внимание к проблеме воспитания детей от 1,5 до 3 лет

нодательно, то возможны ситуации, когда в одном классе будут учиться обычные дети, а также дети с психическими расстройствами, с задержками в развитии и т.д. Депутат предложила внести корректировки в законодательство, «чтобы стимулировать развитие учреждений компенсирующего типа и не допустить социального сиротства». Она призвала не забывать, что российское дошкольное образование – одно из передовых в мире и «за строительством новых детских садов нельзя забывать о содержании образования, его качестве и разнообразии». Продолжая тему разнообразия, Наталья Третьяк сообщила, что с введением нового закона негосударственные учреждения получили

право на субсидии наравне с государственными для реализации образовательной программы. Теперь даже в аттестации работников государственные и негосударственные детские сады по закону равны. По словам чиновницы, в России с 1 января заработает прозрачная схема электронных очередей в детские сады и будут снижены требования санитарно-гигиенических норм и правил.

Тему новых санитарно-гигиенических норм уточнил Семен Плаксин, начальник отдела Роспотребнадзора. «Санитарные правила в отношении дошкольных образовательных организаций» готовятся примерно полгода. Документ составлялся на основе 200 предложений, которые поступили на сайт Роспотребнадзора в рамках общественного обсуждения нового документа. «Этот документ, скажем так, получается оптимально-лояльным, – сказал Семен Плаксин. – Он сейчас находится на согласовании в Министерстве образования и науки РФ. Прежде всего мы обращаем внимание на группы, которые будут размещаться в жилом секторе. Скажу вкратце, мы исключили позиции по этажности и конкретизировали вопросы организации питания в условиях обычной кухни с маленьким набором оборудования и посуды. Оптимизировали условия доставки продуктов: продукты можно заказывать в комбинатах питания, покупать в магазинах, на рынках и готовить самостоятельно».

КРИК ДУШИ

В конце ноября 2013 года в Федеральном Собрании РФ прошел круглый стол на ту же самую тему. Сергей Рыбаков, член комитета Совета Федерации по науке, образованию, культуре и информационной политике, затронул только болевые точки. «Нужно обратить внимание на зарплату младшего персонала, а не только воспитателей, – сказал он. – Есть, например, у нас оклады в 2 тысячи с лишним, что даже ниже МРОТ».

Сергей Рыбаков объяснил, почему сейчас повсеместно детские сады отказываются принимать детей младше 3 лет: «В действующем правительственном постановлении, которое определяет порядок субсидий, четко написано, что субсидии выде-

ляются на группы после 3 лет. Этот денежный кнут и вынуждает регионы бросать все силы на группы после 3 лет, отказывая другим». Нужно менять законодательные нормы и с обеспечением медицинского персонала. По новым нормам с 1 января в садах не будет сидеть медсестра, а медпомощь детям станет оказывать врач поликлиники, иногда на одного врача у нас в стране приходится по 500 детей. «Медицинский работник, вне всякого сомнения, должен следить за ребенком начиная с его прихода в сад и заканчивая уходом домой, – сказала Ирина Мануйлова, заместитель председателя комитета Госдумы по образованию. – Необходимо также расширять специализированные группы в детских садах и за ними также закреплять специальный персонал. У нас сейчас вообще не происходит ранней диагностики детей с ограниченными возможностями здоровья, особенно во всем, что касается задержек психического развития». «И еще, мы все понимаем, что 1 января 2014 года государственный стандарт в детских садах России мы не введем в полном объеме, – сказала депутат. – А надзорные органы уже смогут с полным правом требовать его выполнения на 100 процентов. Чтобы защитить образовательные учреждения от неоправданных штрафов в переходный период, нужно создать нормативный акт, где были бы прописаны механизмы и порядок внедрения наших стандартов».

«За последние двадцать лет в нашей стране не было такого огромного финансового вливания в дошкольное образование, это очень радует, – сказала Татьяна Волосовец, директор Института психологического-педагогических проблем детства. – Но наши исследования показали, что сегодня средний возраст педагога в регионах России – около 50 лет. Следовательно, когда будут вводиться в строй наши новые дошкольные образовательные организации через три-семь лет, наши коллеги уйдут на заслуженный отдых, и возникнет огромная кадровая дыра. Я считаю, необходимо подумать о возможном увеличении контрольных цифр приема на дошкольные специальности педагогических вузов и колледжей».

В парламентских слушаниях приняли участие и власти, и практики, и научная общественность

«Я поддерживаю ваше предложение, – ответила Тамара Ерофеева, профессор Московского педагогического государственного университета, – но если на государственном уровне не будут разработаны механизмы, позволяющие удерживать эти кадры в дошкольных образовательных учреждениях, то, наверное, потребность все равно мы никогда не сможем удовлетворить. Проблема должна решаться на государственном уровне, а не перекладыванием ответственности на вузы, которые подготовили кадры». Тамара Ерофеева озвучила «крик души практических работников»: «Не знаю, к кому нужно обращать этот крик души. Но проблема очень и очень серьезная. Необходимо сокращать документооборот в дошкольном образовательном учреждении, сводить к минимуму все эти бесконечные отчеты, справки и т.д., которые обязаны готовить педагоги».

«Характер нашего государства должен быть все-таки общественно-государственным, – повернула разговор на темы частно-государственного партнерства Марина Шилкина, руководитель федерального проекта «Билдинг Сад». – Надо больше вовлекать в этот процесс активных лидеров, предпринимателей, и хочется все-таки создать ту Россию, в которой можно жить, рожать и расти детей». Марина Шилкина подняла вопрос монополизации государ-

ством образования. Она привела статистику. На 1 ноября 2013 года очередь в детские сады составляла более 2 миллионов детей до 3 лет, более 1,5 миллиона – 3–7 лет. Чтобы построить сады для всех этих детей, нужно 2 триллиона рублей – их в таком объеме нет. «Прежде чем отвечать на вопрос, где взять деньги на строительство детских садов, давайте ответим на другой вопрос: почему мы не вовлекаем негосударственный сектор? Бизнес готов, он уже принял на себя такие обязательства. Сейчас в регионах действуют почти 6 тысяч предпринимателей». Марина Шилкина рассказала о своем интересном проекте, поддержанном на самом высоком политическом уровне, где сады для детей в возрасте от 2 месяцев открывают частные предприниматели, а государство возмещает расходы. Результаты быстрые и эффективные. Сейчас в Московской области создано почти 2 тысячи мест в детских садах [затрачено 120 миллионов рублей], более 1200 мест – в Самарской области [затрачено 30 миллионов рублей]. По словам Мариной Шилкиной, реализация тех же проектов государством обошлась бы значительно дороже. Негосударственный сектор способен решить проблемы присмотра за детьми до 1,5 лет, считает Ирина Петрунина, руководитель программ Агентства стратегических инициатив. Она сообщила, что сейчас в

Впервые в истории Госдумы парламентские слушания провели в рамках совершенствования принятого закона

России осталось всего 233 ясли-нных учреждения. Проекты, подобные «Билдинг Саду», уже работают в 17 российских регионах. «Часть вопросов для негосударственно-го сектора в законе «Об образовании...» осталась неурегулированной, – сказала она. – Ситуацию со ставкой налога на прибыль, а точнее, с родительской платы нужно решать как можно быстрее. Уже существуют претензии прокуратуры по этому вопросу. Судебные разбирательства идут в Приморском крае. Опять же, закон не позволяет пока реализовать прекрасную схему, когда родители получают услугу присмотра и ухода за ребенком у одного поставщика, например у индивидуального предпринимателя, а дошкольного образования – у государственно-го детсада». Ирина Петрунина отметила, что пока есть препятствия для участия негосударственного сектора в организации учреждений для детей-инвалидов. «В настоящее время ребенок-инвалид может получать бесплатные услуги только в государственном секторе, – сказала она. – В законе не прописано, кто будет возмещать расходы негосударственных организаций на детей-инвалидов. Извините, это уже нарушение антимонопольной политики, к этому вопросу нужно возвращаться и разрешать равный доступ к бюджетному финансированию бюджетных и не бюджетных организаций».

БУДУЩЕЕ ЕСТЬ

Разговор обострился еще больше, когда слово взяли практики и представители регионов. Проблемы сельских детских садов озвучила Наталья Куликова – заведующая детским садом №4 «Ласточка» Краснохолмского района Тверской области. 84 процента всех российских садов – малочисленные, от 5 до 20 учеников. Наталья Куликова без эмоционального драматизма описала жизнь тверских деревень. Большие проблемы с достойной

Сергей Рыбаков заявил, что положение младшего персонала в детских садах России катастрофическое

оплатой труда, благоустроенным жильем, дорогами, школами и детских садов в иных местах вообще нет, как и педагогов. Идет непрерывный отток молодежи. «Как же сельским дошкольным образовательным организациям в свете сегодняшних перемен найти свой путь, не снижая качества образования? – спросила она. – Я считаю, дорогие коллеги, что будущее у нас есть. Мы рады, что разновозрастные группы учащихся нашли отражение в новом законе». Докладчица демонстрировала стоический оптимизм. В новых условиях «подушевого финансирования» малочисленные сады будут остро нуждаться без дополнительных субсидий. Большинство зданий дошкольных учреждений было построено в лучшем случае в 80-х годах и требует как минимум капремонта. Мебель старая, техники и компьютеров не хватает. Выход в Интернет есть не везде. «Как же выполнять стандарт, вести делопроизводство, электронную очередь?» – риторически спросила Наталья Куликова. Она рассказала, что прокуратура и Минобрнауки требуют от всех садов, в том числе сельских, создания и ведения сайта в Интернете. Учителя, которые преподают все предметы подряд, работают логопедами и психологами, в свободное время осваивают компьютерную грамотность и делают дома эти сайты, принимая замечания от надзорных органов в случае недолжного качества. А что делать? К слову, по данным Роспотребнадзора, 41 процент сельских садов имеет сайты.

Прямо противоположные проблемы в успешных регионах, Москве и Санкт-Петербурге. «В нашей Ленинградской области в большинстве районов существуют очереди в детские сады, – сказал Владимир Цой, председатель комиссии Законодательного собрания Ленинградской области. – Я думаю, уже в следующем году у нас очередей не будет, за исключением Всеволожского района, где идет активное высотное строительство. У нас есть деньги и предпроектные заключения. Это может звучать смешно, но в целом районе нет места для строительства

детского сада. Отсутствуют земельные участки. У региона нет прямой возможности заставить выделить участки под детские сады, потому что их гораздо выгоднее застроить многоэтажными домами». Законодательное собрание Ленинградской области сейчас готовит поправки в Градостроительный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях, которые бы позволили привлекать должностных лиц органов местного самоуправления к ответственности за такие вещи. «У нас только по двум районам возбуждено около 600 судебных эпизодов, – сказал Владимир Цой. – И будет очень печально, если мы к 2016 году вернем не израсходованные на строительство детских садов деньги, имея очереди». Каждый из выступавших представителей регионов просил учесть свою специфику. Например, Республика Саха предложила внести законодательные поправки по кочевым детским садам и ввести обязательное дошкольное образование детей с 5 лет. Краснодарский край аж с 2008 года практикует разные формы семейного дошкольного образования. Исходя из опыта, они предлагали вносить изменения и уточнения в систему оплаты таких форм и сказали, что методические проблемы семейного воспитания стоят крайне остро. «Очевидно, мы не зря здесь сегодня собрались, – сказал в заключительном слове Вячеслав Никонов. – То, что сегодня прозвучало, на мой взгляд, станет основой сразу для нескольких поправок к закону «Об образовании...». Сегодня они родились». Депутат сообщил, что в ближайшие дни Государственная дума примет первую поправку к этому закону в первом чтении – по вопросу о льготах при поступлении в вузы для детей-сирот. «Как видите, закон, который вступил в силу 1 сентября, не является священной коровой, – продолжил Вячеслав Никонов. – Ясно, что его можно и нужно поправлять, и я приглашаю вас к активной деятельности в этом направлении. Мы поддержим любое здравое начинание, которые будет способствовать развитию системы образования, являющегося залогом будущего нашей страны. И если даже Краснохолмский район Тверской области считает, что будущее у нашей системы образования есть – значит, оно действительно есть».

ЗАБЫТАЯ НЕ ВСЕМИ

АВТОР

МИХАИЛ ФАДИЧЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

РАСХОЖИЙ ШТАМП «ЗАБЫТАЯ ВОЙНА» ПРИМЕНЯТЕЛЬНО К ТЕМЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ УЖЕ НЕ ТОЧЕН. ОБ ЭТОМ ГЛОБАЛЬНОМ ТРАГИЧЕСКОМ СОБЫТИИ В ИСТОРИИ РОССИИ ГОВОРЯТ ВСЕ ЧАЩЕ. ТО ТАМ, ТО ЗДЕСЬ ПРОВОДЯТСЯ РАЗНООБРАЗНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ИЗДАЮТСЯ КНИГИ, ВЫНОСЯТСЯ НА СУД ЛЮДСКОЙ РАЗЛИЧНЫЕ ИДЕИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УВЕКОВЕЧИВАНИЮ ПАМЯТИ.

ОДНО ИЗ ТАКИХ ЗНАКОВЫХ мероприятий прошло в конце 2013 года в Государственном Историческом музее (ГИМ) в Москве. III Международная научно-практическая конференция «Первая мировая война. Взгляд спустя столетие: предвоенные годы» собрала российских, болгарских и итальянских историков, представителей общественных организаций, волонтеров. Двухдневную работу конференции организовали собственно ГИМ, а также Академия МНЭПУ (Международный независимый экологополитологический университет), Фонд изучения наследия П.А. Сто-

лынина, Российская ассоциация историков Первой мировой войны при поддержке Российского государственного военно-исторического архива. Помимо приличествующих случаю докладов, обсуждений, тематических заседаний в секциях на конференции подвели итоги международного интернет-конкурса работ, представленных студентами, аспирантами и молодыми учеными-историками по соответствующей проблематике, продемонстрировали выставку уникальных документов из фондов РГВИА и коллекцию предметов 1914–1918 годов из фондов ГИМа.

Несколько лет назад Государственный Исторический музей военно-историческую тему приоритетной в своей работе не считал. Но с приходом нового директора, Алексея Левыкина, ситуация заметно изменилась. Именно в ГИМе в прошлом году открылся музей в музее, посвященный Отечественной войне 1812 года. И сейчас руководитель ГИМа активно инициирует различные программы, связанные с грядущей датой – столетием начала Первой мировой.

На правах хозяина Алексей Левыкин и открыл конференцию, точно и ясно определив главные цели для музейного сообщества России. В советское время Первую мировую иначе как империалистической не называли. Да и вспоминали о ней крайне редко. События 1914–1918 годов были отодвинуты на десятый план. Все внимание историков и общественности искусственно сосредоточили на других событиях – Октябрьском перевороте 1917 года и Гражданской войне. «Это отношение и привело к тому, что на протяжении очень длительного времени музеи не комплектовали фонды. Трудно было представить, что одним из направлений музейной работы было бы комплектование коллекции, связанной с Первой мировой войной». Из этих слов директора ГИМа явствует, что положение музейщики намерены радикально исправлять. Отдельно было подчеркнуто, что есть объективные трудности и у

музейных работников, и у поисковых отрядов, и у политиков в части принятия решений поувековечиванию памяти. Основные события для Российской империи в ту пору свершались на территориях Прибалтийских республик, Польши, Белоруссии, Украины, Турции. Нынче со странами-соседями далеко не просто выработать консенсус в отношении к истории 1914–1918 годов.

Участники конференции обсудили вопросы и проблемы, связанные с изучением истории и сохранением памяти о Великой войне

Тем более что и в самой России имеют место разные трактовки, включая весьма оригинальные. В частности, на конференции в одном из выступлений прозвучало, что «в 1916 году России уже принадлежали Босфор, Дарданеллы и Константинополь». И – что «у России отняли победу». По второму тезису можно дискутировать. В том смысле, что отчасти отняли, отчасти мы от нее, этой победы, сами отказались, затеяв смуту. Что касается первого посыла, то, увы, в 1916 году ни проливы, ни древняя столица Восточной Римской империи нам не принадлежали. Ни де-факто, ни де-юре. После таких заявлений сотрудничество с современными державами, на территориях которых воевала Русская армия в Первую мировую, только усложняется.

С другой стороны, это лишний аргумент в пользу того, что изучение истории Первой мировой войны – вещь необходимая. И актуальная. Ибо таково устройство мира. Когда-то совершенная ошибка приводила к определенным последствиям. Непонимание природы этой ошибки приведет к еще более тяжелым последствиям завтра.

Конференция была научно-практической. То есть помимо исторических докладов и оценок содержала и прагматическое начало. Предельно конкретно высказался президент Российской ассоциации историков Первой мировой войны, руководитель Центра «XX век» Института всеобщей истории Российской академии наук профессор Евгений Сергеев. Он предложил организовать музей Первой мировой войны в Москве, в здании бывшего кинотеатра «Ленинград», что неподалеку от станции метро «Сокол». Место не случайное. Это здание построено там, где в начале XX века находилось Братское кладбище, на котором хоронили воинов, умерших от ран в госпиталях Первой мировой войны.

2013 год в России был Годом истории. Наступил 2014-й – Год культуры. Судя по тому, что с историей мы не попрощались, есть надежда на то, что в наступившем году эти понятия в национальном сознании сольются. А история Первой мировой войны получит столь необходимое ей культурное подкрепление.

ДЕКЛАРАЦИЯ ИЛИ ДИСКРИМИНАЦИЯ?

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В ЛАТВИИ ОТМЕТИЛИ 65-ЛЕТИЕ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, ПРИНЯТОЙ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕЙ ООН 10 ДЕКАБРЯ 1948 ГОДА. НАКАНУНЕ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЙ ДАТЫ ЛАТВИЙСКИЙ КОМИТЕТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПРИ СОДЕЙСТВИИ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОДДЕРЖКИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ПРОВЕЛ В РИГЕ МЕЖДУНАРОДНУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ, ПОСВЯЩЕННУЮ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЙ ДАТЕ. А ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ – АККУРАТ В ДЕНЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА – БЮРО ОМБУДСМЕНА ЛАТВИИ ВЫСТУПИЛО С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ПЕРЕВЕСТИ ВСЕ СРЕДНЕЕ ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК ОБУЧЕНИЯ...

В ЛАТВИИ ЭТА НОРМА Будет означать ликвидацию образования на русском языке, который является родным почти для 40 процентов населения республики. Абсурдность ситуации состоит в том, что сама должность омбудсмена предполагает защиту прав человека, в том числе представителей национальных меньшинств – в полном соответствии с духом и буквой того самого международного акта, подписанного почти всеми странами-членами ООН. В 1990 году Латвия также присоединилась к Всеобщей декларации прав человека, что означает признание ее обязательной для исполнения.

Да, конечно, с того дня минуло уже четырнадцать лет, возможно, просто надо напомнить еще относительно молодому руководителю Бюро омбудсмена Юрису Янсонсу, под чьим подписалась его страна? Иначе как-то непонятно, почему за все время его работы на этой должности он практически ни разу не обратил внимания на ненормальную ситуацию с массовым безгражданством в Латвии, на поражение в правах русскоязычного населения, которое регулярно подвергается штрафам за «грешный их язык» со стороны властей. А как же быть с первой и, может быть, самой главной статьей Декларации, которую главный инициатор ее создания – Элеонора Рузвельт, жена президента США

Франклина Рузвельта, – назвала «Великой хартией свободностей для всего человечества»? Первая статья гласит: «*Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства.*» Не лишним будет напомнить и статью 15: «*Каждый человек имеет право на гражданство. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство.*» И уж совсем, видимо, запамятовал офи-

циальный защитник прав человека про статью 26 международного акта, которая гласит, что «*каждый человек имеет право на образование...* Родители имеют право приоритета в выборе вида образования для своих малолетних детей». На протяжении уже более чем двадцати лет независимости стран Балтии крупнейшие национальные меньшинства этих государств – русскоязычные и польскоязычные – требуют от властей неукоснительного соблюдения их законных человеческих и гражданских прав, продекларированных в «Великой хартии». Но просвещенная Европа, в чей состав они влились уже десять лет назад, их в упор не видит и не слышит.

ПОЧЕМУ МОЛЧИТ ЕВРОПА?

О тревожной ситуации, сложившейся сегодня с правами человека в Европе, на конференции в Риге говорили многие известные правозащитники и международные эксперты, политологи и историки, педагоги и журналисты. Представитель российского Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, Сергей Прохоров отметил, что в соответствии с Конституцией РФ несоблюдение иностранными государствами основных прав человека в отношении соотечественников является поводом для принятия мер, предусмотренных международным законодательством. Так, проблема

Мирослав Митрофанов рассказал о новой преамбуле к Конституции Латвии, которая должна на веки вечные закрепить права представителей «государственной нации»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

массового безгражданства в Латвии и Эстонии вызывает серьезную обеспокоенность руководства России, как и отсутствие у многих жителей этих стран политических и социальных прав. «В Латвии более 300 тысяч человек лишены даже права участия в муниципальных выборах, хотя таким правом наделены приехавшие в страну граждане из других европейских стран, – заметил Сергей Прохоров. – Это ненормальная ситуация, на что неоднократно указывали и многие профильные международные организации. Однако официальные власти их упорно игнорируют. Видимо, уже созрела необходимость в повторных напоминаниях».

Представители трех республик рассказали, к каким политическим и юридическим манипуляциям прибегают власти в их странах, чтобы на уровне законов закрепить режим, основанный на разделении народа по этническому признаку. При этом, как это ни парадоксально, защитники этнократических режимов лицемерно ссылаются на Декларацию прав человека, правда, относя ее только к титульной части населения.

Остальным – дискриминация, поражение в правах и запрет на любые попытки как-либо изменить ситуацию в свою пользу.

Многим наверняка еще памятна недавняя трагедия в Риге, где под обвалившейся крышей супермаркета погибли 54 человека. В первые же

минуты и часы с момента обрушения на помощь пострадавшим ринулись сотни людей. Помогали кто чем мог – теплыми одеялами, продуктами, деньгами, добрым словом... В течение двух недель к месту катастрофы приходили толпы людей – чтобы возложить цветы в память о погибших, зажечь свечи, вместе поклакать. За короткое время было собрано более миллиона евро для помощи пострадавшим и семьям погибших. Люди стояли в очереди, чтобы сдать кровь раненым. Никому и в голову не приходило спрашивать про их этническую принадлежность, проверять их знание госязыка... Разделяя одно горе на всех, и русские, и латыши ощутили себя единственным народом, как это и было всегда, сколько мы живем вместе на этой земле. Все забыли о жарких спорах вокруг странной преамбулы к Конституции, которую с подачи националистических сил собираются принять в Латвии. Но только лишь на минуту. Она прошла, а преамбула осталась.

По мнению участника конференции Мирослава Митрофанова, экс-депутата Сейма Латвии от партии ЗАПЧЕЛ, преамбула предназначена сделать незыблемыми и неприкованными права латышей как «государственной нации» – предлагается этот новый термин, которого не было в Конституции. В соответствии с новыми поправками каждый гражданин будет обязан защищать

латышский язык как единственный государственный язык. По задумке авторов скандальной преамбулы эти положения должны стать неприкованными, их нельзя будет менять даже путем референдумов. Какие-либо обсуждения статусов языков национальных меньшинств после таких поправок станут просто невозможными, а их инициаторов смогут обвинить в антиконституционной деятельности. Понятно, что левые партии не поддержат принцип доминирования «латышской Латвии», что, таким образом, накануне предстоящих выборов в Европарламент сделает их врагами нации в глазах латышского избирателя... Мирослав Митрофанов напомнил, как на заре борьбы за восстановление независимости республики один из активистов-националистов вполне серьезно предлагал ввести «карту латыша», по которой можно было бы проходить без очереди или получать дефицитные товары. Тогда над этим посмеялись и забыли, но данная преамбула, по сути, и есть та самая карта, гарантирующая привилегии для одной избранной нации.

Доктор социальных наук, представитель татарской общины из Литвы Рафаэль Муксинов привел в пример Конституцию Литвы и преамбулу к ней, где очень красиво и правильно прописаны права человека на свободу слова, выражение своего мнения и убеждения, на образование и т.д.

Слева – известный адвокат, профессор права из Великобритании Билл Боуинг

А на деле стоило представителю левых партий Альгирдасу Палецкису лишь высказать свою версию январских событий 1991 года – причем со ссылкой на исторические источники! – как он тут же был подвергнут уголовному преследованию. И ничего – Европа смолчала. В то же время неонацистские настроения в стране поощряются, можно сказать, на высшем уровне. Если раньше в шествиях по центральным улицам Вильнюса национал-радикалов, скандирующих «Литва для литовцев!», участвовало по 400–500 человек, то в этом году, после того как президент страны Даля Грибаускайте назвала их нормальными ребятами, патриотами, число марширующих возросло до нескольких тысяч. Люди имеют право на свои убеждения? Как видим, далеко не все...

«Мы никогда не согласимся, что в Литве должен быть только один государственный язык, – сказал Муксинов, – Литва не хочет подписывать Хартию о региональных языках и языках нацменьшинств, нет у нас и закона о нацменьшинствах. В Вильнюсе и Вильнюсском kraе проживает около 50 процентов нелитовцев, в Висагинасе живет около 80 процентов русскоязычных граждан, в Клайпеде – 40 процентов. Тем не менее эти люди не имеют права пользоваться родным русским языком даже в местах компактного проживания, у них нет полноценной системы образования на родном языке. В таких условиях ассимиляция неизбежна, и она ускоряется, когда от детишек польских и русских школ требуют сдавать единый выпускной госэкзамен по литовскому языку наравне с выпускниками литовских школ». В 2003 году в Литве был создан Институт по правам человека, на сайте которого можно прочитать данные мониторингов. Выводы экспертов: с момента вступления Литвы в Евросоюз положение с правами человека в стране ухудшилось. В Литовской Республике возросла нетолерантность по отношению к нацменьшинствам, широко распространены антисемитизм, ксенофобия, гомофобия, расизм. С этими выводами совпадают оценки Европейской комиссии ООН по правам человека. Были сделаны конкретные политические и юриди-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ческие замечания, даны рекомендации по улучшению ситуации. Но, как подчеркнул представитель Литвы, чтобы Всеобщая декларация прав человека выполнялась, сегодня нужны не только механизмы контроля – необходим действенный механизм принуждения к выполнению рекомендаций по правам человека.

ПРЕАМБУЛОЙ ПО ДЕКЛАРАЦИИ И ПО ЯЗЫКУ

Коллегу поддержал и правозащитник из Таллина Алексей Семенов, директор Центра информации по правам человека, добавив, что в Эстонии в 2007 году также внесли дополнение в преамбулу к Конституции, закрепив статус эстонского языка как единственного государственного. Как известно, в 2007 году был начат частичный перевод русских школ на эстонский язык обучения, тогда же начались протесты, обращения в суд. Преамбула стала удобным механизмом пресечения любых акций и инициатив, которые могут расцениваться как антиконституционные. Хотя апартидам Эстонии, в отличие от латвийских неграждан, и разрешено участие в муниципальных выборах, они лишены всех остальных прав, которые были отняты у русскоязычного населения в 1991 году. От всех претензий в свой адрес в сфере нарушения прав нацменьшинств прибалтийские политики приоро-

вились отмахиваться железным аргументом: таковы, мол, особенности наших исторических условий! Как указал публицист Илья Никифоров из Таллина, ссылки на исторические особенности и специфику Прибалтики сегодня оправдывают и проблему безгражданства, и языков нацменьшинств, и ликвидацию образования на русском языке. Но, кроме того, политика однобокой исторической памяти формирует образы «своих» и «чужих», подпитывая местный национализм и стремление к ассимиляции «инородцев».

В форуме в Риге принимал участие и профессор права из Великобритании Билл Боуринг, который хорошо известен в России и других странах. Он неоднократно защищал в Европейском суде по правам человека граждан бывших советских республик. Билл Боуринг был знаком с умершим недавно Нельсоном Манделой, лично трижды встречался с ним, обсуждая проблемы апартеида. Выступая перед балтийцами, профессор права напомнил: «В свое время СССР воздержался от подписания Декларации прав человека из-за двух основных моментов – потому что она не содержала осуждения нацизма, что они предлагали, а также – права народа на самоопределение. Автором этого права был Владимир Ленин, который в 1919 году дал независимость Прибалтийским республикам, а также Польше и Финляндии. Ленин под-

писал договор между Латвией и Советским Союзом о вечном уважении независимости друг от друга. Сегодня в Латвии нам стоило бы вспомнить об этом». Родная страна Бурунга, по его словам, никак не может служить образцом соблюдения прав человека, исторически Британия всегда была довольно агрессивной империей, ведущей активную колониальную политику. «Великобритания периодически отказывается выполнять решения ЕСПЧ, не принимая их во внимание, – посетовал специалист по международному праву, – уже было несколько таких precedентов. И вот уже и Украина недавно тоже отказалась выполнить решение суда – восстановить в должности незаконно уволенного судью. А объяснил такой пассаж министр иностранных дел желанием... следовать примеру Великобритании». Говоря о стране, которая периодически обвиняет Россию в нарушении прав человека, депутат Европарламента Татьяна Жданок назвала Великобританию чемпионом по нарушениям в области юстиции. Свое выступление на конференции депутат посвятила эволюции нравственных ценностей и правам человека в современной Европе. Правозащитниками было подсчитано, что наибольшее количество нарушений фиксируется в сфере ювенального права Британского Королевства. Так, по их данным, за последние пять лет из семейств, в которых один или оба родителя являются эмигрантами, было изъято более 6 тысяч детей. И очень часто это происходило под совершенно абсурдными предлогами. Татьяна Жданок призвала обратить внимание на то, что в Европе наметилась опасная тенденция к противопоставлению абсолютной свободы и морали. «Это особенно откровенно было выражено в Европарламенте, когда мой коллега по ассоциации «зеленых» Вернер Шульц выдвинул Pussy Riot на премию Сахарова... за достижения в области свободы духа! Я это восприняла как плевок, – призналась Татьяна. – В наших дискуссиях часто цитируется первая статья из Всеобщей декларации прав человека о том, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и в своих правах. Но свобода каждого человека ограничена свободой другого человека на то же самое. Свобода

выражения группы, которая выступила со своей акцией в храме Христа Спасителя, нарушила право других людей на достоинство». По мнению Татьяны Жданок, термин «человеческое достоинство» должен быть введен в международный правовой лексикон. Между прочим, глава Русской православной церкви Кирилл, будучи митрополитом Смоленским и Калининградским, предлагал это сделать еще в 2006 году. А в 2012 году Совет ООН по правам человека по инициативе России большинством голосов принял резолюцию, которая гласит, что «понимание и уважение традиционных ценностей способствует поощрению и защите прав и свобод человека». Интересно, что США и Евросоюз проголосовали против.

«ИМ НУЖНО, ЧТОБЫ НАШИ ДЕТИ ЗНАЛИ СВОЕ МЕСТО!»...

Бывший депутат Сейма Латвии Яков Плиннер, а ныне директор частной русской школы, указал на дискриминационный характер латвийских законов о гражданстве, языке и образовании. «Как доктора педагогики меня особенно тревожит и возмущает неподготовленное и насильственное внедрение государственного языка в школах нацменьшинств, что, конечно, снижает конкурентоспособность наших детей на рынке труда. Кроме того, происходит сокращение русских школ в городах и их ликвидация в сельских регионах. Сегодня в Латвии остались всего лишь 84 русские школы. Напомню, еще в 1996 году таких школ было около 200. Вот уже более двадцати лет в Латвии не готовят педагогов для русских школ, через десять лет уйдет старая гвардия, а с ними и последние школы... В довоенной Латвии была довольно хорошая система обучения национальных меньшинств латышскому языку, в советские времена была замечательная система обучения латышских школьников русскому языку. Нужно было модернизировать эти системы обучения и внедрить их в современную практику, уверен – через три–пять лет результат был бы налицо. Я предлагал некоторым нашим министрам бесплатно подготовить эту систему и доказать ее эффективность. Но в Латвии никому это не нужно. Если вы думаете, что нашим правящим политикам необходимо, чтобы

русские дети знали латышский язык, то вы ошибаетесь – им нужно, чтобы дети нацменьшинств знали свое место». Через два дня после правозащитной конференции, когда весь мир отмечал 65-летие Всеобщей декларации прав человека, в Риге было обнародовано вызвавшее скандал заявление Бюро омбудсмена Латвии, которое после мониторинга в школах нацменьшинств предложило усилить в этих школах госнадзор за употреблением госязыка и качеством обучения. Было опрошено 49 директоров школ и 3272 ученика. Чиновники по правам человека посещали уроки, проверяя уровень владения русскими учителями государственным языком, и для многих вынесли приговор: «Учителям, не знающим латышского языка, нет места в образовательной системе Латвии». Главный правозащитник Латвии Юрис Янсонс, между прочим, юрист по образованию, высказался с комиссарской прямотой: «Некомпетентный, необразованный и неспособный педагог приравнивается к убийце». На том основании, что 50 процентов опрошенных школьников оценили свое владение госязыком как хорошее, Бюро омбудсмена предложило ввести норму о переводе среднего образования всех школ Латвии на латышский язык обучения. О судьбе остальных 50 процентов учащихся при этом «законники» не сказали ни слова. Как и умолчали они о том, что каждый второй из опрошенных школьников написал, что хотел бы учиться на родном русском языке, как это было до школьной реформы... Яков Плиннер, выражая мнение преподавателей, учеников школ нацменьшинств и их родителей, публично призвал руководство Латвии указать омбудсмену на недопустимость провокационных заявлений, противоречащих духу Всеобщей декларации прав человека. «В случае если правительство и Сейм предпримут действия по полному переводу среднего образования на государственный язык, я оставляю за собой право призвать общество к массовым акциям ненасильственного сопротивления, как я это уже делал десять лет назад», – предупредил экс-депутат. Вот так бурно в Латвии отметили День прав человека.

КОНСТАНТА ЮРИЯ ЯКОВЛЕВА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ЕСТЬ У МЕНЯ СТАРЫЙ ТОВАРИЩ, С КОТОРЫМ ВМЕСТЕ КОГДА-ТО ПРОРЫВАЛИСЬ В ЖУРНАЛИСТИКУ. ЧТО ОН, ЧТО Я – НЕ ЗАВЗЯТЫЕ ТЕАТРАЛЫ, ХОТЯ И НЕ ЧУЖДЫ, КАК ГОВОРЯТСЯ. СРЕДИ ПРОЧИХ АКТЕРОВ ЭТОТ МОЙ ТОВАРИЩ ВСЕГДА ВЫДЕЛЯЛ ЮРИЯ ЯКОВЛЕВА. А В МОЛОДОСТИ, ПРОХОДЯ ПО АРБАТУ МИМО ЗДАНИЯ ВАХТАНГОВСКОГО ТЕАТРА, ПРЯМО-ТАКИ ДЫХАНИЕ ЗАДЕРЖИВАЛ. ВДРУГ ИМЕННО СЕЙЧАС ВЫЙДЕТ ИЗ ДВЕРЕЙ СЛУЖЕБНОГО ВХОДА САМ ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ?

И НАДО Ж ТАКОМУ СЛУЧИТЬСЯ – однажды вышел. И товарищ мой, с твердым намерением взять автограф, пошел за Яковлевым следом. Так и шли корот-

кой кильватерной цепочкой. Задумавшийся о чем-то артист и снедаемый ожиданием молодой человек. С Арбата свернули в Плотников переулок, там, где замер сейчас бронзовый

Булат Окуджава. Дошли до подъезда в нужном доме. Товарищ окликнуть Яковлева так и не решился. Что помешало? Излишняя стеснительность? Особое энергетическое поле, окружающее выдающихся людей? Или – страх разочароваться? А вдруг кумир откажется в просьбе, обидит равнодушием, унирит насмешкой...

Когда идешь на интервью – надо готовиться. Так когда-то меня учили. И в тот раз, почти шесть лет назад, я готовился особенно тщательно. Не каждый день задаешь вопросы народному артисту СССР. Но – почти все, подготовленное заранее, не пригодилось. Да и интервью, строго говоря, не состоялось. А вместо него – долгий и откровенный разговор трех мужчин. Отца – Юрия Васильевича Яковлева, его младшего сына – театрального режиссера Антона и вящего покорного слуги.

Кому как, а для меня это всегда трудно – публично вспоминать о встречах и отношениях с теми великими людьми, с которыми сводила когда-либо журналистская профессия. С одной стороны, хочется рассказать, поделиться увиденным и услышанным только тобою, с другой – не отпускает ощущение, что твои попытки могут принять за хвастливое самодовольство и тщеславное самолюбование. Вот, мол, я какой! Вон с кем накоротке! Но жизнь, какой бы долгой она ни была, – не бесконечна. И великие тоже уходят. А раз так, мы, прикоснувшись, приобщенные, попавшие в орбиту – обязаны вспоминать вслух. В те первые часы знакомства с Юрием Васильевичем Господь уберег от банальных тем и пустых вопросов. Хотя по зрелом размышлении понял, что и сам Яковлев помог от них избавиться. Мудрый и чуткий хозяин

сразу приметил, что гость хочет говорить не о театре и кино, а о мире за окном. Десятилетиями отвечать на вопросы про принцессу Турандот и поручика Ржевского утомительно. Но к разговорам про жизнь тогда почти 80-летний Яковлев был очень даже расположен. И потому, что имелось что сказать. И потому, что живой интерес к миру, мальчишеское любопытство Юрия Васильевича были очевидны с первого слова.

Что-то из сказанного в тот сентябрьский день уже стерлось из памяти. Что-то потеряло былою актуальность. Но явилось и такое, что стало для меня откровением. Размышления и обмен мнениями приводили к удивительно точным и емким формулировкам, граничившим с афористичностью. «Сегодня трудно быть русским». «Образ России – это образ Богородицы»...

Наконец, Чехов. Очень близкий Яковлеву. Вернее – наиболее близкий из всех писателей земли русской. И – познававшийся постоянно. Тонкий, ироничный, ранимый, рефлексирующий, вопрошающий, но не отвечающий Чехов... Да что вы! Точный, ясный, порой – очень жесткий. Боец. Даром что в пенсне. Философ...

Говоря о «своем» Чехове, Яковлев уже не медлителен, уже не расслаблен. Тоже – точный и ясный! В отличие от большинства заслуженных и известных людей Юрию Васильевичу нравилось слушать других. Бывает, слушают благодаря воспитанности, такту, необходимости.

А ему – именно нравилось. Для меня вовсе не секрет, почему все актеры, кто работал с ним на сцене или в кадре, в один голос твердят о партнерском таланте Яковleva. Дар, который и в журналистике редок и ценен.

Больше никаких интервью не было. Даже попыток. Даже мыслей на сей счет. Неприкосновенность личной жизни – это ведь не только про политиков и артистов. У журналистов она тоже имеется. И пускать собственную профессию в собственную личную жизнь не хотелось. Прежде всего потому, что редкие встречи с Юрием Васильевичем были полны какого-то странного и с детства желанного ощущения. Казалось, время в современном, утилитарном смысле слова исчезало. На глазах самоуничтожалась суета, восстановливавшая свойственный человеческому существу ритм жизни, возобновлялись вечные ценности и предавались проклятию вечные мерзости.

Хотя в разговорах мы не уходили в бессвязную абстракцию, темы встречались весьма животрепещущие. Как-то раз целый вечер спорили и составляли петицию в защиту музея Евгения Вахтангова, находящегося в самом театре и попавшего в зону внимания очередного топ-менеджера. И про «Спартак», игравший без былого блеска и авантюристичности, – тоже случалось. И про грозу современного телевидения – бесчисленные сериалы. И – про театр, само собой.

В последние годы Антон Яковлев ставил спектакли в МХТ имени Чехова, в калягинском «Сетера», в РАМте, в Малом театре. Случалось оказываться на премьерах рядышком с Юрием Васильевичем. Он смотрел на сцену внимательно, а в антрактах был в частных рецензиях скуповат на слова. Но какие верные оказывались эти слова! И с каким достоинством оннес отцовское бремя. Там, на сцене, у Яковлева-младшего получалось, а здесь, в зале, Яковлев-старшийдержанно гордился происходящим. И только в редких вопросах, задаваемых неповторимым и знакомым всей России баритоном, чуть сквозило волнение. Все ли так ли? И было радостно на душе, потому что не приходилось ею кривить. Все было так. Наступало очередное лето, и Яковлевы звали в гости на дачу – в подмосковное Кратово. Но всякий раз что-то случалось, мешало, ломало планы. А может, не пускали сомнения? Так ли уж нужны всяческие неизбывательные беседы среди вековых сосен этому удивительному человеку, прожившему долгую и наполненную до краев жизнь? Хотя уже знал наверняка: он никогда не обидит равнодушием. Никогда...

У Булгакова в «Мастере» самое печальное и непоправимое – в словах Воланда о Понтии Пилате, адресованных Маргарите. О том, что римский прокуратор некогда не договорил о чем-то важном с нищим философом Га-Ноцри. Тяжелое это ощущение, доложу я вам – когда не договорил...

Фотографии из эксклюзивного фотоальбома «Юрий Васильевич Яковлев. Фотолетопись», посвященного 80-летнему юбилею Ю.В. Яковлева

В ПОИСКАХ ДУШЕВНОГО МУЛЬТИФИЛЬМА

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА КОРНЕЕВА

«СЕЙЧАС РАЗУЧИЛИСЬ ДЕЛАТЬ МУЛЬТИФИЛЬМЫ. ПОМНИТЕ СОВЕТСКИЕ МУЛЬТИКИ? КАКИЕ ОНИ БЫЛИ ДОБРЫЕ И ТРОГАТЕЛЬНЫЕ. А НЫНЕШНИЕ ТОЛЬКО ОТУПЛЯЮТ...». НАВЕРНОЕ, КАЖДЫЙ ИЗ НАС СЛЫШАЛ – А МОЖЕТ, И ГОВОРИЛ – ПОДОБНУЮ БАНАЛЬНОСТЬ. ЕСТЬ ЛИ ОНА – СОВРЕМЕННАЯ ХОРОШАЯ АНИМАЦИЯ?

Международный фестиваль анимационных искусств «Мультивидение» традиционно проходит в Санкт-Петербурге в конце года. В 2013 году фестиваль прошел уже в одиннадцатый раз – в течение недели в нескольких кинотеатрах Северной столицы шли короткометражные мультики со всего света – из Европы, Латинской Америки, СНГ, Азии.

«Всего мы показали около 300 мультфильмов, – говорит идейный вдохновитель и организатор фестиваля Светлана Петрова. – «Мультивидение» стало известным среди аниматоров фестивалем, поэтому нам шлют много работ, больше, чем мы мо-

жем показать. Обычно от 500 до 1000 мультфильмов. Конечно, есть и такие, которые недотягивают до профессионального уровня, а в основную программу мы включаем только то, что не стыдно показать зрителям». Если для людей из мира анимации кинофестиваль «Мультивидение» – большое событие, то большинство жителей Петербурга часто и не знают о том, что у них есть редкая возможность посмотреть новейшие ленты со всего мира. Бюджет «Мультивидения» небольшой и не позволяет устраивать масштабную рекламную кампанию, поэтому информация о самых стоящих мультфильмах передается чаще всего с помощью сарафанного радио. «Люди, далекие от мультипликации, часто задают мне вопрос: где у них есть шанс увидеть хорошие современные мультфильмы? – рассказывает член жюри «Мультивидения», режиссер-мультипликатор Константин Бронзит. – Вот наш фестиваль, да и другие подобные фестивали – ответ на этот вопрос. Понимаете, во всем мире производятся тысячи короткометражек анимационного и игрового кино. В прокате идут только полнометражные фильмы, кинотеатры почти никогда не показывают «короткий метр», на этом не заработаешь. «Короткий метр» можно увидеть только на фестивалях. Представьте себе, в Австралии сделали за год 100 короткометражек. Мы же не можем поехать в Австралию. Спасибо, в частности, «Мультивидению», что к нам привозят такое кино».

РУССКОГО ВИДНО ПО ЗД

На фестивале показывают анимационное ассорти: днем идут мультфильмы для детей, во время вечерних иочных показов – для взрослых. Есть добрые, есть философские, есть жестокие или смешные мультики.

«Год на год не приходится, иногда присыпают много трэша, а иногда много спокойных мультфильмов, – рассказывает Светлана Петрова, которая просматривает все присланые ра-

боты. – В 2013 году многие авторы, не сговариваясь, выбрали тему обиды – видно, витает что-то такое в мировом информационном пространстве. В разных работах по-разному рассказано о том, что мешает людям общаться с обществом, их внутренняя закрытость. Причем, например, в российском мультфильме «Обида» герой так и не преодолел своего чувства, а у голландцев, наоборот, получился более светлый финал. Хотя принято считать, что именно русская анимация мыслит позитивно». Кстати, с каждым годом все труднее отличить российские работы от французских или, например, американских. «Зато корейские мультфильмы всегда узнаваемы, – смеется Светлана Петрова. – У них почти всегда невероятно добрые истории. Если видишь что-то до боли трогательное и человеческое – скорее всего, это из Кореи прислали».

Российские мультфильмы узнаваемы зачастую по качеству – в 3D-анимации мы еще пока отстаем.

«Это видно по качеству текстур, света, движения, еще каким-то характеристикам, – говорит Константин Бронзит. – Видно, что наши отстают. То ли от бедности, то ли от нехватки времени – не знаю. Часто слышу такое мнение: «Подумаешь, технологии, главное, чтобы замысел был, а тут уж мы вне конкуренции». Но я не могу с этим согласиться. Техничность – или ремесло – важно везде. К примеру, у меня есть интересная мысль, но я косноязычен. Вы можете, приложив усилия, прорваться сквозь дебри моего косноязычия и понять саму мысль, но впечатление от разговора будет испорчено. Так же и в кино. Технология – это язык, на котором мы, киношники, говорим со зрителем. Как она может быть не важна?»

ПРОФНЕПРИГОДНОСТЬ «КОТА ЛЕОПОЛЬДА»

Впрочем, есть определенный круг людей, которые в принципе не признают современ-

ной мультипликации. Все эти компьютерные навороты, технологии, 3D-графика – все это в подметки не годится старым добрым советским мультфильмам, на которых выросло несколько поколений людей.

«Как много было в наше время душевных талантливых мультфильмов, а сейчас все жестокое, бездушное, отупляющее – это самая любимая присказка многих россиян, особенно старшего поколения, – считает Константин Бронзит. – Есть два чудовищных мифа про советскую мультипликацию. Первый – что в Советском Союзе делалось много анимации. Это неправда. В той же Праге в год производилось мультфильмов больше, чем во всем СССР. Просто у нас складывалось такое впечатление, потому что по телевизору показывали только советские мультики, и показывали их с завидной регулярностью. Второй миф – что вся она была хорошая. Талантливых мультфильмов было не больше, чем сейчас, – процентов десять, может быть, двадцать. Конечно, были шедевры. Это, конечно, «Ежик в тумане», «Лиса и заяц», «Цапля и журавль», «Сказка сказок» Юрия Норштейна. «Каникулы Бонифация», «Человек в рамке», «Винни-Пух», «История одного преступления», «Фильм, фильм, фильм» Федора Хитрука. «Жил-был пес», «Путешествие муравья», «Мартынко» Эдуарда Назарова. «Снежная королева», «Золотая антилопа» Льва Атаманова, фильмы Андрея Хржановского, Иванова-Вано. Список можно продолжить, но он не такой большой, как принято думать. А большинство советских мультфильмов было слашивыми, назидательно-морализаторскими, да еще и плохо сделанными. Знаете, как довольно жестоко выразился мой учитель Александр Татарский: «Большинство советских мультиков про то, как ежик пукнул, а зайчик его пожалел». Лучше и не скажешь. Но когда я, например, говорю, что «Кот Леопольд» – это чудовищно плохой

Константин Бронзит и Светлана Петрова находятся по разные стороны баррикад: он создает мультфильмы, а она их смотрит. Но оба живут в этом сказочном и волшебном нарисованном мире

мультфильм, у людей, с детства его любящих, возникает недоумение, и они начинают с пепной у рта доказывать мне обратное. Но как раз специалист со мной спорить не будет. Для нас это очевидно: если разложить этот мультфильм по профессиональным критериям – по драматургии, по уровню гэга, по характеру персонажа, по развитию истории, – то он ни в какие ворота не лезет. Или, например, «Бременские музыканты» – с этим мультфильмом немногого сложнее, потому что там гениальная музыка. Но если ее убрать, то кино станет абсолютно беспомощным. Здесь обычное заблуждение: у людей, не сведущих в тонкостях профессии, понятие «замечательная музыка» складывается с понятием «замечательное кино». Но это разные вещи! Я не могу объяснить в двух предложениях, чем же так плох тот же «Кот Леопольд». Так что либо поверьте мне на слово, все-таки я 35 лет в анимации, это моя профессия, либо забудьте о моих словах как о ереси. Хотя и в советское время мультипликаторы прекрасно понимали, какая работа стоящая, а какая – нет.

ТРОГАТЕЛЬНЫЙ ТРЭШ

По мнению Константина Бронзита, сейчас и на Западе, и в России, и в Азии выходит не так уж и мало качественных мультфильмов. Но получить их «с доставкой на дом» почти невозможно. «Я сам, как человек, находящийся в этой среде, не пропущу новую талантливую работу, – говорит режиссер. – Мне всегда посоветуют коллеги сходить на какой-то фильм или пришлют его. Это мой мир, я в нем ориентируюсь. А человеку со стороны будет непросто. Даже если он преодолеет застарелый штамп про то, что «не может быть ничего лучше советских мультфильмов» и посмотрит программу того же «Мультивидения», то, скорее всего, выйдет с квадратной, опухшей головой, в полном непонимании того, что хорошо, а что же пло-

хо. Надо осознавать, что на любом фестивале, хоть в России, хоть во Франции, хоть в Америке, по-настоящему выдающихся работ – единицы. Это такая неизменная мировая статистика: талантливых работ, после которых остается особое приятное «послевкусие», делается не более 10–20 в год. Но если я, как профессионал, с первых минут вижу, где стоящий мультфильм, а где «мусор», то обычного зрителя можно и обмануть. Наворотить всяких сложностей и выдать это за некую псевдоглубину. Как сказал однажды Александр Татарский: «Люди накладывают на тревожную картинку тревожную музыку и считают, что они сделали глубокое кино». Когда меня спрашивают, как же в этом разбираться, я вспоминаю реплику нашего известного искусствоведа Виталия Вульфа. Когда одна женщина спросила его, как ей научиться понимать балет, Виталий Вульф ответил, что надо делать три вещи: как можно больше смотреть балет, как можно больше читать о балете, как можно чаще слушать специалистов по балету.

И опять идти на балет. С современной анимацией то же самое. С корнем вырвать свои стереотипы и смотреть много-много мультфильмов». «Когда мне люди говорят, что сейчас все мультфильмы злые или с пошлым юмором, то я считаю это полной ерундой, – говорит Светлана Петрова. – Я же вижу, что нам присылают, сколько там доброго, оригинального и душевного, иногда до слез. Просто у некоторых зрителей есть «грязный глаз», и они ищут, к чему бы придраться, увидеть плохое. Например, тот же жанр трэша – его и смотреть-то не хотят, говорят, что это ужас и мерзость. У нас на последнем фестивале был английский фильм «Голодный мертвец». Главный герой – зомби с дыркой в животе, и он очень хочет поесть, чтобы вспомнить вкус еды. Он встречает голубя с перебитым крылом на Трафальгарской площади. Голубь знает все помойки и пытается мертвеца накормить. И это настолько трогательный фильм про дружбу двух изгоев! Хотя по виду – трэш, и название соответствующее».

Светлана Петрова, как директор фестиваля «Мультивидение», смотрит тысячи присыпаемых работ и ищет среди них действительно стоящие

Константин
Бронзит
работает
не только
на компьютере –
нередко он
по старинке
берет в руки
простой
карандаш

ПЫЛЬНАЯ ВОЗДУШНОСТЬ

Еще один распространенный стереотип – мол, с появлением компьютеров мультипликация стала упрощенной, «ненастоящей», мертвой. И мастера с большой буквы компьютером не пользуются. Например, Юрий Норштейн, который до сих пор все свои гениальные мультифильмы рисует руками.

«Норштейн – он другой. Он гений. С ним нельзя никого сравнивать, – считает Константин Бронзит. – Для решения его творческих задач компьютер просто бесполезен. Для него важна пыль под кинокамерой на стекле, она создает воздушное пространство, которого ни в каком компьютере не сделаешь. Он однажды давал мастер-класс в Швейцарии, его спросили: «Скажите, Юрий Борисович, как вы в фильмах добиваетесь такой воздушности и глубины изображения, такой фактуры?» А он им ответил: «Вы никогда та-

кого изображения у себя не добьетесь, потому что вы каждый день моете окна». И швейцарцы дружно рассмеялись – они поняли, о чем мастер говорит. Но повторюсь, Норштейн – гений. Я в этом смысле режиссер по прощее. Мне для моих фильмов пыль не нужна, и я использую компьютер просто в качестве дополнительного инструмента. Не ругайте инструмент, он тут ни при чем. Думаете, если бы Лев Толстой напечатал «Войну и мир» на электронной печатной машинке, текст изменился бы? Если вы смотрите плохо сделанный фильм, в котором компьютерная технология применяется неумело, – не вините компьютер, вините автора. Должно быть что-то у человека внутри, тогда он и с компьютером создаст живое и «настоящее». Другое дело, что сейчас кризис идей. Во всем мире кино. Мир кино ведь стремительно развился за сто лет – от примитивно

движущихся картинок до современных технологий. Ни одно искусство не развивалось так быстро. Представьте себе это в виде бегущего человека. Девяносто лет он бежал по дороге, преодолевал расстояния, видел меняющиеся пейзажи. И не заметил, как оказался на беговой дорожке. Причем темп все убывает, пот сходит с лица бегуна, а бежит он на одном месте. Но! Я не исключаю, что скоро появится новый гений мультипликации – молодой Хитрук, или Норштейн, или Миядзаки. И его появление не зависит от состояния кино в наше время или от состояния общества, в котором мы живем. Это зависит от мам и пап, которые планируют детей. Когда и где родится гений – неведомо никому. Но это говорит о том, что шансы у нас есть. И тогда, возможно, этот новый гений вернет нас обратно с беговой дорожки, так сказать, на путь истинный». ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НА МОЛИТВУ, ШАПКИ ДОЛЙ!

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

В КОНЦЕ НОЯБРЯ 2013 ГОДА ВЫСШИЙ ЦЕРКОВНЫЙ СОВЕТ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ УТВЕРДИЛ РЕГЛАМЕНТ РАБОТЫ СВЯЩЕННИКОВ В РОССИЙСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ.

ЛЕТ ДЕСЯТЬ ПРОШЛО с того дня, когда появился у меня новый знакомец. Отец Вячеслав. Странный, надо признать, был батюшка. Неприятный какой-то. Поэтому, видать, и – «был». Со временем его расстригли, и где он сейчас – одному Богу ведомо. А тогда, в начале 2000-х, он подвизался помощником настоятеля в скромной церковке с престолом святого Александра Невского, еще в 1996 году построенной на территории одной воинской части в столичном районе Куркине.

Сейчас храмы, часовни и мольельные комнаты в военных гардаках – не в диковинку. Их уже более 200. А тогда, оказавшись

в гостях у отца Вячеслава, диву давался. Как командиру удалось получить разрешение на строительство «духовного» объекта на территории части, проведение регулярных ежедневных служб, создание скромного хора из числа солдат-срочников? Рядом с дверьми в церковь в побитой временем деревянной рамке висел лист бумаги с расписанием: службы утренние, вечерние, субботняя исповедь, воскресный молебен с акафистом. Внизу – подпись настоятеля храма. Вверху – «Утверждаю. Подполковник такой-то...». О возрождении института военных священников в Российской армии тогда только-только начали говорить в высших сферах...

ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА

До царя-реформатора Петра военных священников на Руси, строго говоря, не было. Потому как не было и армии в современном смысле слова. В то же время неверно думать, будто регулярная армия появилась у нас при Петре в одночасье. Захотел царь, махнул Меншикову треуголькой – и нате! Петр Алексеевич энергично довел до конца то, что планировал еще его отец – царь Алексей Михайлович.

При Тишайшем регулярной армии и правда еще не было. Но регулярные части уже имелись. И вполне себе приличной численности. Появились такие понятия, как штаб, офицер, чины. В уставе «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» от 1647 года появилось и понятие «полковой поп». Там же – о жалованье священника. 30 флоринов в год. Какой именно флорин подразумевался, сказать затрудняюсь, но, например, флорентийский флорин XVI века – это 3,5 грамма золота. А вот появились ли эти самые полковые попы в конкретных частях, история умалчивает. Известно лишь, что командироваться на место службы батюшки должны были распоряжением патриарха или приказом государя. Но не ис-

Молитва Александра Невского в храме Святой Софии и благословение его архиепископом перед битвой со шведами. Из Лицевого летописного свода XVI века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ключено, что по каким-то причинам все оставалось так, как при великих князьях, когда дружины окормлялись в мирских храмах. А собираемые на войну ополченческие рати в мирное время посещали сельские и посадские приходы. Позже, когда основу войска составили стрельцы, все оставалось примерно так же. Ведь стрельцы, когда не воевали, жили в слободах с семьями и вели хозяйство. Там, в слободах, и строили церкви, куда патриарх отправлял на служение клириков. Вне столицы – в малых городах и везях – ратные люди использовали местные храмы.

В сложных случаях, понятное дело, церковные службы приобретали иной масштаб, а пасты-

Предсмертный подвиг князя Михаила Константиновича Волконского, сражающегося с ляхами в Пафнутьевском монастыре в Боровске в 1610 году

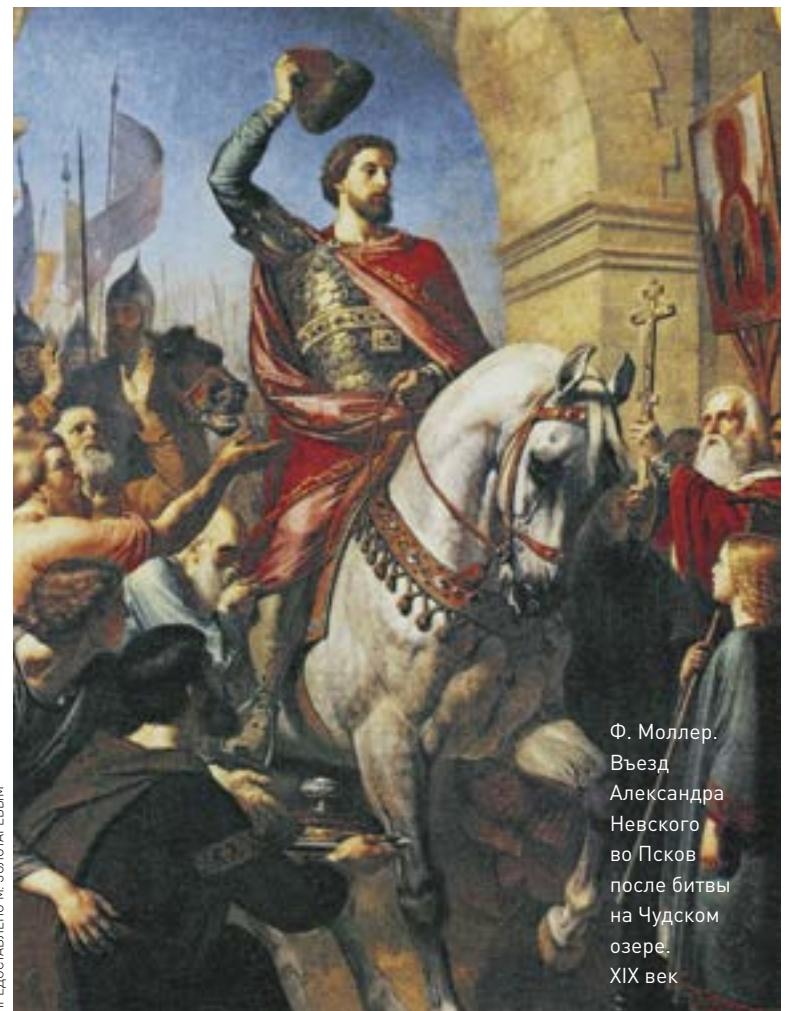
ри – особый авторитет. Достаточно двух примеров. В августе 1380 года митрополит Коломенский Герасим благословил великого князя Московского Дмитрия Ивановича и всю его немалую рать на битву с ордынцами, получившую впоследствии название Куликовской. Трудно представить себе этот молебен в средневековой деревянной Коломне у стен Успенского собора, объединивший десятки тысяч человек!

В Смуту патриотическому подъему русского народа во многом послужили послания патриарха Гермогена. И первые, составленные на свободе, которые способствовали московскому восстанию, в результате чего поляки вынуждены были забаррикадироваться в Кремле. И последние, писанные уже из заключения в кремлевском Чудовом монастыре и подвигнувшие новгородцев на

организацию народного ополчения.

Знаменитый девиз Русской армии «За Веру, Царя и Отечество!» окончательно сформулирован в XIX веке. Но это не плод чьей-то креативной фантазии. Это сумма традиционных для русского сознания представлений о том, что есть война. Вспомним «Задонщину» – «за землю русскую, за веру христианскую» шли на бой русские воины. А ведь писано в XV веке!

Итак, войско приходило в церковь молиться, как положено. Церковь взывала к войску в дни большой опасности для Руси. Но окончательное решение о том, что два этих важнейших института должны существовать вместе повседневно, пришло только в начале XVIII века. И пришло оно – к Петру I, чей заздравный тост звучал так: «Здравствуй тот, кто любит Бога, меня и Отечество!»

Ф. Моллер.
Въезд
Александра
Невского
во Псков
после битвы
на Чудском
озере.
XIX век

ОТЦЫ ПОЛКА

К воинским уставам царь Петр относился с пристальным вниманием и нередко их усовершенствовал. Так, в 1716 году именно в уставном порядке он ввел в сухопутной армии должность полкового священника. На сей раз военно-духовному делу посвящена целая глава – «О священнослужителях», в которой обстоятельно говорилось о правах и обязанностях батюшек в полках. Спустя год царь подписал указ, согласно которому на кораблях флота повелевал иметь по одному иеромонаху. Итого – 39 человек. Но вот что интересно: еще в 1704 году адмирал Крюйс жаловался на недокомплект священников на кораблях Балтийского флота. Вместо положенных 10 человек в наличии имелось только...

двоих. Значит, что-то происходило по этой части между 1647 и 1716 годами!

Сказать, что корпус военных священников окончательно сформировался при Петре, никак нельзя. В некую самостоятельную существующую корпорацию армейские и флотские батюшки превращались только во время войны, когда ими руководил специально назначенный полевой обер-священник – в армии, обер-иеромонах – во флоте. В мирные месяцы полковые отцы подчинялись местным отцам церкви в тех епархиях, где находились полковые стоянки. В юридическом плане положение поменялось только с воцарением Павла I. А вот в профессиональном и материальном – дело улучшилось при Екатерине Великой. При ней началось строительство полковых храмов гвардейских полков в Петербурге – у гвардейских батюшек появились приходы. А для того, чтобы приходы не пустовали, когда полки на походе, государыня разрешила военным священнослужителям совершать требы для штатских. Ее сын Павел Петрович создал должность «обер-священник армии и флота». Наконец вся административная и судебная власть

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

М. Иванов.
Вручение
новых знамен
лейб-гвардии
Преображенскому
полку 2 января
1798 года. Рисунок
конца XVIII века

над военным клиром оказалась в одних руках. Причем в руках человека, наделенного особыми полномочиями. Обер-священник имел право прямого до-клада императору без санкции Святейшего синода.

Впрочем, самостоятельность продолжалась недолго. Александр Павлович в 1801 году подчинил армейских и флотских священников Синоду, компенсировав потерю назначением регулярного жалованья и пенсии для выслуживших двадцать лет. Николай Павлович, любивший, как известно, ясность и порядок, в 1829 году определился со служебной иерархией военных священнослужителей. Полкового батюшку в чинах официально приравняли к армейскому капитану, в должности – к командиру роты. Ну, и жалованье с квартирными и столовыми положили соответствующее. На закате царствования Николай I поднял статус обер-священников, коих к тому времени стало трое (помимо «обера» по армии и флоту появились «обер» по Главному штабу, гвардии и Гренадерскому корпусу и «обер» по Особому Кавказскому корпусу), до архиерейского. Да еще с правом вести самостоятельную кадровую политику. Это было

тем более важно, так как военно-духовное хозяйство разрасталось. Все большее количество частей – не только столичных, но и провинциальных – отстраивало собственные полковые храмы в местах постоянной дислокации. Да и сама армия росла. На январь 1853 года ее численный состав: 950 тысяч в регулярных войсках и 250 тысяч – в иррегулярных (по большей части – казаки). Требовался квалифицированный клир. Посему на службу стали принимать только лиц с академическим образованием или окончивших семинарию с отличием.

К этому времени сформировалась и Табель о рангах. Согласно Высочайшему положению от 1887 года чин главного священника гвардии, grenader, армии и флота (позже – протопресвитер) соответствовал чину генерал-лейтенанта; настоятеля воинского собора или старшего священника корпуса – полковника; старшего священника дивизии – подполковника; полкового священника – капитана; диакона – поручика; псаломщика – подпрапорщика. В отношении денежного довольствия батюшкам начислялось ровно столько, сколько и офицерам. Протопресвитеру – 1356 рублей

в год, полковому священнику – 366, псаломщику – 240. Это – чистое жалованье, без надбавок в виде квартирных и столовых денег. Кроме того, жалованье увеличивалось на четверть после десяти лет службы и вдвое – после двадцати. Военному духовенству также полагалась и пенсия. Небольшая, но гарантированная. В случае гибели батюшки в военное время пенсию выплачивали семье. Подчеркну, основную массу издержек по содержанию военного клира несли на себе военное министерство и адмиралтейство.

ОТ РАССВЕТА ДО ЗАКАТА

Пока мы все больше о правах и ранжирах. А чем, собственно, занимались батюшки в полках? Какие такие особенные послушания несли они в отличие от обычных приходских священников?

Обязанностей хватало. Помимо общечерковных практик – службы, исповедь, причастие, соборование, отпевание, венчание, крещение, освящение мест и т.д. – военным священнослужителям должно было заниматься воспитанием солдат в самом прикладном смысле. Вели уроки Закона Божьего и разъяснительные беседы, учили грамоте и читали вслух. А также окормляли больных в лазаретах и отставников в богадельнях, в обязательном порядке посещали офицерские собрания и зна-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ковые полковые мероприятия, готовили новобранцев к присяге и курировали полковой церковный хор. Наконец, отвечали за благоустройство и порядок на воинских кладбищах.

А теперь давайте представим, что такое среднестатистический полк Российской императорской армии. До милютинской реформы 60–70-х годов XIX века, когда служили рекрутами, а не призывники, такого понятия, как

Благодарственный молебен в Париже 19 марта 1814 года. С гравюры И. Ческого

кадрированная часть, не было. Сколько положено по штату – столько и было в строю. Это означает, что под рукой у полкового батюшки находилось примерно 4 тысячи человек. Это в пехоте. В кавалерии полегче – в среднем тысяча душ. Во флоте – совсем хорошо: экипаж, скажем, броненосца «Ретвизан» в 1904 году составлял «всего» 750 человек... И это не околоточный приход, когда паства приходит произвольно, а у батюшки всегда есть возможность скрыться за царскими вратами и дать себе несколько минут отдыха. В частях потребность в священнике увеличивалась многократно.

После реформы трудиться полковым батюшкам меньше не пришлось. В пехотном полку мирного времени служило не менее 2 тысяч солдат и офицеров.

В конце XIX – начале XX века появились сложности иного порядка. Пусть на уставном уровне офицерам и солдатам запрещалось заниматься политикой, интересоваться общественными проблемами, на практике оные требования соблюсти было невозможно. Это солдат Александровской эпохи волей-неволей отстранялся от мирской суеты и 25 лет пребывал в капсуле полковой жизни. При Николае II служба продолжалась три-четыре года в зависимости от рода войск, во флоте – пять лет. Большинство новобранцев по-прежнему прибывало из патриархальной сельской Руси, где церковная составляющая играла заметную роль в жизни. Но рос контингент тех, кого призывали из студенчества, рабочего и мещанского сословий крупных городов, где уже бродил хмель левых идей и новых толкований сущего. В дурманяще пойло он превратился позже, в 1917-м. Но еще в 1908-м один из полковых священников писал в журнале «Офицерская жизнь» о том, что команда идти в церковь выполнялась некоторыми солдатами, мягко говоря, без энтузиазма. Знаменитый постулат Суворова «Молись Богу – от Него победа!»

А. Козлов. Подвиг рядового 77-го пехотного Тенгинского полка Архипа Осипова 22 марта 1840 года. Герой поджигает пороховой погреб, чтобы уничтожить кавказских горцев, наступающих на русский отряд

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

разделяли уже не все офицеры. Разумеется, такие настроения усложняли работу священников, что стало особенно очевидно в том самом 1917-м. Правда, надо заметить, что после Февральской революции и вплоть до Октябрьского переворота от рук солдат погиб только один военный священнослужитель. С офицерами, особенно во флоте, церемонились меньше.

О ДОБЛЕСТИ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ

Были, естественно, батюшки, которые по собственной инициативе осваивали солдатскую премудрость и старались поддерживать соответствующую физическую форму. Были и та-

кие, кто боевые навыки обрел в прежней, мирской жизни. Как, например, отец Серафим (Чичагов), имевший несколько орденов за Русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Или иеросхимонах Антоний (в миру – Александр Булатович), служивший до пострига в лейб-гвардии Гусарском полку и получивший орден Святого Владимира за бои в Китае во время Боксерского восстания в 1900-м. Но в массе своей военное духовенство от воинского искусства было далеко. Тем не менее это не мешало священникам исполнять долг на поле брани под огнем противника. Тому свидетельством – множество боевых наград, к которым военные ба-

Г. Шукаев. Бой на Малаховом кургане в Севастополе в 1855 году.
1856 год

тошки были представлены начиная с Отечественной войны 1812 года.

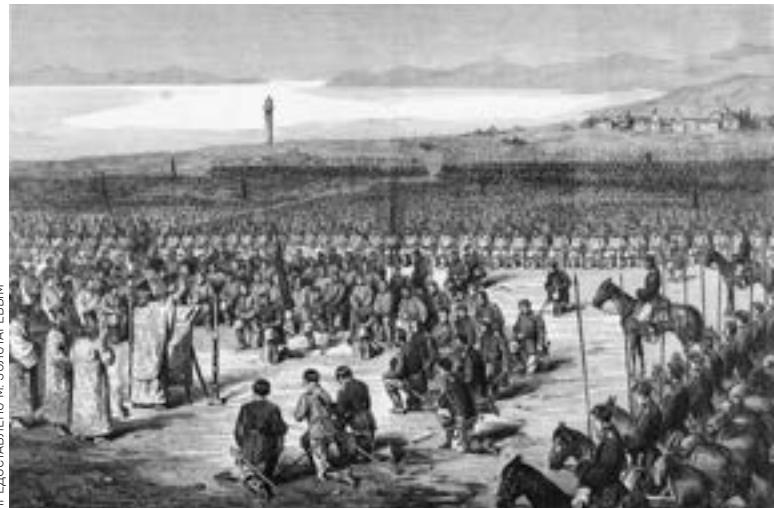
Впрочем, первый описанный подвиг датируется двумя десятками лет ранее. При штурме Измаила в 1790 году батальон Полоцкого мушкетерского полка лишился командира, солдаты растерялись, атака стала захлебываться. Тогда впереди колонны появился полковой священник отец Трофим (Куцинский) с крестом в руке. «Вот ваш командир!» – крикнул батюшка, показывая на крест. Пехотинцы рванули за ним. Отец Трофим был ранен в ногу, получил две контузии, но на следующий день после взятия крепости служил молебен в полку в честь разгрома турок. По представлению Суворова князь Потемкин обратился к императрице с просьбой наградить священника. Появилась уникальная награда: наперсный крест на георгиевской ленте, упакованный бриллиантами.

1812 год принес первые награждения полковых священников орденом Святого Георгия. Первым эту сугубо боевую награду получил отец Василий Васильковский, служивший в 19-м егерском полку. В начале войны в продолжавшемся целый день бою под Витебском иерей получил ранение в ногу, но передовые позиции полка так и не оставил, продолжая причащать умирающих и подбадривать сражающихся. Только после сильной контузии в грудь батюшка смирился с отправкой в резервы. Оказалось, пуля угодила в самую середину наперсного креста. Едва оправившись от контузии, отец Василий вернулся в полк. Уже в битве за Малоярославец он был ранен еще раз, в голову, когда вел передовые роты егерей на французов. А вот священник 6-го егерского полка Иванов в том же бою погиб в атаке. На его теле насчитали 19 штыковых ран. Но награда, как говорится, героя не нашла. В Российской империи в тот период посмертные награждения не существовали. Василий Васильковский же в соста-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Церковь лейб-гвардии Егерского полка в Санкт-Петербурге

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ве Русской армии участвовал в Загранитчном походе 1813 года, но раны дали о себе знать, и он скончался в ноябре во Франции. В Бородинском сражении отличился протоиерей Московского гренадерского полка Мирон Орлеанский. На Бородинском поле много монументов, но только на одном выбито имя полкового священника – на памятной колонне 2-й гренадерской дивизии. Это имя отца Мирона.

Всего в войне 1812 года принял участие около 250 церковно-служителей. 15 из них погибли или умерли от ран.

От момента учреждения ордена Святого Георгия до Первой мировой войны этой награды удостоились пять священников. Отец Иов (Каминский) Тобольского пехотного полка за перевес через Дунай в начале Русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Протоиерей Могилевского пехотного полка отец Иоанн (Пятибоков) за штурм турецких батарей во время Венгерской кампании 1849 года. Иеромонах Иоанникий (Савинов) за оборону Севастополя в Восточную войну. Священник 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка отец Степан (Щербаковский) за бой под Тюренченом в 1904 году, в котором батюшка, заменив собой всех убитых офицеров, вывел остатки рот из окружения. Правда, сам, будучи тяжело раненным, попал в плен к японцам. Те, узнав о подвиге отца Степана, отправили его в

Россию. О Степане Щербаковском стоит сказать еще кое-что. Вероятно, это самый орденоносный батюшка Русской армии за всю ее историю. В ходе русско-японской войны священника наградили орденами Святого Георгия 4-й степени, Святого Владимира 4-й степени с мечами, Святой Анны 2-й степени с мечами и наперсным крестом на георгиевской ленте. А в Первую мировую войну – орденом Святого Владимира 3-й степени и Святой Анны 1-й степени. Вот такой, как говорят в армейских курилках, иконостас. Отец Степан уцелел в окопах Мировой, чтобы сгинуть в ЧК в 1918-м. Немного уступил Щербаковскому по части наград последний

Молебен под
Сан-Стефано.
В местечке
Сан-Стефано
19 февраля
(3 марта) 1878
года был
заключен
предварительный
мирный договор
между Россией
и Турцией,
завершивший
Русско-турецкую
войну 1877–1878
годов

протопресвитер военного и морского духовенства Русской армии, Георгий Шавельский. На его счету 3-я и 2-я Анна, 2-й Владимир с мечами, орден Александра Невского и наперсный крест на георгиевской ленте. Такой крест приравнивался к ордену Святого Георгия. Протопресвитеры назывались руководители военного и морского духовенства начиная с 1890 года. Уже после Первой мировой протопресвитер написал мемуары. В них, в частности, есть строки о том, как высоко оценивали подвиги и служение полковых священников многие офицеры и генералы Русской армии. Так же лестно отзывались о военном духовенстве первый главком, великий князь Николай Николаевич-младший, и второй главком, император Николай Александрович. «Мы в ноги должны поклониться военному духовенству за его великолепную работу», – говорил первый. «От всех приезжающих ко мне с фронта я слышу самые лучшие отзывы о работе военных священников», – говорил второй... За годы Первой мировой войны участие в ней приняло, только по официальной статистике, свыше 5 тысяч военных священнослужителей. А ведь к ним можно присоединить и тех приходских батюшек, что оказались во фронтовой полосе и поменяли гражданскую паству на военную. Половина из этих 5 тысяч получили государственные награды. 13 человек стали георгиевскими кавалерами. Причем один батюшка – священник 245-го Бердянского пехотного полка отец Василий (Островидов) – получил в 1917 году солдатский Георгиевский крест с лавровой ветвью. То есть тогда, когда в армии уже начались гонения на офицеров и священнослужителей. Более 200 пастырей было награждено наперсным крестом на георгиевской ленте.

Около 40 военно-духовных лиц погибло и пропало без вести. Более сотни попало в плен. В подавляющем большинстве случаев в представлениях на

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С. Щербаковский,
священник
11-го Восточно-
Сибирского
стрелкового полка

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

награду описывалось следующее: в критический момент боя священник имярек встал перед ротами, поднял крест и повел солдат в атаку. С вариациями, конечно, но в целом примерно так. И почти всякий раз – ранен, ранен, ранен...

Но были подвиги уникальные. В 1916 году священник 318-го Черноярского пехотного полка отец Александр (Тарноуцкий) служил литургию в храме неподалеку от передовой. Австрийцы вели сильный артиллерийский обстрел. Один из снарядов пробил крышу и упал рядом с алтарем, окруженным десятками солдат. Батюшка остановил молитву и бросил в сторону снаряда: «Будь ты проклята, окаянная!» Потом перекрестил снаряд и продолжил литургию. Снаряд так и не разорвался.

28 октября 1914-го минный заградитель Черноморского флота «Пррут» неподалеку от крымского мыса Фиолент напоролся на немецкий крейсер «Гебен», один из лучших кораблей Первой мировой войны, да еще в сопровождении миноносцев. Силы были настолько не равны, что каждому на «Пррут» стало ясно – их корабль обречен. На «Гебене» подняли сигнальные флаги с предложением сдаться. Командир минзага капитан 2-го ранга Георгий Быков отказался спустить Андреевский флаг, отдал приказ открыть кингстоны и покинуть «Пррут». «Гебен» ударили из главного калибра. После первых же попаданий на минзаге начались пожары. Эки-

паж погрузился в шлюпки. Те, кому не досталось места, бросились в воду и спасались, уцепившись за брошенные за борт подручные средства. В эту минуту у трапа «Пррут» появилась фигура корабельного священника иеромонаха Антония (Смирнова). Во время эвакуации и обстрела 70-летний батюшка находился на палубе, благословляя матросов на спасение. Оставшись на борту последним, он несколько секунд смотрел на шлюпки, а затем удалился внутрь корабля. Так вместе с кораблем и ушел на дно Черного моря.

ВЕРА РАЗНАЯ, СТРАНА ОДНА

Наряду с православными в Российской императорской армии служили мусульмане, лютеране, католики, иудеи. На протяжении двухсот с лишним лет существования регулярных вооруженных сил Российской империи правила этой службы и ее условия неоднократно менялись. Причем применительно к каждой конкретной конфессии. Скажем, до 1827 года в рекруты не брали евреев иудейского исповедания. Вместо этого взимался налог в 500 рублей с головы, так же как с представителей купеческого сословия из православных. До 1893 года налогом заменялся живой призыв мусульман Закавказья территорий Кубанского и Терского казачьих войск, кроме мусульман-осетин. Но и после введения обязательной воинской повинности для мусульман Кавказа срочную они служили только в род-

ных местах. Вплоть до 1917 года обязательный призыв не распространялся на мусульман Туркестанского края, инородцев Закаспийской, Семиреченской, Уральской, Семипалатинской, Акмолинской, Сахалинской, Тургайской, Камчатской областей и Астраханской губернии, отдаленных местностей Сибири. Финны традиционно служили в частях Финляндского корпуса.

1916 год

ных местах. Вплоть до 1917 года обязательный призыв не распространялся на мусульман Туркестанского края, инородцев Закаспийской, Семиреченской, Уральской, Семипалатинской, Акмолинской, Сахалинской, Тургайской, Камчатской областей и Астраханской губернии, отдаленных местностей Сибири. Финны традиционно служили в частях Финляндского корпуса.

Как бы то ни было, но к началу XX века свыше 75 процентов военнослужащих относились к православию, католиков имелось 9 процентов, мусульман – 2 процента, лютеран – 1,5 процента. Статистика по солдатам из-за «черты оседлости» хромает, так как процесс перехода призывников-евреев из иудейской веры в выкресты носил весьма живой характер. Но по разрозненным данным некоторые выводы о числе евреев в Русской армии сделать можно. В 1906 году весьма консервативная в этом вопросе газета «Новое время» сообщила, что в войсках на дальневосточном театре военных действий находилось не менее 20 тысяч евреев. А это уже 2 процента от численности вооруженных сил империи начала прошлого века.

Судя по множеству нормативных актов, проблему иноверцев в армии власть пыталась решать неоднократно. И не всегда, надо признать, успешно. Это касается и вопроса управления культа. Яркой иллюстрацией служит история с появлением-исчезновением мулл. В отсутствие, скажем так, профессиональных священников-мусульман уже в середине XIX века возник институт мулл общественных. Проще говоря, из своей солдатской среды мусульмане выбирали наиболее подготовленного для исполнения обрядов человека. Только в 1877 году этот статус получил государственное признание. Александр II подписал соответствующий указ.

Наряду с муллами общественными с солдатами работали и

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

муллы гражданские, ежели такие находились в местах дислокаций полков. В 1856 году в сметы военных округов заложили специальные суммы на выплаты прогонных и суточных. Стали платить и за отдельные требы. Как следует из документов того периода, размер выплат для мулл приравняли к суммам, получаемым лютеранскими пасторами и католическими капелланами. А это значит, что пасторы и капелланы уже имелись. Это же правило распространяли и на раввинов, командируемых для осуществления треб в воинские части. Но окончательно отношения воинских начальников с гражданскими священниками-иезуитами были регламентированы только в 1908 году.

В 1833 году был издан указ о введении должности полкового муллы в башкирских конных полках. Содержались эти муллы за счет казны. Первые военные муллы в штате обычных полков появились в 1838 году – в Казани и Симбирске. Казалось бы, процесс пошел. И он действительно шел, почти шестьдесят лет. Но в 1896 году специальным приказом военное ведомство отменило в войсках все штатные должности мусульманских военных духовных лиц. Во время русско-японской войны спохватились и восстановили ставки в Маньчжурской армии. В 1908-м ввели штатные долж-

Полковой священник о. Амвросий и знаменщики лейб-гвардии 1-го Царскосельского стрелкового полка перед выступлением на боевые позиции.
Западный фронт. Польша. Июнь 1915 года

ности военных мулл в пяти главных военных округах. Всего – 9 единиц. Платило им государство скромно, но компенсировало затраты на разъезды по территории округа.

Когда солдаты-мусульмане поняли, что военный мулла – это навсегда, разговоры о конфессиональном неравноправии в армии с их стороны прекратились.

По поводу солдат-иудеев власти сильно не переживали. В постановлении о военной службе евреев от 1827 года значилось:ходить в синагоги разрешается, в случае отсутствия таковой поблизости позволялось собираться в «кучки». Если же евреев в гарнизоне оказывалось более 300 человек, то по представлению военного начальства им определялся раввин с оплатой из казны. После Февральской революции 1917 года в России появилась экзотическая государственная должность: главный военный раввин. Им стал раввин Бердичева Яков Берман. Однако вскоре все совершенно переменилось. В 1918-м советская власть упразднила институт военных священников независимо от конфессиональной принадлежности. Из армии уволили более 3 тысяч священнослужителей. Пришло время комиссаров.

Куркинскую в/ч уже давно передислоцировали. А может – и расформировали. В нашей армии за последнее десятилетие много чудес случилось. Здание казармы переоборудовали под районную поликлинику. Но кирпичная, крашенная красной краской церковка под двумя крестами сохранилась.

В 2011 году в Российской армии появились новые штатные единицы: к службе приступили шесть православных священников и мулла. Также была введена должность главного военного раввина.

Когда-то в полках звучала команда: «На молитву, шапки долой!» А как-то оно теперь будет? ●

Молебен перед сражением

ПУТЬ ПРОТОПОПА

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

СМОТРИШЬ НА ЭТУ КАРТИНУ И ПОНИМАЕШЬ: НА НЕЙ ИЗОБРАЖЕН КРАЙ ЗЕМЛИ, КУДА ЛЮДЕЙ ПОСЫЛАЮТ НА ВЕРНУЮ СМЕРТЬ. ОТЧАЯНИЕ И БЕЗЫСХОДНОСТЬ ЗДЕСЬ ТАКОВЫ, ЧТО, КАЖЕТСЯ, ДАЖЕ КАМНИ ПЛАЧУТ...

мим написанному» известны их имена: Иван, Прокопий, Корнилий и Агриппина... Малышу, которого Настасья Марковна держит на руках, не суждено вернуться из ссылки. Его унесут волны, когда мать положит его на берег и не доглядит за ребенком. Со всеми душераздирающими подробностями об этом напишет Аввакум в своем «Житии», сидя в земляной тюрьме за полярного Пустозерска...

Таким ли свое будущее видит с этих камней протопоп Аввакум? О чём задумалась Настасья Марковна? Не о родных ли просторах нижегородского села Григорово, где совсем юной она вышла замуж за Аввакума?..

ПЕРВЫЕ ШАГИ

На крыльце Дома культуры села Григорова (именно здесь на стене висит картина «Протопоп Аввакум в Сибири», написанная художником Евгением Мальцевым. – Прим. авт.) смолят папиросы местные мужики. Кто-то уже сообщил им, что журналисты пойдут по аввакумовским местам. «Вам надо было предупредить, что к памятнику

ПОД КРАЕМ ЗЕМЛИ НА полотне подразумевается каменистый берег озера Байкал: над серо-синей пучиной висят свинцовые тучи, на горизонте – заснеженные горы. Прямой крытый крест и склонившееся почти до земли сухое дерево делят пространство картины пополам. На переднем плане сидит женщина с малышом на руках, к ней прильнули еще трое детишек. Они прижимают к груди озябшие руки, пытаясь согреться. Рядом стоит их отец: опираясь на длинный посох и сдвинув брови, он упрямо глядит вперед. Выражение его лица сурово и непреклонно... Это – про-

дорога к памятнику протопопу Аввакуму скульптора Вячеслава Клыкова, установленному в 1991 году, не расчищается от снега специально

Для картины Евгения Мальцева «Протопоп Аввакум в Сибири» на родине протопопа не нашлось другого места, кроме как в зале для дискотек...

пойдете! – смущенно кашляют они в кулаки. – Дорогу бы расчистили»...

У этих земляков Аввакума нет такого роста и осанки, как у него, вместо длинной бороды – щетина, а за спиной – не холодные камни байкальского берега, а кирпичная стена, испещренная граффити. Да и кулаки у них не такие, как у Аввакума, который одним ударом мог уложить медведя. Но дорогу бы они расчистили быстро – паломники, желающие побывать на родине Аввакума, здесь не редкость. О том же говорят и заведующая отделом культуры администрации Большемурашкинского района Ирина Анатольевна Рыжова, с ко-

торой мы идем по переулкам Григорова. «А маленькая копия картины, которая вам понравилась, висит в нашем районном музее. Заметили ее там?» – спрашивает Ирина Анатольевна. Признаться, копии я там не заметил, притом что экспозиция, посвященная Аввакуму, довольно бедна...

Наверное, четыре века назад на каменистом берегу Байкала мятежному протопопу родное Григорово, где прошло детство, казалось раем. Хотя, конечно, на деле сельцо было неухоженным и глухим, домишками жались под соломенными или земляными крышами, до которых зимой дотягивались сугробы. В таких вот сугробах, бывало, находили

отца Аввакума – священника Петра, страдавшего пристрастием к зеленому змию, как честно пишет протопоп на первых страницах «Жития»...

Мы уже почти добрались до полуразрушенной каменной церкви, на месте которой в XVII веке стоял деревянный храм Бориса и Глеба. Здесь и служил священник Петр. Жену его звали Марией. В 1620 году родился у них первенец, получивший в крещении имя в честь пророка Аввакума (один из 12 малых библейских пророков, предсказавший приход Мессии и падение Иерусалима. – Прим. ред.). Аввакум Петров так описал родителей в «Житии»: отец «жизнь жил слабую», «прилежаще пития хмельнаго», а мать была «постница и молитвенница». Благодаря ей Аввакум к 10 годам «книжное учение толико имел в твердости, что все Евангелие и Апостол наизусть мог прочитати».

Дом родителей Аввакума в Григорово не сохранился. Никто из сельчан не сможет указать даже улицу, на которой он стоял. Но при слове «Аввакум» любой местный житель обязательно укажет вам на запад, где в 17 километрах от Григорова находится село Вельдеманово. Вот там энтузиасты отыскали место, где стоял дом Никиты Минина – будущего противника Аввакума, патриарха-реформатора Никона. Отрок Никита часто бегал в монастырь Макария Желтоводского, где, кстати, скорее всего, встречался с Аввакумом, нередко бывавшим в той же обители. Никиту Минина грамоте выучил священник села Кольчево отец Иван, сын которого стал коломенским епископом Павлом. На сестре Павла Коломенского был женат будущий митрополит Суздальский Иларион. Он был сыном священника Анании из села Кириково. Духовными детьми Анании были Никита Минин и будущий протопоп Иван Неронов, ставшие потом врагами. В Макарьевском монастыре принял монашество будущий покровитель Аввакума, архиепископ Сибирский и

На месте, где в XVII веке стояла деревянная церковь, освященная во имя Бориса и Глеба, в которой служил отец Аввакума, был построен каменный собор в честь Казанской Богородицы. Его архитектурная форма, «восьмерик на четверике», была в Нижегородских землях едва ли не самой первой

Тобольский Симеон. Отсюда же, из нижегородских пределов, вышел и еще один покровитель Аввакума – духовник царя Алексея Михайловича благовещенский протопоп Степан Вонифатьев. Как получилось, что главные участники будущей драмы задолго до ее начала собирались на небольшом клочке Нижегородской земли – загадка. «Но эти земляческие отношения и позволяли Аввакуму приходить к землякам в Москву и обращаться за помощью, когда его тут прижало», – говорит Ирина Анатольевна.

В 80-е годы один из последних председателей колхоза, Василий Цапаев, пытался восстановить каменную церковь в Григорове, думал именем Аввакума привлечь сюда туристов. В село два раза приезжал академик Дмитрий Лихачев. Это по его просьбе ленинградский художник Мальцев написал картину и подарил ее селу. «Каменная церковь, построенная на месте деревянной, где служил отец Аввакума, картина Мальцева и еще памятник работы Клыкова, – перечисляет Ирина Рыжова. – Вот и все аввакумовские места в Григорове!»

НЕУГОМОННЫЙ

Но с именем Аввакума в Нижегородской земле связано еще одно село – Лопатищи. Здесь он был сначала рукоположен в диаконы, а в 1640 году – в священники. К этому времени он, конечно, уже женился: по выбору матери женой его стала Настасья Марковна – дочь обеднев-

изображение Аввакума Петрова, годы жизни, цитата из автобиографического «Жития» на посвященном старообрядчеству стенде в Большемурашкинском историко-художественном музее

Фрагменты архитектурного и скульптурного украшений храмов хранились в музее еще до начала возрождения православия в России...

шего деревенского кузнеца. Так что какого-то особенного приданого жена мужу не принесла. Ригористический характер Аввакума проявился сразу же: прихожане на службы не торопились, молились неусердно, так что молодой священник начал рьяно проповедовать «и в домах, и на распутьях». Тут же выяснилось и то, что он готов был отстаивать строгость в нравах не только на словах. Заявились в село бродячие скоморохи с медведями, бубнами и «харями» (масками. – Прим.

ред.), так Аввакум бубны изломал, труппу разогнал, одного медведя «ушеб, а другого отпустил в поле». Сельчане, охочие до редких в те времена развлечений, разворчались, но стерпели. Как-то обнаглевший местный воевода отнял у несчастной вдовы дочь – Аввакум заступил. В другой раз проплывал по Волге мимо села знатный воевода Шереметев. Ну и нашептали ему «доброжелатели» про самонправство местного попа. Шереметев вызвал к себе Аввакума, пострадал, да и намеревался от-

пустить с миром. Только на прощание велел священнику благословить своего сына Матвея. Ну, казалось бы, что тут такого? Но Аввакум уперся, «видя блудоносный образ» сынка боярина: тот «брадобреицем» был! Шереметев не привык к отказам, да еще высказанным в подобных выражениях. Слуги по приказу боярина едва не утопили Аввакума в Волге. Но даже после этого неугомонный Аввакум не унимался: продолжал прихожан клеймить, да еще и священников из соседних приходов начал стыдить – они-де должностным образом

не исполняют церковные правила. Судя по всему, врагов себе Аввакум нажил немало. Никто за него не заступился, когда местный воевода, обозленный обличениями священника, избил его так, что он лежал «мертв полчаса и больше», да еще дом отнял и все имущество. И пошел Аввакум искать защиты в столной Москве. Про обиды свои от местных начальников он в красках рассказал своим землякам-священникам. К моменту появления Аввакума в Москве они уже создали кружок братьев благочестия, в ко-

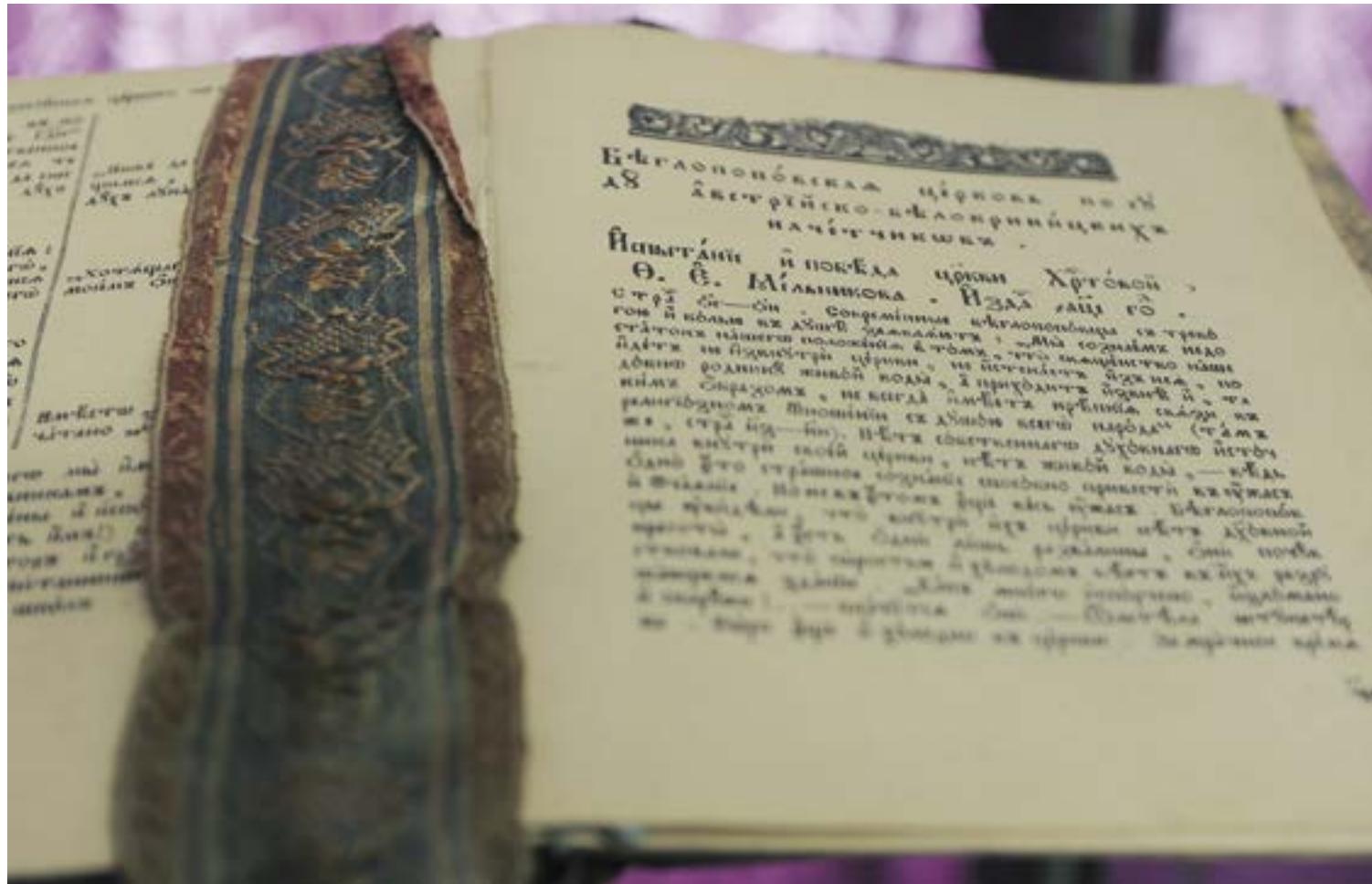
старообрядчестве на территории современного Большемурашкинского района, где расположено село Григорово, было искоренено сразу после Аввакума, поэтому предметов старообрядческого быта XVII века в музее не найти... Но атмосфера ощущается

торый входили молодой царь Алексей Михайлович, его духовник Стефан Вонифатьев, нижегородский священник Иван Неронов, влиятельный царский постельничий Федор Михайлович Ртищев и, наконец, будущий патриарх Никон. Это Неронов познакомил нижегородского максималиста со Стефаном Вонифатьевым. А тот представил его государю. Алексей Михайлович был очарован ораторским даром, искренностью и безыскусностью Аввакума. И «государь почал с тех мест знati» его, как написал Аввакум потом в своем «Житии». Вернулся он в Лопатищи с грамотой, которая должна была привести в трепет местных начальников. И продолжал вести себя по-прежнему...

СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

У стены в Доме культуры села Григорово, под картиной с Аввакумом, стоит ряд красных кресел. В них сельская молодежь отдохивает после скачек на местном танцполе: в этом зале проводятся дискотеки, а вовсе не лекции о жизни идеолога старообрядчества. Картина с семейством Аввакума

кума на Байкале и танцпол как-то не сочетаются друг с другом, этот симбиоз вызывает некую оторопь. О чем я и сообщаю заседающему клубом Сергею Миронову. «А куда деваться-то? Другого помещения нет, — отвечает Сергей, старательно прикрывая спиной музыкальный центр. Потом, подумав, добавляет: — В селе об Аввакуме вам никто ничего не скажет. Хотя... Нет, ну вот как поставили ему памятник, который двумя перстами в небо указывает, так народ стал жаловаться, что он все тучи разгоняет. Засуха одолела!»...

Четыре века назад Аввакум вызывал к себе еще большее не-расположение односельчан, так что он «вдругорядь сволокся к Москве». Благодаря землякам он снова был обласкан царем, да к тому же восхитил царицу Марию богатырским видом и рассказами о своих страданиях. Алексей Михайлович повел поставить Аввакума прото-

Ни одна из хранящихся в музее книг к старообрядчеству отношения не имеет...

попом в Юрьевец-Повольский. Но и здесь борьбой за благочестие он не давал горожанам покоя ни днем, ни ночью, так что через восемь недель был изгнан и оттуда.

В Москве, опять же благодаря землякам, Аввакума привлекли к участию в исправлении богослужебных книг и в сличении их с более древними старопе-

чатными славянскими оригиналами, затеянном патриархом Иосифом. Дело это продолжено было патриархом Никоном, но уже по греческим подлинникам. И прежние спровоцировали были устранены. Тут и возник конфликт, в основе которого лежали разные подходы к реформе: те, кого в будущем назовут старообрядцами, требовали

...И все они —
печатные

исправлять церковные книги только по древнерусским рукописям, а патриарх Никон посчитал довольноным взять более или менее современные издания греческих книг. Приверженцы старины объявили, что эти книги не имеют авторитета и полны искажений и ошибок. Борьбу против реформы Никона начали протопопы Аввакум и Даниил, направившие царю челобитную, в которой позиция патриарха подвергалась резкой критике.

С паперти Казанской церкви, где протопопом был Иван Неронов, Аввакум страстно проповедовал и читал старые книги. Полослушать его приходили многие,

в том числе бояре и их жены. Завязывались нужные знакомства, раскрывавшие перед протопопом двери богатых домов. «Любил протопоп со славными знатца», – самокритично пишет он в «Житии». Пожертвования богатых почитателей помогают ему жить безбедно, спрятать себе и Настасье Марковне щубы, крытые атласом и тафтой. Не имея места для службы, Аввакум прожил в Москве больше года, пока патриарх Никон не привлек ревнителей к ответственности. Ивана Неронова в цепях вывезли из Москвы, Аввакума не пустили в Казанскую церковь. Тогда он стал служить в большом сарае, призывая к сохранению старых

Ирина
Анатольевна
Рыжова была
в составе
делегации
из Нижнего
Новгорода,
которая
привезла
в Бурятию,
место ссылки
протопопа,
горсть земли
с родины
Аввакума

обрядов. В сентябре 1653 года его схватили и бросили в подвал Андроньевского монастыря. Продержали там Аввакума трое суток, били, ругали, увещевали. Протопоп не сдавался. Был уже заготовлен указ Никона: «Протопопа Юрьевца Повольского за его многое бесчинство сослать з женою и з детьми в Сибирской город на Лену»...

СКИТАНИЯ

Но по царской милости Аввакум был отправлен не колодником на Лену, а в ссылку в сибирскую столицу – Тобольск, к старому знакомому – архиепископу Симеону. В тобольском Вознесенском соборе Аввакум не только проповедовал и вел с прихожанами разговоры о крестном знамении. Он вновь, как и в Лопатищах, и в Юрьевце-Повольском, стал обличать и преследовать. В итоге Аввакума с семьей по новому указу патриарха отправили-таки на Лену. 29 июня 1655 года, погрузив вещи и усадив семью в дощник (плоскодонная лодка с палубой. – Прим. авт.), Аввакум отбыл. В пути изгнаника настиг новый указ: ехать протопопу Аввакуму не на Лену, а с воеводой Афанасием Пашковым в далекую Даурию (Забайкалье. – Прим. авт.). В грамоте приказывалось «смирять» Аввакума. В пути первая же буря сорвала ветром парус на дощнике протопопа, вода залила трюм. Возле Шаманского порога Пашков повелел случайно встреченных двух пожилых вдов обвенчать с казаками. Аввакум отказался. Воевода проучил строптивца у Долгого порога, где Ангара со страшным шумом прорывалась сквозь скалы, потребовав у Аввакума покинуть дощаник: якобы из-за него, еретика, судно «худо» идет. За обходной путь по горам, сквозь густые заросли, Аввакум написал на воеводу жалобу: «Беспрестанно людей жжет, мучит». Общего языка воевода и протопоп так и не нашли: в итоге Пашков приказал наказать Аввакума двумя кнутами с хво-

Во время
гонений
на церковь
в XX веке
местным
жителям
чудом удалось
сохранить иконы
и кресты...

стами из твердой сыромятной кожи. Обычно люди не могли оправиться после 60 ударов. Аввакум вытерпел 72.

В Братском остроге протопопа «в тюрьму кинули, соломки дали». Семью его поселили в лесу. Съестные припасы, которые Аввакум взял с собой из Енисейска, Пашков отнял. Весной пашковский полк двинулся к Байкалу. Барки волокли против течения, рук не хватало, вместе с Аввакумом лямку тянули его сыновья. В своем «Житии» Аввакум первым из русских писателей обессмертил подвиг и муки даурских наследников: «стало нечего есть; люди учили с голоду мереть и от работы в воде».

В самом сердце Даурии, при слиянии реки Нерчи с Шилкой, Пашков поставил острог. Люди здесь страдали от голода. За шубу Настасью Марковну воевода дал четыре мешка ржи, которые семья растянула на год, добавляя в кашицу траву. В эти годы у Аввакума умерли два маленьких сына. Суровая зима 1660/61 года заставила воеводу повернуть назад. К этому тяжелому переходу относится ставший потом хрестоматийным разговор Аввакума с Настасьей Марковной. Пять недель по голому льду они ехали на нартах. «Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми идти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нее набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут... А протопопица кричит: Долго ли муки сея, протопоп, будет? И я говорю: Маркова, до самыя до смерти! Она же, вздохня, отвещала: Добре, Петрович, ино еще побредем».

...На десятом году странствий Аввакум получает разрешение вернуться из ссылки. В Москве он не оправдал надежд царя. Протопоп подал бумагу – «Первую челобитную». В ней он писал, как, живя на востоке «в смертях многих», он надеялся, что в Москве тишина. В дру-

гом послании царю Аввакум убеждал: «Ты, ведь, Михайлович, русак. Говори своим природным языком... Любит нас Бог не меньше греков, предал нам и грамоту нашим языком через Кирилла и Мефодия. Чего же нам еще хочется лучше того?» За вольности и резкую критику церковной реформы Аввакума

Житель Нижнего Новгорода Александр Потякин приехал в музей, чтобы поговорить и поспорить об «огнепальном протопопе»...

после бесполезных увещеваний снова решили сослать с семьей на дальний Север. 1 марта 1666 года Аввакума из Мезени привезли в Москву на собор. Терпеливо втолковывали упрямцу о необходимости примириться с царской волей. Но Аввакум выбрал цепи Пафнутьева монастыря. Считается, что царь так до конца и не мог подавить в себе тщательно скрываемого восхищения перед личностью Аввакума. Протопопа снова доставили на собор, где, не добившись покаяния, постановили лишить его сана, затем вернули в Пафнутьев монастырь. 17 июня Аввакума доставили в Крестовую палату, где заседал собор – два восточных патриарха и более 40 русских епископов. Вел себя протопоп, конечно, вызывающе. И оставил о себе невыгодное впечатление. По указу царя для Аввакума, соловецкого старца Епифания, ушедшего из своего монастыря из-за церковной реформы, и еще двух узников, Лазаря и Федора, построили тюрьму. Четыре избенки с земляным полом «по сажени, а от полу до потолка головой достать». В таких условиях Аввакум продолжал писать, а через четырнадцать лет взошел на костер. Духовным отцом Аввакума был старец Епифаний, которому он много рассказывал о своей жиз-

Большемураш-кинская земля славилась деревянным зодчеством... Эта резная колонна была создана во времена Аввакума

Когда избушки Григорова занесены снегом, то село ничем не отличается от того, каким его вспоминал в своем «Житии» протопоп Аввакум

ни. Епифаний «понудил» Аввакума написать книгу. Вряд ли ведал Аввакум, что назовут его писание «первым опытом за- конченного психологическо- го автопортрета в древней русской литературе». Сам протопоп писал о своем творчестве: «Что на ум попало, я тебе то и говорю». В «Житии» он отказался от условностей и традиций средневековой литературы, смело ввел народное просторечие в книжный язык, до предела насытил текст информацией. Многие его выстраданные рассуждения (например: «Выпросил у бога светлую Росию сатона, да же очервленит ю кровию мученическою») до сих пор поражают своей пророческой мощью... Епифаний делал тайники в то- порицах бердышей, с которыми стрельцы отправлялись в Москву. В них для московских последователей пустозерских узников передавались письма Аввакума. Так рукописи авваку- мовского «Жития» разошлись по

Руси. И сегодня, спустя четыре века, «Житие протопопа Авваку- ма, им самим написанное» есть в каждой библиотеке.

Считается, что архаичная речь автора мешает чтению. Но, с другой стороны, кому нужно знакомство с таким жизненным опытом: ледяные реки, на- рты, голод, камни, смерть детей и костер в конце? И все же тя- нет, тянет на места, связанные с жизнью протопопа! Вот и Ирина Анатольевна говорит о людях, приезжающих в Григорово взять горсть землицы с родины Аввакума, сфотографироваться на фоне разрушенной церкви и памятника протопопу...

Мы оказались перед ним в са- мый снегопад. Снежинки забирались в рукава, забивались под шарф, слепили, а порывы ветра едва не сбивали с ног. «Авваку- ма погода! – прокричала Ирина Анатольевна. – Будьте осто- рожнее!» Утоптанной дорожки к памятнику не было. Проваливаясь в

сугробы, мы наконец доковы- ляли до монумента. Проступив- шая в белой пелене фигура Аввакума, поднявшего два перста к небу, выглядела величественно и внушительно. Из этого села он начал свой путь никому не известным молодым человеком, и здесь же, где стоит ему памятник, он остается многим чужим...

Каждое лето от Покровской единоверческой церкви села Большое Мурашкино к памятнику идет крестный ход. В нем при- нимают участие несколько сотен старообрядцев со всей Рос- сии. Люди идут не по шоссе, а лесом – по корням и сучьям, переходят ручьи. Это по их просьбе администрация села не облагораживает площадку во- круг памятника, не расчищает здесь зимой сугробы, не сносит старые бани и овины, расположенные поблизости. Пусть буд- дет грубо, голо, коряво, но по-настоящему. Как жизненный путь протопопа Аввакума...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

БЛАЖЕН ОЗЛОБЛЕННЫЙ ПОЭТ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

МАЛО КТО ИЗ РУССКИХ ПОЭТОВ ТАК ПОСТРАДАЛ
ОТ СОВЕТСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ,
КАК НЕКРАСОВ. БЕДА ЕГО В ТОМ, ЧТО ОН БЫЛ САМЫЙ
ИДЕОЛОГИЧЕСКИ ПРАВИЛЬНЫЙ, САМЫЙ СОЦИАЛЬНО
ВЫДЕРЖАННЫЙ, И В ГЛАЗАХ НЕСКОЛЬКИХ
ПОКОЛЕНИЙ ЧИТАТЕЛЕЙ НЕКРАСОВ-ГРАЖДАНИН
БЕСПОВОРОТНО И БЕЗНАДЕЖНО ЗАТМИЛ НЕКРАСОВА-
ПОЭТА. И ТОЛЬКО В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ОН НАЧИНАЕТ
К НАМ ВОЗВРАЩАТЬСЯ – ЖЕЛЧНЫЙ, ЯРОСТНЫЙ,
ПЛАЧУЩИЙ, УМИЛЯЮЩИЙСЯ, ПРОКЛИНАЮЩИЙ –
ЖИВОЙ И АКТУАЛЬНЫЙ, КАК МАЛО КТО ДРУГОЙ.

В

НЕМ СЛОВНО жили
два человека, две лич-
ности, два противопо-
ложных начала – мож-
но для простоты, наверное,
назвать их материнским и отцов-
ским. Отец, поручик егерского
полка Алексей Некрасов, чем-то
очаровал 17-летнюю провинци-
альную барышню Елену Закрев-
скую. Она выскочила замуж за
проезжего офицера и уехала с
ним в Ярославскую губернию.
Брак этот не был счастливым.
Мать Некрасова была молодень-
кая, кроткая, любящая книги, по
тогдашним меркам образован-
ная; таких уездных барышень
мы часто встречаем у Пушкина.
Отец – жестокий барин, склон-
ный к вспышкам гнева, крепост-
ник, картежник, любитель по-
вой охоты, воплощение «барства
дикого, без чувства, без закона».
Он наводил страх и на крепост-
ных, и на домашних. Рассказы-
вают, что Елена Андреевна засту-
палась за детей и крепостных,
когда муж велел их пороть, – па-
дала в ноги; это не всегда помо-
гало. Крестьяне вспоминали, что
он бил жену.

Для Некрасова мать была вопло-
щением всего лучшего, человеч-
ного, умного и святого; «во мне
спасла живую душу ты», писал
он, обращаясь к ней. Она при-
охотила его к чтению, сочув-
ствовала ему и понимала его.
Отец готовил мальчика к воен-
ной карьере: брал Николая с со-
бой на охоту, учил стрелять и
скакать верхом – и воспитал от-
личного стрелка и наездника.
Эти два начала так и ужи-
вались в нем всю жизнь: он был
и барин, картежник, страстный
охотник – и читатель, мечта-
тель, страдающая, нежная душа,
влюбленная в красоту мира и
уязвленная ее жестокостью.
Семья была небогата: отец про-
матывал остатки некогда огром-
ного, но еще отцами и дедами
разоренного состояния. Маль-
чики Некрасовы, погодки Ан-
дрей и Николай, постоянно
играли с деревенскими деть-
ми, как отец ни старался за-
претить это вредное общение;
когда взрослый Некрасов при-

езжал на родину, в село Грешнево, он разговаривал с мужиками по-свойски: это были его друзья детства. Некрасов, кстати, гордился тем, что он никогда не владел крепостными и не жил за их счет.

В учение братьев Некрасовых отдали, когда одному было 11, а другому 12 лет. Их отправили в Ярославскую гимназию. Поселились они на частной квартире с дядькой, который присматривал за ними весьма нерадиво, так что мальчики часто прогуливали занятия и не особенно усердствовали. Одноклассник Николая Некрасова Горошков вспоминал, что будущий поэт на переменах рассказывал товарищам всякие смешные байки из деревенской жизни и его с восторгом слушали. Учились мальчики все хуже: Андрей много болел, оба много пропускали; в общем, такое учение превосходно описано в «Обломове», да и кончилось оно примерно так же – обоих забрали из пятого класса гимназии, сославшись на болезни. К 1837 году, когда Некрасов оставил гимназию, он уже был неплохо начитан и собрал целую тетрадь стихов.

А.С. Некрасов,
отец поэта.
Фотография
середины
XIX века

НЕСЧАСТНЕЦЬКИЙ

Старший брат, Андрей, долго и тяжело болел – и умер через год после ухода из гимназии. Николай уехал в Петербург почти сразу после его похорон. Отец поставил условие: поступить в Дворянский полк. Но мать и сын мечтали об университете. Летом 1838 года 16-летний Некрасов явился в Петербург. Денег у него было 150 рублей. Отец, узнав, что сын собирается ослушаться, пообещал оставить его без денег, если он не подчинится и не пойдет по военной части. Сын ответил: «Если вы, батюшка, намерены писать ко мне бранные письма, то не трудитесь продолжать, я, не читая, буду возвращать вам письма». Отец прекратил присыпать сыну деньги, и юноша остался без средств к существованию. А впереди была зима, голодная и холодная. Деньги, привезенные из Грешнева, таяли. Он менял квартиры, которые становились все грязнее и беднее, голодал, мерз, проедал оставшиеся деньги, пристраивал стихи в журнал «Сын отечества» (их опубликовали; молодой поэт ликовал). Готовился поступать в университет. На экзаменах летом 1839 года Некрасов жестоко провалился: словесность сдал на тройку, затем получил несколько единиц подряд и не стал сдавать остальные экзамены. Правда, поступил вольнослушателем на философский факультет, потом пробовал поступать на юридический – и опять неудачно, хотя по словесности на этот раз была пятерка.

Три года он скитался по темным углам, писал крестьянам прошения за копейки, переписывал роли, писал афиши и объявления, сочинял лубочные сказки. Зимой ходил в легком пальто и соломенной шляпе, в дырявом красном шарфе. Когда знакомая спросила его, зачем он надел такой шарф, он резко ответил: «Этот шарф связала моя мать». В одной семье его звали «несчастненьким» и всякий раз подкармливали остатками от обеда. Он писал потом:

«Питаясь чуть не жестилю, // Я часто ощущал такую индигестию, // Что умереть желал». Индигестия – несварение желудка. Потом он простудился, долго лежал больной, а квартирный хозяин,unter-офицер, сильно беспокоился, как бы жилец не помер, не выплатив долга в 40 рублей, еще и хорони его потом за свой счет. Так что он взял с Некрасова расписку, что тот передает ему имущество в счет уплаты долга, на случай смерти, а когда больной впервые встал с постели и вышел погулять – не пустил его обратно. Имущество, само собой, оставил у себя. Некрасов пошел куда глаза глядят, сел на какую-то скамейку, заснул и чуть не замерз во сне. Его разбудил нищий и привел к себе в ночлежку.

Кончились эти мытарства тем, что содержатель пансиона для поступления в Инженерное училище Бенецкий нанял юношу гувернером. Он же посоветовал молодому поэту издать стихи отдельной книжкой. Некрасов пошел советоваться к Жуковскому, которого совсем не знал. Жуковский сказал ему: не печатайте, потом будете писать лучше – и будет стыдно. А вздумаете печатать – снимите свое имя. Некрасов послушался и издал «Мечты и звуки» под инициалами Н.Н. Стихи были – «так он писал темно и вяло (что романтизмом мы зовем...)». Книгу никто не покупал, и опечаленный автор скучил и уничтожил почти весь тираж. Удивительно, но «Мечты и звуки» как-то попались на глаза Белинскому, который заметил: «Вы видите по его стихотворениям, что в нем есть и душа, и чувство, но в то же время видите, что они и остались в авторе, а в стихи перешли только отвлеченные мысли, общие места, правильность, гладкость – и скука». Некрасов решил больше не писать и не печатать стихов. Он едва не запил от тоски, но хватило ума остановиться. Тоска его терзала всю жизнь, это и дар его был, и проклятие его. Вспоминают, что в тяжелые минуты он целы-

ми днями лежал лицом к стене – он называл это хандрой: «Прибавь – хандрит и еле дышит, // И будет мой портрет готов». Но сейчас, 20-летний, он справился, пришел в себя – и решил заняться журналистикой. Познакомился с издателем Федором Кони, печатался у него в «Пантеоне русского и всех европейских театров», писал рецензии на театральные спектакли – и сам понемногу заболел театром. И начал, по предложению Кони, писать и переводить для театра пьесы – преимущественно водевили. Он даже переводил с французского, практически не зная языка – где по словарю, где догадкой, а где и фантазией восполняя пробелы. Пьесы его, которые он подписывал псевдонимом Н. Перепельский, имели успех у публики.

Некрасов с юности писал много, чтобы прокормиться, и среди написанного им много откровенной ерунды. Если допустить, что в литературе есть свои мученики и небесные покровители, то нам не найти лучшего покровителя для журналистов и литераторов, вынужденных ради заработка строчить без сна и отдыха. Тем более что когда появилась возможность – Некрасов стал самым настоящим покровителем литераторов: давал деньги в долг и просто так, отправлял в теплые края, платил огромные гонорары, опекал, кормил роскошными обедами...

К 1841 году Николай Некрасов превратился из полуницкого мальчишки в литератора, сотрудника журнала, автора пьес. Теперь уже не стыдно было явиться домой – не подавленным и ничтожным, а сильным и победившим: «Лет двадцати, с усталой головой, // Ни жив, ни мертв (я голодал подолгу), // Но горделив, – приехал я домой»... Сестра Елизавета звала на свадьбу. Но попал он на похороны: мать умерла за три дня до его приезда. Как он пережил ее смерть – неизвестно, ничего об этом не писал. Судя по тому, что и как он писал о матери – это был тяжелый удар.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Н.А. Некрасов.
Акварель
М. Захарова.
1847 год

И ПОЭТ ИСТИННЫЙ

Некрасов часто публиковал рецензии на литературные новинки. Их заметил Белинский и удивился: всякий раз их автор успевает написать то, что сам он еще только собирался написать. Некрасов оказался критиком резким, ехидным и близким Белинскому по воззрениям; разумеется, они свели знакомство, и началось литературное ученичество и многолетняя дружба. Белинский навсегда остался для Некрасова учителем, да еще с большой буквы: «перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени», это мы все еще со школы помним. Белинский, казалось, прекрасно знал Некрасова – как собеседника, как критика, как партнера по картам, наконец. Но первые после неудачи юношеского сборника стихи, которые Некрасов показал старшему другу через несколько лет знакомства, заставили его воскликнуть хрестоматийное: да знаете ли вы, что вы – поэт, и поэт истинный? Это было знаменитое «В дороге», история крестьянской девочки, которую воспитали в господском доме барышней, а потом отдали в жены мужику. Первое стихотворение – и совсем зре-

лый поэт: и точность удивительная в передаче народной речи, и мелодия необыкновенная, и совершенно свой, ни на кого не похожий поэтический голос – и горечь, и ядовитая ирония, и бескрайняя тоска... Так в русскую поэзию ворвался народ, дотоле бессловесный. Всего несколько десятилетий назад Карамзин доказывал читающей публике, что крестьяне тоже любить умеют. Некрасовские крестьяне, в отличие от бедной Лизы, не благоухают ландышами. Живые, корявые, некрасивые люди встали во весь рост и заговорили о своей жизни, полной шекспировских страстей, изматывающего труда и безысходной муки. И оказалось, что русская поэзия может быть и такой. До сих пор она говорила сложным и умным языком высокообразованных людей. А Некрасов подчинил поэзии всю буйную, непокорную стихию русского просторечия, народного языка и народной песни. Оказалось, поэзия справляется не только с высоким и прекрасным, но и с низким, страшным и безобразным. Некрасов – первооткрыватель эстетики безобразного в России:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах...

1846 год, практически одновременно с Бодлером – «Цветы зла» выходили с 1857-го; Некрасов, впрочем, изобретает это сам, а не подсматривает у французов – это время требует, чтобы поэзия бросила цевницу, отложила лиру и посмотрела на реальную жизнь. Так появляется некрасовская «кнутом иссеченная муз» – муз реальной жизни, муз страдания и кипящей ярости. Безобразное для Некрасова не самоцель, а средство впечатлить читателя, изумить, замучить. Некрасов читателя вообще не жалеет. Чего стоит его «толпа мертвцев», вьющихся у поезда, как пушкинские бесы, – картина для фильма ужасов. Чего стоят жуткие вороны, обрамляющие с двух сторон горький рас-

сказ Касьяновны об умершем сыне. Здесь же, в этом же стихотворении, – фирменное некрасовское «уууу» – ууууумер, Касьяновна, ууууумер, голуууу-бушка... Эти воющие «у» некрасовского стиха – «дуууумаюдуууумууусвоуууу» – камертон его поэзии, утробный вой бесконечного отчаяния, безысходной тоски. И конечно, это не печаль о горе народном, никто в конце концов не заставлял сына Касьяновны идти на сорок первого медведя, – не социальная тут проблематика, хотя, конечно, теперь бедной одинокой старухе никто не поправит покосившуюся избуууушкуууу и не набьет зайчиков на новую шуууубушкуууу. Но это не к социальному устройству претензии, конечно, а вопль в небеса, экзистенциальный ужас, обращенный к миру-зданию: люди одиноки, голы, босы, голодны и смертны; рас считывать не на кого, ждать нечего, кругом горе и страдание, а впереди только смерть.

Некрасов первый, наверное, кто так последовательно творит в этом ключе, первый поэт отчаяния, тоски и вселенской муки. За ним на свет появилась целая плеяда художников, поэтов и кинематографистов, творящих в эстетике отчаяния и без церемоний втыкающих в своих читателей, слушателей и зрителей пропитанные ядом ржавые гвозди; последнее произведение в этом роде, кажется, германовское «Трудно быть богом» (фильм снят по одноименной повести братьев Стругацких. – **Прим. ред.**). Некрасов, правда, был никакой не дон Румата, не чистый и верящий в идеалы добра и справедливости землянин в Арканаре, а плоть от плоти его и кровь от крови этого злого и грязного мира, барон Пампа и поэт Цурэн в одном лице.

Не то чтобы он был совершен-
но лишен радостей и видел
кругом только грязь, ужас и не-
справедливость. Ведь замечал
же — и «тончайшие сети паути-
ны, что как иней к земле при-
легли», и всей грудью вдыхал
«здоровый, ядреный воздух».

Н.А. Некрасов
в группе
сотрудников
«Современника».
Литография
В. Тимма
из «Русского
художественного
листка» В. Тимма.
1857 год

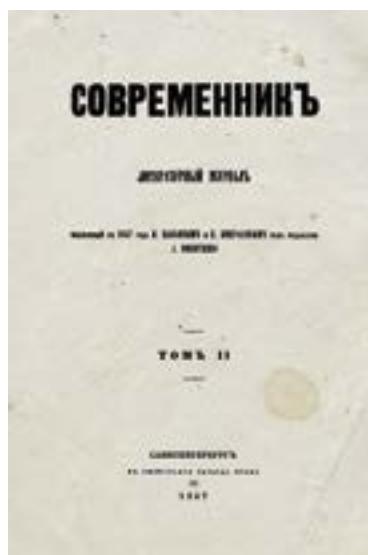
Н.А. Некрасов
в группе
сотрудников
«Современника».
Литография
В. Тимма
из «Русского
художественного
листка» В. Тимма.
1857 год

Это могучий, очень здоровый и веселый поэт, умеющий живописать не только язвы и раны, но и вишневые сады, «как молоком облитые», и зимний лес, трещащий под тяжкими шагами мороза, и русских баб с их спокойным достоинством. Эти русские бабы у Некрасова – вообще поразительное литературное открытие: впервые в литературе появляются обиженные, униженные, битые, поротые, закабаленные – и совершенно свободные люди. Полные собственного достоинства – и ничего не боящиеся, потому что уже нечего отнять. И не рас-

терявшие любви, внутренне-го благородства, сострадания к другим людям, благодарности даже. Матрена Тимофеевна в «Кому на Руси жить хорошо» со-храняет человеческий облик в самых нечеловеческих услови-ях. И в этом, наверное, тоже но-ваторство Некрасова, за век до Виктора Франкла задавшегося вопросом, за счет чего человек выживает в аду. И кажется, даже к выводам пришел похожим.

ПРАКТИЧЕСКИЙ ТАЛАНТ

К тому времени, как Некрасов всерьез заявил о себе как о поэте, у него за плечами уже был некоторый успешный издательский и редакторский опыт. Собранный им сборник «Физиология Петербурга», положивший начало русской «натуральной школе», привлек большое читательское внимание и стал вполне коммерчески успешным проектом. «Петербургский сборник», вторая его редакторская работа, тоже был раскуплен и принес большую прибыль. Стало понятно, что Некрасов умеет вести дела. Идея создать новый журнал для нового направления носилась в воздухе; до Некрасова, однако, среди литераторов мало находилось людей с управлеченческой жилкой. Белин-

Титульный
лист журнала
«Современник».
1847 год

ский очень ценил практичность Некрасова и всецело ему здесь доверял (во всяком случае, на этапе создания журнала); надо сказать, что именно Некрасов обеспечил Белинскому возможность в последние годы жить достойно, зарабатывать деньги и лечиться за границей.

Открыть новый журнал вряд ли было возможно – царь считал, что и так их слишком много. Поэтому перекупили старый – пушкинский «Современник», уже еле живой в руках Плетнева. Некрасов оказался редактором и издателем от Бога: нюх на таланты, деловая хватка, умение уговаривать цензоров (кормить их роскошными обедами, возить на охоту и пр.), нянчиться с авторами, писать самому все, чего недостает, и приводить в должный вид то, что необходимо исправить, – все это позволило ему создать лучший в России журнал. Вскоре среди авторов «Современника» оказались лучшие писатели: Тургенев, начинаящий Достоевский, Герцен, Огарев, Гончаров, потом Островский и молодой Толстой...

На втором году издания, однако, над «Современником» собирались тучи: после французской революции 1848 года в России ужесточилась цензура. По «делу петрашевцев» были арестованы несколько близких к «Современнику» литераторов, в том числе Достоевский, в вину которому вменялось чтение письма Белинского к Гоголю. Самого Белинского, уже тяжело больного, вызывали повесткой к Дубельту в Третье отделение; Белинский, однако, уже не вставал, и его оставили в покое. Он вскоре умер. Достоевского отправили на каторгу. Цензура изымала тексты из каждого номера журнала. Чтобы спасти журнал и вовремя разослать его подписчикам, Некрасов сам писал роман, чтобы заделать цензурные пробоины, – «Три страны света», длинный-предлинный. Первый в русской литературе роман, созданный двумя соавторами: Некрасовым и Авдотьей Панаевой.

Авдотья Яковлевна Панаева (1820–1893, во втором браке Головачева).
Портрет неизвестного художника.
1850 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

жил на горизонте общественного сознания – даже до «Грозы» оставалось довольно много лет, не говоря уж об «Анне Карениной». В конце концов всех устроил странный семейный союз: Панаевы и Некрасов жили в одном доме, Авдотья Яковлевна считалась женой Панаева, хотя, по сути, была женой Некрасова; Панаев закрывал на это глаза; Некрасов ревновал Авдотью Яковлевну к мужу; эта путаная жизнь вызывала множество кривотолков и больно ранила Панаеву. Может быть, Некрасова и Панаеву спасло то, что и сами они были литераторы, и круг их составляли литераторы, люди если и не богемные, то не такие консервативные, как калиновцы в «Грозе». Лучшие писатели собирались в салоне у гостеприимной и привлекательной Панаевой – и, как обмолвился один некрасовед, если бы в это время в доме обвалился потолок, мы остались бы без великой русской литературы.

Семейная жизнь Некрасова и Панаевой была бурной – с взаимными ссорами и упреками, дикими сценами, вспышками ревности, примирениями и нежностью. Кажется, ни он, ни она не были склонны к тихому семейному счастью.

Любовная лирика Некрасова – это тоже совершенно новое слово в русской литературе. «Как буйство нервное стихает и

А. Наумов.
Белинский перед смертью (Н.А. Некрасов и И.И. Панаев у постели больного).
1884 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МЫ С ТОБОЙ БЕСТОЛКОВЫЕ ЛЮДИ

Панаеву и Некрасова связывали не только соавторские отношения. Авдотья Яковлевна, дочь актера Брянского, женщина умная и талантливая, была не особенно счастлива замужем за вторым издателем «Современника», Иваном Панаевым. Писателем он был неплохим, но мужем скверным: дружеские попойки и девицы легкого поведения привлекали его куда больше, чем законная жена. Некрасов долго осаждал красавицу Панаеву и даже едва не покончил с собой из-за ее немилости. Ей было трудно решиться. Ее очень мучило положение гражданской жены; вопрос о праве женщины быть верной своему сердцу, а не брачным клятвам, еще только брез-

переходит в аппетит» – ничего себе взгляд любящего на любимую! Это неслыханная доселе лирика мрачных бытовых драм, житейских скандалов, размолвок – не праздники, но будни любви. Возлюбленная в этих стихах – не гений чистой красоты, а стоящая рядом, земная, нервная, заплаканная, истеричная женщина, которую все равно нельзя не любить.

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

...
Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участья...
В 1849 году у них родился ребенок, но прожил всего несколько дней. Авдотья Яковлевна тяжело переживала смерть ребенка. Уехала за границу; в саду Тюильри она так засмотрелась на играющую девочку, что нянька забеспокоилась и стала спрашивать, отчего она так смотрит... Со смертью ребенка что-то надломилось в их отношениях. Они сходились и расходились, и опять сходились – пока наконец Авдотья Яковлевна не ушла совсем в середине 60-х. Вышла замуж и родила дочку. Муж, правда, тоже вскоре умер. Она зарабатывала литературным трудом, жила бедно и, кажется, не очень счастливо.

Н.А. Некрасов и И.И. Панаев.
Карикатура
Н.А. Степанова
в «Иллюстрированном альманахе» – издании
Н.А. Некрасова и И.И. Панаева.
1848 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка романа
Н.А. Некрасова
и А.Я. Панаевой
«Три страны
света».
Н. Станицкий –
литературный
псевдоним
А.Я. Панаевой

БАРИН И ПЛЕБЕЙ

Некрасова теперь считали лучшим русским поэтом. Он разбогател. Стал членом Английского клуба. Играли в карты – и часто выигрывал огромные деньги (часть выигрышей, кстати, вкладывал в журнал). Картежником он был хладнокровным и расчетливым – не на удачу рассчитывал, а на мастерство. Современников изумляло, что певец горя народа – барин, любитель вкусно поесть, картежник, охотник... «Современник» тем временем тоже менялся: тон в нем все больше задавали молодые критики Добролюбов и Чернышевский. Ведущим вопросом стал вопрос «общего дела» – социальных реформ. В редакции наметился раскол между разночинцами-критиками и аристократами-прозаиками, скептически относившимися к «семинаристам». Резкость Чернышевско-

го и Добролюбова, их требование, чтобы литература служила общественной пользе, вызывали негодование у основных авторов журнала. Конфликт тянулся несколько лет и кончился полным разрывом с Тургеневым, Толстым и Григоровичем. Не только редакцию, но и Некрасова раздирали пополам социальные противоречия: в нем никак не уживались важный барин и умирающий от голода Фигаро, проходимец и делец, сделавший сам себя. И в нем самом, как и в редакции, не прекращался спор о том, как писать и что писать и для чего это делать: для пушкинской гармонии или гоголевской общественной пользы. Его стихи о предназначении поэта – это спор с самим собой: и «Блажен незлобивый поэт», и «Поэт и гражданин». Он сам себя убеждает: да, божественная гармония – прекрасно, но надо же что-то делать!

Некрасов не мог не поддержать Добролюбова и Чернышевского просто потому, что они давали перспективу. Окружающая действительность так мучила Некрасова, такую тоску в него вселяла, такое желание перевернуть эту жизнь, изменить ее, что ни за что он не отказался от возможности прямо говорить в своем журнале, что все это надо менять. Его сжидало всепоглощающее чувство вины: не так сказал, не так себя повел, не то сделал... – и заканчивалось это бешеным, чудовищным самоедством: не так живу, кругом виноват... Может быть, дело в извечной вине образованного и состоятельного человека перед бедным и малограмотным народом – ею с легкой руки Некрасова заболели несколько следующих поколений русской интеллигентии. Может быть – в той болезненной, патологической вине, которая часто сопровождает депрессии. Некрасов искал выхода – а выход предлагали Добролюбов и Чернышевский. Они знали, что делать.

ГРОЗА, БЕДА!

Время реформы – время подъема. Некрасов едет в Грешнево, разговаривает с мужиками, приглядывается, задумывается. Из этих наблюдений скоро вырастет «Кому на Руси жить хорошо» – колossalная поэма о великом переломе: порвалась цепь великая, порвалась – расскочилася...

Он пишет сейчас о мужиках и для мужиков: его «Коробейники» – это прямо для народа, он и издавал их отдельным изданием, чтобы распространять через оfenей – чтобы мужики читали. Он прямо обращается в стихах к мужикам, и этого, опять-таки, до него пока никто не делал. Он первый пришел к этим новым читателям и заговорил с ними на их языке. Он задумал целую программу издания книжек для народа, и первые книжки уже успели найти своих читателей – пока всю серию его «Красных книжек» не прихлопнула цензура.

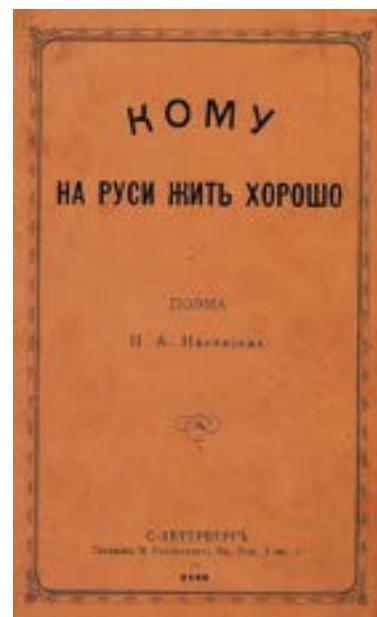
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

М. Клотц.
Иллюстрация
к поэме «Кому
на Руси жить
хорошо»

После нескольких лет «оттепели» с их мягкой цензурой над «Современником» снова сгустились тучи. Чернышевский в 1862 году был арестован за брошюру «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Добролюбов умер. Издание журнала было приостановлено цензурой на восемь месяцев – из-за «вредного направления». Возобновилось оно в 1863 году – и среди сотрудников появились Салтыков-Щедрин и Глеб Успенский, а в трех номерах подряд вы-

шел роман «Что делать?». Дела Некрасова шли так хорошо, что он купил в 1863 году у княгини Голицыной имение Карабиху – с оранжереями и поморянцевым садом.

А в 1866 году после покушения на Александра II «Современник» снова собрались закрыть. Некрасов решился на отчаянный шаг: в день, когда он получил известие, что журнал обречен, он в Английском клубе преподнес верноподданническую оду Муравьеву-вешателю, усмирителю Польши, который после покушения был поставлен во главе Следственной комиссии. Муравьев брезгливо выслушал оду и не поверил ни единому слову. Присутствующие были шокированы некрасовским поступком. «Современник» все равно закрыли, а на Некрасова обрушились волны либерального гнева. Иначе как подлецом его не называли, слали ему гневные письма и гадкие стихи, возвращали книги, рвали его портреты – словом, всячески демонстрировали свое гражданское негодование. Некрасов еле вынес эту обструкцию. «Гроза, беда! // Облава – в полном смысле слова!.. // Свалились в кучу – и готово // Холопской дури торжество, // Мычанье, хрюканье, блеянье //

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка поэмы
«Кому на Руси
жить хорошо».
1880 год

З.Н. Некрасова
(Ф.А. Викторова),
жена поэта.
1872 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И жеребячье гоготанье – // А-ту его! А-ту его! Герцен издевался из Лондона: «Браво, Некрасов, браво!» Фет обозвал «продажным рабом». Некрасов мучился виной, каялся – и обвинял своих обвинителей: «Зачем меня на части рвете, // Клеймите именем раба? // Я от костей твоих и плоти, // Остервенелая толпа». Ему казалось, что он всех предал – и «Современник», и Белинского, и Чернышевского, и Добролюбова, и даже мать свою. Он каялся и объяснялся с обществом, и эта потребность каяться и объясняться, уже болезненная, навязчивая, не оставляла его никогда. Даже на смертном одре, вопя от боли, он снова и снова возвращался мыслями к этой чудовищной ошибке и просил прощения.

КАК МНОГО СДЕЛАЛ ОН, ПОЙМУТ

Последние десять лет его жизни были очень плодотворны: он работал над «Кому на Руси жить хорошо», издал великолепную сатиру «Современники», возродил дух «Современника» в «Отечественных записках» – и, в общем, с нуля сделал прекрасный журнал. Но сам он был уже надломлен и от надлома того никогда не оправился.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Похороны
Н.А. Некрасова
30 декабря
1877 года.
Гравюра на дереве
К. Крыжановского
по рисунку
А. Бальдингера.
1878 год

да у того обнаружился рак прямой кишки – когда он вопил от боли, прогонял от себя не умеющих перевязать его медиков, не спала ночами два года подряд. Он обвенчался с ней дома за восемь месяцев до смерти – больной, еле живой, вокруг анала его водили за руки.

Когда он умирал, страна вдруг очнулась и поняла, как сильно она его любит. Ему простили наконец оду Муравьеву. Его засыпали поздними признаниями в любви. «И только труп его увида, как много сделал он, поймут», – напророчил он сам себе. Увидели.

На похороны пришли толпы. Тысячи и тысячи – никто не считал. Плакали у гроба. Когда Достоевский сказал, что Некрасова можно поставить рядом с Пушкиным – кричали «выше, выше Пушкина». И с этих пор полтора века подряд говорили про общественное значение некрасовской поэзии, про демократический пафос, про горе народное, про общее дело, про борьбу. Совсем забывая о свежести его поэзии, о первобытной силе, о невероятной красоте некрасовской мелодики, о яркой и лаконичной ее выразительности... Гражданин победил поэта. ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«ПЕРВЫЙ РУССКИЙ РОМАНИСТ»

АВТОР

ГЕННАДИЙ ЕВГРАФОВ

«ПОХОДНЫЕ ЗАПИСКИ РУССКОГО ОФИЦЕРА» ПРИНЕСЛИ ЕМУ ИЗВЕСТНОСТЬ, РОМАН «ПОСЛЕДНИЙ НОВИК» – УСПЕХ, А «ЛЕДЯНОЙ ДОМ» – НАСТОЯЩУЮ СЛАВУ. ЕГО СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ИЗДАННОЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В САМОМ КОНЦЕ XIX ВЕКА, НАСЧИТЫВАЛО 12 ТОМОВ. Но в памяти последующих поколений читателей он останется автором одного романа...

СЕГОДНЯ, КОГДА ВНОВЬ пробудился интерес к отечественной истории, переиздается не только самый известный исторический роман Ивана Ивановича Лажечникова, «Ледяной дом», но и два других – «Последний Новик» и «Басурман». Почему они и сейчас находят своего

Здание архива Министерства иностранных дел на углу Моховой и Воздвиженки. Москва. 1869 год. Место первой службы И.И. Лажечникова

читателя? Видимо, потому, что, как говорил Александр Сергеевич Пушкин, автор стремился в меру своего таланта и способностей «воскресить минувший век во всей его истине».

Иван Иванович Лажечников прожил долгую жизнь: родился в 1792 году в семье коломенского купца, умер – в 1869-м. Он появился на свет в эпоху Екатерины II, а закончил свой жизненный путь при Александре II. При Александре I ушел добровольцем в армию бить французов, при Николае I служил по линии Министерства народного просвещения, был вице-губернатором и цензором. Четыре разные эпохи, уместившиеся в одну жизнь, которая разделена между двух полюсов: службой и литературой...

СЛУЖБА И СЛУЖЕНИЕ

Служить Иван Лажечников отправился с 12 лет – сначала в московский архив Коллегии иностранных дел, затем в канцелярию московского генерал-губернатора. Продолжал учиться, брал уроки у профессора Петра Победоносцева (отца будущего обер-прокурора Святейшего синода Константина Победоносцева. – Прим. ред.), слушал лекции еще одного профессора Московского университета, поэта Алексея Мерзлякова. Кстати, тоже выходца из купеческой семьи.

Молодой Лажечников исправно протирал штаны в канцелярии и подавал надежды и на служебном, и на литературном поприще.

Он уже публикуется в «Русском вестнике», «Аглае», «Вестнике Европы». И, как знать, может быть, и продолжал бы он печатать вирши и «рассуждения» в толстых журналах, если бы не 1812 год.

Когда армия Наполеона подошла к Москве, 20-летний Лажечников сбежал из родного коломенского дома в столицу и отправился записываться в народное ополчение. Отец бросился вслед за ним, разыскал его в Троицком, простили, благословил и сам отвез к своему приятелю – московскому гражданскому губернатору Николаю Васильевичу Обрезкову. Тот сделал молодому человеку внушение и направил его к начальнику московского ополчения. Но в ополчении юноша пробыл всего лишь три дня, затем его определили адъютантом начальника 2-й гренадерской дивизии принца Карла Мекленбургского. Скучная штабная жизнь тяготила пылкого Лажечникова, он рвался на поля сражений и вскоре подал прошение о переводе в действующую армию. Теперь бывший канцелярист бьет противника под Малоярославцем, месит сугробы в Литве, переправляется через холодные воды Рейна, в 1814 году участвует в сражении под Бриенном, за которое получает орден Святой Анны 4-й степени, а затем – взятие Парижа и окончание войны...

В 1819 году с военной карьерой покончено. Иван Иванович направляется к новому месту гражданской службы: он назна-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

чен директором училищ Пензенской губернии, затем – визитатором училищ в Саратове (надзирающий за деятельностью средних и низших учебных заведений. – Прим. авт.), после его перевели в Казань директором местной гимназии. Попечителем Казанского учебного округа тогда был одиозный реакционер Михаил Магницкий, «казанское пленение», как сам Лажечников называл службу под его началом, продолжалось шесть лет.

В итоге давняя страсть к литературе перевесила, Иван Иванович вышел в отставку и решил полностью отдаваться сочинению исторических романов. Лажечников обратился к эпохе петровского царствования – к временным Северной войны. Кампания 1701–1703 годов, которую автор назвал «колонылью нашей военной славы», до того не была предметом изображения в исторической романистике. Во вступлении к роману, обращаясь к читателям, он подчеркнул: «Чувство, господствующее в моем романе, есть любовь к отчизне».

«Последний Новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого» печатался частями – первая и вторая увидели свет в 1831 году, третья и четвертая – в 1832–1833 годах. Когда роман вышел целиком, он имел шумный успех: его хвалили и критики, и читающая публика. Белинский подвел черту в своих «Литературных мечтаниях»: он высоко оценил «Последнего Новика» как произведение, «ознаменованное печатью высокого таланта» и отвел Лажечникову место «первого русского романиста».

«Первый романист» через министра народного просвещения преподнес роман императорской чете. Царские особы роман прочитали, восхитились и пожаловали автору бриллиантовый перстень. Это была награда за служение. За службу директор пензенской гимназии и народных училищ через год был награжден тысячью рублей ассигнациями. Что по тем временам было весьма значительной суммой.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Тверь.
Скорбященская
улица.
Слева здание
гостиницы
П.Д. Гальяни,
где некоторое
время жил
И.И. Лажечников.
Фотография
начала XX века

Титульный
лист второго
издания романа
«Последний
Новик».
Москва. 1833 год

порядка в подведомственных ему учреждениях. В 1837 году он снова вышел в отставку и поселился в деревне под Старицей, на живописном берегу Волги. Вдохновленный славой «Ледяного дома», Иван Иванович приступает к сочинению «Басурмана»: из века XVIII погружается в век XV – из безвременья Анны Иоанновны во времена Ивана III, властителя умного, жесткого, не брезгувшего ничем во имя высшей цели – собирания удельных княжеств в могучее российское государство. Кстати, в прологе Лажечников сформулировал свое понимание обязанностей исторического романиста: «Он должен следовать более поэзии истории, нежели хронологии ее. Его дело не быть рабом чисел: он должен быть только верен характеру эпохи и двигателю ее, которых взялся изобразить. Не его дело... пересчитывать... все звенья в цепи этой эпохи и жизни этого двигателя: на то есть историки и биографы. Миссия исторического романиста – выбрать из них самые блестящие, самые занимательные события, которые вяжутся с главным лицом его рассказа, и скопить их в один поэтический момент своего романа. Нужно ли говорить, что этот момент должен быть проникнут идеей?..»

«ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ВАЛЬТЕР СКОТТ»

Такой подход некоторые советские исследователи называли «субъективно-романтическим». Что отчасти соответствует истине. В романе «Ледяной дом», в котором кабинет-министр Волынский противостоит герцогу Курляндии Бирону, Лажечников идеализировал Волынского, представив его как бескорыстного патриота-государственника. В этом была только часть исторической правды: искущенный в политике и дворцовых интригах кабинет-министр был честолюбцем и боролся не только против немецкого засилья, но и за то, чтобы стать первым лицом при императрице и управлять государством.

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

Вопрос о соответствии романа исторической правде вызвал замечание Пушкина, который в письме к Лажечникову 3 ноября 1835 года писал: «Может быть, в художественном отношении «Ледяной дом» и выше «Последнего Новика», но истина историческая в нем не соблюдена...» – однако, продолжал он, – «поэзия всегда останется поэзией, и многие страницы вшего романа будут жить, доколе не забудется русский язык». Не будем упрекать поэта в противоречиях: Сальери, как известно, отравителем Моцарта не был, но в силу пушкинского гения, читатель воспринимает его таким, каким он был написан в «Маленьких трагедиях».

Пушкин вряд ли знал, что Лажечников, прежде чем писать свои романы, подолгу изучал эпоху, быт, нравы и характеры людей, особенно реальных исторических лиц того времени, которое изображал. Штудировал исторические труды, читал документы и источники на разных языках, доступные ему в ту пору. Когда сочинял «Последнего Новика», ездил в Лифляндию, чтобы ознакомиться с ее бытом и нравами. Прежде чем приступить к «Ледяному дому», изучил некоторые документальные свидетельства о «деле Волынского». Взявшиесь за «Басурмана», обратился к летописям, к «Истории государства Российского» Карамзина и даже к народным преданиям. Но, отталкиваясь от документа, в своих романах он сочинял историю – такой, какой он ее себе представлял. И в некоторых случаях, в угоду этим представлениям, отступал от исторической правды, однако всегда стремился быть верным правде художественной.

Литература и история – все-таки вещи разные. Историк изучает материал и последовательно излагает факты, события, но при всей своей добросовестности и объективности редко остается беспристрастным. Тем более не может быть беспристрастным писатель, сочиняющий исторические произведения. Безуслов-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Свержение Бирона.
Иллюстрация к роману «Ледяной дом».
Художник П. Поляков.
1894 год

но, он более свободен в предмете изображения и изложения – здесь все зависит от меры вкуса и таланта и, конечно же, исторических познаний. Он сочиняет, к примеру, роман, и помимо картины событий в его произведении действуют как вымышленные герои, так и реальные персонажи, жившие в описываемые времена. Он наделяет своих героев психологией, мотивирует те или иные поступки.

Интерес к истории всегда присутствовал в русском обществе. Еще более он усилился после появления «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина. Когда в 1818 году первые 8 томов вышли в свет, Пушкин отметил: «Появление сей книги... наделало много шума и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц... – пример единственный в нашей земле. Все, даже

светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Коломбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили». В истории искали ответы на вопросы современности. Вглядываясь в прошлое, хотели понять настоящее и предугадывать будущее...

Отечественная война 1812 года также вызвала острый интерес общества к российской истории. На этот запрос ответила литература. В середине 20-х годов XIX века к истории обратился Пушкин, в начале 30-х появились исторические сочинения Загоскина, Вельтмана, Булгарина. Романы Лажечникова заметно выделялись на этом фоне. Только он один из этой плеяды писателей пользовался у современников славой «отечественного Вальтера Скотта», что по тем временам было довольно высокой оценкой. Писатель Дмитрий Григорович вспоминал, что Александр Дюма, посетивший Россию в 1858 году, перевел на французский язык некоторые стихотворения Пушкина, Вяземского, Некрасова и «Ледяной дом» Лажечникова. А это было уже и европейским признанием.

ЦЕНЗОР И ЦЕНЗУРА

В 1856 году Лажечников вновь поступил на государственную службу. После того как ему отказали в месте управляющего московскими казенными театрами, он был принужден тяжелыми материальными обстоятельствами принять должность цензора Санкт-Петербургского цензурного комитета. Зазорного в этом по тем временам ничего не было, в цензуре служили Тютчев, Майков, Полонский. Но если эти трое исправляли обязанности в цензуре иностранной, где редко возникали острые вопросы и где не приходилось ощущать душевный разлад при исполнении своих чиновничьих, зависев-

Шмунтитул книги «Походные записки русского офицера», изданной в Москве в типографии Н. Степанова в 1836 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ших от посторонних указаний и настроений обязанностей и собственным писательским мироустройством, то в цензуре внутренней дело обстояло иначе.

Из воспоминаний Панаева известно, что Лажечников терзался своей должностью. Ему тяжело давались помарки, исправления и вычеркивания у своих собратьев по перу, и он старался это делать максимально аккуратно, чтобы не ущемить авторского самолюбия.

С восшествием на престол Александра II в общественной жизни повеяло свежими ветрами, гнет и давление на печать ослабли. Однако цензурные ножницы и красный карандаш никто не отменял, и вскоре Министерство народного просвещения, в чьем ведении находилась цензура, потребовало от своих работников более строгого выполнения обязанностей. С каждым днем Лажечникову становилось все хуже, «в этой должности, в беспрестанной борьбе между своей обязанностью и своими убеждениями, – писал И. Панаев, – он был истинным страдальцем». В 1858 году страдания его кончились, он выслужил полную пенсию и вышел в отставку в чине статского советника.

Кстати, бывший цензор и сам не раз испытывал действие цензуры на себе. «Последний Новик», который без всяких цензурных исправлений несколькими изданиями выходил в 30-е годы, в 50-е подвергся гонениям и вместе с «Ледяным домом» был запрещен. Дважды обращался в цензуру за разрешением переиздать эти романы книгоподавец и издатель А.Ф. Смирдин, и дважды, в 1850 и в 1853 годах, из Московского и Санкт-Петербургского комитетов следовало распоряжение: «Не дозволять этих романов к напечатанию новым изданием». И только при новом царе ситуация изменилась. Хотя для того, чтобы романы были переизданы, понадобились благожелательные отзывы писателя Гончарова и князя Вяземского,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Портрет
И.И. Лажечникова
работы художника
А. Тыранова.
1834 год

служивших по цензурному ведомству.

Долгие годы Лажечников ничего не писал, ему казалось, что он выпал из времени, былая слава померкла, известность осталась в прошлом, на дворе стояла другая эпоха, общество волновали новые идеи.

НИЧЕГО, КРОМЕ ЧЕСТНОГО ИМЕНИ

Но о Лажечникове не забыли. 3 мая 1869 года в Московской городской думе праздновали 50-летний юбилей его лите-

Обложка
трагедии
«Опричник»,
изданной
в Москве
в Университет-
ской типографии
в 1867 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ратурной деятельности. Хотя деятельности этой было более шестидесяти лет: первое литературное сочинение 15-летнего Лажечникова, «Мои мысли» (подражание Лабрюйеру), появилось в журнале «Вестник Европы» в 1807 году. Пятьдесят же лет минуло со дня вступления писателя в члены Общества любителей российской словесности. Но получилось так, как получилось. И попечитель Московского учебного округа князь Ширинский-Шихматов прочитал реескрипт великого князя цесаревича Александра Александровича, в котором были и такие слова: «Ваши произведения по духу, которым они проникнуты, всегда согласовались со свойственными каждому русскому человеку чувствами преданности Государю и Отечеству и ревности о благе, о правде и чести народной». Затем было много торжественных и пафосных речей, после чего огласили письмо Писемского («Вы ни разу не прозвучали... притворным и фабрикованным патриотизмом...»), послание редакции журнала «Всемирный труд», в котором говорилось, что юбиляр «долго и честно служил родному слову и русской мысли и на этом поприще приобрел себе искреннее сочувствие русской публики и русской литературы». Приехавшие на юбилей представители Коломны говорили, что гордятся тем, что из их города «вышел замечательный представитель литературы русской и достойный слуга Царя нашего на всех государственных должностях, ему поручаемых», а историк Погодин сказал, что «признательность соотечественников должна служить юбиляру «утешением в перенесенных скорбях», неразлучно связанных «с человеческой жизнью»... Иван Иванович Лажечников умер 26 июня 1869 года. Когда вскрыли завещание, то прочитали: «Состояния жене и детям моим не оставляю никакого, кроме честного имени, какое завещаю и им самим блюсти и сохранять в своей чистоте».

СКАЗКИ ГОРОДА ПЕННАБИЛЛИ

АВТОР

ДМИТРИЙ ИВАНОВ [ФОТО АВТОРА]

РУБИКОН ДАВНО ОСТАЛСЯ ПОЗАДИ, НАША МАШИНА РАЗМАТЫВАЕТ СЕРПАНТИН ДОРОГИ В ГОРАХ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПРОВИНЦИИ ЭМИЛИЯ-РОМАНЬЯ. ШОССЕ ИДЕТ СКВОЗЬ ЛЕС, ПО ОБОЧИНАМ МЕЛЬКАЮТ КРАСНЫЕ ВСПОЛОХИ МАКОВ. НА ОЧЕРЁДНОМ ПОВОРОТЕ – ДОЛГОЖДАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ PENNABILLI. МЫ ПРИЕХАЛИ В ГОРОД, В КОТОРОМ ЖИЛ ПОЭТ, ПИСАТЕЛЬ И СЦЕНАРИСТ ТОНИНО ГУЭРРА И ГДЕ ДОВОДИЛОСЬ БЫВАТЬ МНОГИМ НАШИМ ЗНАМЕНИТЫМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ.

НА РЫНОЧНОЙ ПЛОЩАДИ, у старинного собора, несколько человек выкладывают узоры из лепестков цветов – сегодня День первого причастия, и главные участники этого праздника, дети, войдут в церковь по цветочному ковру. Здесь же, на площади, нас встречает Лора Гуэрра – спутница великого Маэстро, его возлюбленная, друг, помощник и ангел-хранитель. Они познакомились на Московском кинофестивале в 1975 году. Он не знал русского, она не понимала по-итальянски. Но их союзу не помешал ни языковой барьер, ни железный занавес, ни препоны, чинимые советской бюрократией. Свидетелями на их свадьбе были Андрей Тарковский и Микеланджело Антонioni. Тонино увез Лору в Италию, успев обрести в России не

один десяток друзей. «По жене я – русский», – любил говорить Гуэрра. Теперь, когда его не стало, Лора стремится отдать миру малейшую частичку памяти об этом удивительном человеке. Вслед за Лорой мы идем по Пеннабилли, пространство которого пропитано мыслями и образами Тонино Гуэрры. Поэт и художник, неистощимый выдумщик и фантазер, он создал в этом городке собственный мир, где перепутались прошлое и настоящее, где реальные люди живут рядом с персонажами Гуэрры, нередко меняясь местами. «Когда мне исполнилось 50 лет, Тонино предложил выбрать подарок – мансарду в Париже или дом в итальянской деревне, – рассказывала Лора. – Я предпочла Пеннабилли… До сих пор не знаю, правильно ли я поступила», – смеялась, добавила она.

Окраина
Пеннабилли,
который окружен
романьольскими
скалами

МИР ГУЭРРЫ

Мы шли по улицам этого маленького городка и на каждом шагу видели приметы, связанные с Тонино Гуэррай, – его скульптуры, картины и солнечные часы на фасадах домов, его высказывания, афоризмы и стихи, высеченные на камнях. Около рыночной площади промстился маленький магазинчик подарков – он когда-то открыл с легкой руки Гуэрры. Рядом с входом в магазин – трехстишие Маэстро: «Воздух – это то, что окружает твою голову, и оно становится светлее, когда ты смеешься». Эти строки использовал Андрей Тарковский в фильме «Ностальгия», сценаристом которого был Гуэрра. А еще на домах Пеннабилли нередко встречаются керамические таблички, на которых можно прочесть истории горожан, простых местных жителей. Таблички эти – тоже дело рук Тонино Гуэрры. Он хотел, чтобы не исчезла память о тех, кто когда-то здесь жил.

Прогуливаясь по Пеннабилли, мы слушали рассказы Лоры – смешные и грустные, забавные и поучительные. Их героями были Федерико Феллини, Андрей Тарковский, Юрий Любимов, Микеланджело Антонioni, Белла Ахмадулина, Габриэль Гарсиа

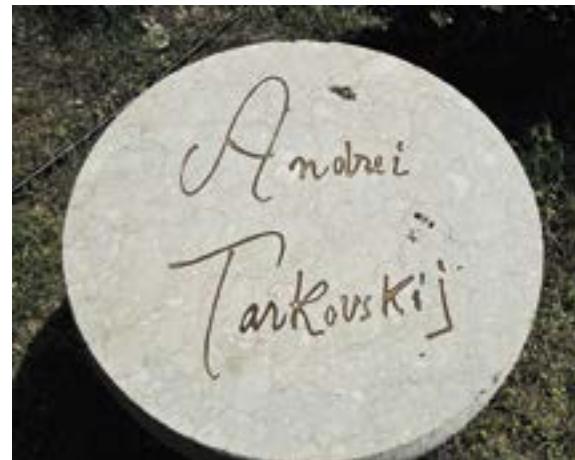
Маркес, Георгий Данелия, Франческо Рози, Паола Волкова, Юрий Рост, Тео Ангелопулос. Все они – друзья Тонино Гуэрры, многие из них не раз приезжали в Пеннаабилли. Таким гостям могла бы позавидовать любая столица мира. Радушный Пеннаабилли выделил для друзей Гуэрры гостевой дом.

За разговорами мы незаметно подошли к Саду забытых фруктов. Его придумал и создал на месте городской свалки, конечно, Тонино Гуэрра. Здесь высажены деревья, кустарники и травы, плоды которых когда-то можно было увидеть на любой итальянской кухне, упоминания о некоторых из них встречаются еще в трактатах времен Екатерины Медичи. Но сегодня мало кто знает даже названия этих растений. Для Сада в Пеннаабилли их искали по всей Италии, и теперь каждый может узнать преданные забвению вкус и аромат. Все в Саду забытых фруктов устроено по замыслу Гуэрры. Есть здесь Приют покинутых мадонн, где собраны изображения Девы Марии из разрушенных храмов, Триумфальная арка для тех, кому не достались слава и признание, а еще – Солнечные часы, в центр гигантского циферблата которых надо встать, чтобы узнать время. На небольшой поляне на ветках деревьев сидят две бронзовые птички. В три часа дня они отбрасывают тени на маленький овал каррарского мрамора, лежащий на земле. В этих тенях легко узнаются обращенные друг к другу профили Федерико Феллини и Джульетты Мазины – друзей Тонино Гуэрры. В одном из уголков Сада стоит часовня, построенная из обломков разрушенных церквей. Ее кованая дверь, затянутая металлическими следами улиток, никогда не открывается. Эту часовню Гуэрра построил в память об Андрее Тарковском. Рядом с часовней – табличка. Надпись на ней гласит: «Посвящается великому режиссеру Андрею Тарковскому, который в своей короткой жизни дышал воздухом этой долины».

Центральная площадь Пеннаабилли и кафедральный собор, в котором отпевали Тонино Гуэрру

Каменный цветок, установленный Тонино Гуэррой в память о своем друге Андрее Тарковском

«С Андреем я дружила еще до знакомства с Тонино, – рассказывала Лора. – Мы жили рядом. А потом они с Тонино подружились совершенно замечательно. Это была необыкновенная радость узнавания друг друга, совпадения мыслей, чувств, при страстий. Их диалоги состояли из

постоянных вопросов: а ты любишь, а ты читал, а ты видел? Ну и ссорились они, конечно, когда вместе работали и путешествовали. Причем высказывали свои претензии не друг другу, а мне, выплескивая на меня все свое раздражение. Во времена поездки по Италии мы сняли замечательный фильм «Время путешествия». Между Тонино и Андреем я себя чувствовала подушкой, которую колотят с двух сторон. Похудела я тогда жутко, но все равно это была прекрасная пора». Пеннаабилли стоит в горах, и потому его улицы то карабкаются к небу, то стремительно сбегают вниз. Мимо его домов и храмов неслышно струится время. И только керамические таблички, сделанные Тонино Гуэррой, напоминают: «Здесь жил исповедник двух пап» или, например, «Синьорина Лукреция не

Лора Гуэрра
в Саду забытых
фруктов

Миндальный сад,
окружающий дом
Тонино Гуэрры

Табличка
на улице Тонино
Гуэрры

дождалась свадьбы и всю жизнь провела в молитвах перед образом чудотворной Мадонны, которая спасла Пеннабилли от нашествия Медичи».

Возле одного из старинных каменных домов Лора остановилась и, улыбаясь, сказала: «А это родной дом Паолы Волковой. Она часто приезжала к нам в Пеннабилли, я переводила сочинения Тонино, а Паола составляла книги. Паола влюбилась в эти места и придумала целую историю, будто она жила здесь в XIII веке в этом доме. Она говорила мне: «Я вспомнила, узнала. Я была толстой девочкой, с толстыми ногами и топала по только что вымытому полу, а мой отец торговал книгами». Фантазерка она была необыкновенная. Мы часто здесь с ней гуляли, и я, будучи человеком нудным, ей говорила: «Не забудь зонт, возьми плащ, надень

шляпу». Ее это злило, тогда она прозвала меня «муттер», и все вставали на свои места – мы вместе посмеивались над моей излишней заботливостью. Паола была человеком необыкновенным, ее светящийся, искрящийся, полный энергии ум восхищал всех. Она воспитала целое поколение наших кинематографистов – Тарковского, Сокурова, Абдышитова, Соловьева. Теперь Паолы нет, недавно я ездила в Венецию, чтобы там развеять ее прах».

РУССКИЙ ИТАЛЬЯНЕЦ

Мы шли дальше по улицам Пеннабилли – еще к одной достопримечательности, придуманной Тонино Гуэррой. Здесь ее называют «Ангел с усами». Както раз Гуэрра сочинил поэму про нездачливого усатого ангела, который толком ничего не умел делать. Когда он спускался на землю, чтобы покорить птиц, то насыпал зерно чучелам, хранящимся в сарае. Все святые и ангелы смеялись над ним, но однажды чучела превратились в птиц и поднялись в небо. Теперь в Пеннабилли в небольшой часовне есть музей, в котором хранится картина, написанная по мотивам поэмы Гуэрры, есть там и чучела птиц. Лора вспоминала, как Тонино говорил ей, что если у людей, которые приходят в это место, хватит воображения, то чучела птиц обязательно взлетят.

Окрестности Пеннабилли – родные места Тонино Гуэрры. Он родился неподалеку, в городишке Сантарканджело. Порой его родители отправлялись на ярмарку в Пеннабилли, и маленький Тонино шел вместе с ними вслед за телегой. Дорога пролегала через горы, и Тонино вооб-

ражал, что путешествует по Гималаям. «Мы уже побывали в раю. И часто, во всяком случае я, возвращаюсь в него, когда вхожу в лабиринт моей памяти, где живет мое детство», – говорил Гуэрра.

Во времена фашистской диктатуры он угодил в концлагерь. Именно там он начал писать. Вернее, стал рассказывать своим товарищам разные истории и придумывать стихи, чтобы как-то скрасить несчастное положение. Рассказы эти были столь занимательны, что один из узников решил записать их. «Самый счастливый день в моей жизни, – сказал Гуэрра, – тот, когда я, освободившись из немецкого концлагеря, впервые смог посмотреть на бабочку без желания ее съесть». Бабочка для него навсегда стала символом свободы и надежды. Десятки бабочек мы увидели, придя в Музей Тонино Гуэрры. Они были повсюду – на его картинах, мозаиках, кувшинах, сделанных Маэстро, набивных тканях, выполненных по его рисункам, в написанных им книгах. Наверное, нет такого вида искусства, к которому не прикоснулась бы рука Тонино Гуэрры. В этом убеждаешься, побывав в музее, где хранятся его работы – от фресок до мебели, которую он любил делать сам. А еще поражаешься тому, какое количество друзей было у Маэстро в России – на стенах развесаны картины Сергея Бархина, рисунки Рустама Хамдамова, фотографии Юрия Роста. Все это подарки.

Лора рассказывала нам, что на 80-летие Тонино было настоящее столпотворение гостей из России. Поздравить его хотели художники и поэты, режиссеры и музыканты, журналисты и спортсмены, артисты и врачи, виноделы и скульпторы. Юбиляй решили отметить в театре Пеннабилли, многочисленные гости готовились выступить на его сцене. От Большого театра приехали артисты балета, которые собирались подарить юбиляру свой танец. И вот, когда до начала торжества остава-

Дом и сад
Тонино Гуэрры
в Пеннабилли

Кошачье царство
у дома Тонино
Гуэрры

лась пара часов, к Лоре прибежали испуганные балерины и сказали, что они не могут танцевать – очень скользкий пол. «Оказывается, наши итальянцы так хотели, чтобы их маленький театр произвел на всех впечатление, что они натерли сцену воском, – вспоминала Лора. – Времени уже не было совсем. Я, одетая в вечернее платье, кинулась в магазин за

кока-колой. Мы лили эту сладкую жидкость на сцену и расстирали швабрами, чтобы сделать пол липким. Зато все потом смогли выступить».

Пеннабилли – родина князей Малатеста, правителей Римини. Развалины их крепости примыкают к саду, который окружает дом Тонино Гуэрры. Посреди этих развалин Гуэрра устроил Храм мысли. Он поставил тут семь простых скульптур на перекрещивающихся линиях души, ума и тела. «Семь загадочных камней, семь непрозрачных зеркал, семь исповедален в ожидании твоих мыслей о самом себе, хороших или дурных», – написано на табличке на стене рядом. Тут же – лавочка, на которой можно посидеть и подумать, глядя на древние камни. Сразу за полуразвалившимися крепостными стенами,

на склоне холма, примостился небольшой домик с садом – владения Тонино и Лоры. Когда-то здесь все было заброшено, Гуэрра купил этот дом и восстановил его. «Мой дом стоит так высоко, что слышен кашель Бога», – говоривал он. Отсюда открывается потрясающий вид на соседнюю долину, где в одном из распадков, по словам Лоры, сохранилось самое нетронутое место в Италии. Там, у семи озер и семи водопадов, любил бывать

Гуэрра. Весной здесь цветет миндалевый цвет. Посреди сада стоят каменные цветы с именами ушедших друзей – Антониони, Ангелопулос, Параджанов, Феллинни, Маззина, Тарковский. Сад – вотчина кошек всех мастей и возрастов. Они греются на камнях, лежат на столиках и скамейках, бродят по саду. Лора поругивается и безуспешно пытается спасти от их нашествия дом. Но стоит лишь приоткрыть дверь, как внутрь прорывается очеред-

Лора демонстрирует один из экспонатов Музея Тонино Гуэрры

В Музее Тонино Гуэрры повсюду его любимые бабочки

ной кошачий отряд. Не так давно Лора завела пару кошек, не представляя, чем это может обернуться, – раньше у нее была собака. Этую собаку им подарили Антониони, и звали ее Бабá. «Когда к нам приезжала Белла, – рассказывала Лора о визитах Ахмадулиной в Пеннабилли, – она очень удивлялась и, широко раскрыв глаза, говорила: «Как странно, собака и вдруг – бабá». Белла и Тонино познакомились в Москве еще в советские времена. Тогда у кого-нибудь на квартире собирались Окуджава, Вознесенский, Любимов, Ахмадулина, Евтушенко, Высоцкий. Несколько раз и Гуэрра бывал на таких встречах, которые он называл «тайными вечерями». Так началась дружба Беллы и Тонино. А потом она переводила его стихи о Москве и Петербурге, о Царском Селе и Пушкине, сделав поэзию Гуэрры достоянием русской культуры. «Белла – это удивительный, тончайший музыкальный инструмент», – говорил он об Ахмадулиной.

В доме Гуэрры много окон, и потому он наполнен светом и солнцем. Из окон видна долина и горы, на которые он любил смотреть, сидя в плетеном кресле. Незадолго до смерти Гуэрра сказал: «Я здесь буду», показав на скалу, нависающую над садом. Его воля была исполнена – прах Тонино Гуэрры покоятся в сером камне романьюльской скалы.

О своем любимом Тонино Лора говорила с грустью и улыбкой: «Не думайте, что все у нас всегда было гладко. Поначалу мы частенько ссорились, я убегала к себе в комнату, чтобы поплакать. Но Тонино врывался и кричал: *Basta Dostoevsky!* – запрещая мне заниматься традиционным русским самокопанием и переживать все в себе. Я сейчас проживаю то, что мы все знаем, – любовь не умирает. После смерти Тонино я часто плакала, мне было невыносимо грустно. Но однажды я сказала ему: «Мой дорогой господин, я опять в тебя влюблена, и еще больше, чем прежде».

ОБРАЗ МАСТЕРА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

БЫЛО, ЗНАЕТЕ, ПРОСТИТЕЛЬНОЕ ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЕ ЖЕЛАНИЕ – ПРИЛЬНУТЬ К ИСТОКАМ. С НЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ.

СИДЕЛИ МЫ НА ЕГЛО-ве-острове, в огромной, без электричества, онежской избе. Лампы керосиновые, печка потрескивает, озеро под окнами плещет. Были Мариуш Вильк, Андрей Балдин и Юрий Наумов. Как-то сам собою зашел разговор о поморском судостроении. Нашлись и знатоки. Выяснилось, что в Карелии до сих пор есть места, где лодки «шьют» по-старинному и других не признают. Захотелось посмотреть. «Правда хотите? Ну, это мы сейчас организуем». Мобильник – великая вещь. «Тайто Тойвович, ты когда лодку будешь начинать? В ноябре? Тут ребята интересуются, я им твой телефон дам».

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ

Мобильник уничтожает расстояния. Но когда в ноябре стали собираться мы в командировку, выяснилось, что добираться до Юшкозера – двое суток. Сначала до Петрозаводска, потом на местном поезде 12 часов, а потом еще два часа в прицепном вагоне. Под самый полярный круг получается. В дремучие места финского эпоса «Калевала». Медленно поезд идет: весь день то тянутся-тянутся за окнами красные верховые болота, заросшие редкими соснами, то вдруг обступит беспросветная тайга, то выглядят каменистая грива в накипи разноцветных лишайников. От Юшкозера до ближайшего асфальта – почти 200 километров. Это уж не

глубинка, а глубина. Но есть в этом свои плюсы: в деревне все по-деревенски. Магазины, школа своя, детский сад свой, почта, администрация. С тех пор как закрыли леспромхоз, рабочих мест, считай, нету, и деревня считается вымирающей. Но впечатления такого не производит. Дома еще крепкие. Мосты через Чирка-Кемь-реку ладные. Бани, лодки по берегам. У старых деревень, если их не трогать, инерция жизни потрясающая: на выки крестьянской жизни и природа, если она не убита, не дают деревне умереть. Лес, грибы, ягоды, огород, рыбалка, теперь вот туристы еще – из Финляндии. Можно жить, если руки из нужного места растут.

Из чего рождается лодка? Из самой жизни. Тайто Тойвович Малинен – мастер, к которому мы приехали, – оказался покарельски сдержаным, сильным, сухим, 77-летним уже (тянет написать «стариком» – но в Тайто не было ничего старческого) мужчиной. В первый день он отпирать мастерскую не стал. Всему свое время. С дороги – обед, крепкая баня и разговоры за знакомство. И тут я поймал такой сюжет: о чем бы ни вспоминал Тайто – о далекой дедовской старине или о своей молодости, которую проработал на лесосплаве, – обязательно обнаруживались в его рассказе река, озеро, лодка. Непредставима здесь жизнь без лодки. Деревня выстроена лицом к реке. Река – это дорога. Лодка – глав-

ное средство передвижения. Бабушка Тайто, Анастасия Алексеевна, перед замужеством в 1892 году по Чирка-Кеми сплавлялась к Белому морю, паломничала на Соловки: рекой тут 220 километров и 17 порогов. По грибы, по ягоды – нужна лодка. Перед зимой сига, щуки наловить – тем более. Чтобы лодку построить – носовой брус (ко-кору) в лесу найти и вырубить, шпангоуты заготовить из молодых сосен – тоже лодка нужна. Чтобы полюбоваться природой, которую так тонко чувствует, которой живет душа сельского человека, – опять-таки – лодка. Ни одна семейная история без лодки не состоялась бы. По материн-

ской линии предком мастера Тайто был Михаил Тарасов. Русский. Откуда он пришел – никто не знает. До революции к карелам немало русских приходило: кто с каторги бежал, кто с поселения. Их называли «казакойщи» – сложное превращение слова «казаки», которое в конечном счете означает «работники». Нанимали их на работу: корчевать, жечь лес под посевы ячменя и ржи. Весной, как правило, пристав из Кеми отправлял на Чирка-Кемь своих урядников: проверить карельские зимовья. Не скрываются ли там беглые. Урядники на веслах поднимались до Юшкозера и шли к старосте с бумагой: есть, мол, та-

кое предписание. Тот давал им в провожатые девушки (мужики на работе) и те плыли с ними вместе. Подплывают к зимовью – девушки песню заводят. Такой условный знак был: если с песней идут – значит, чужие в лодке. Так никогда и не находили никого. Михаил Тарасов – он сильный на работу был, много полей разработал. Потом бабушку в жены взял, в деревню переселился. Многие карельские семьи с беглецами породнились: так появились в Юшкозере Лласовы, Никитины, Денисовы. Михаил Тарасов переехал один, на острове. Остров так и звали – «Микошуари» – «остров Михаила».

ЗНАКОМСТВО С ЛОДКОЙ

Утром темно. За ночь снег выпал. Стол простой: все, кроме круп, кофе (до которого большой охотник и сам Тайто, и его «бабушка», Зоя Николаевна), чая-сахара и хлеба – свое. Картошка, морковь, капуста, лук, чеснок, земляника. Разумеется, все варенья свои, все сушеные-соленые грибы, рыба. То, что называется «здоровая еда». Мы пытаемся развить эту тему, как вдруг Тайто произносит: «Свет зажегся. Миша пришел. Пойду, а то неудобно».

Мастерская, где стоит начатая лодка, – на дворе. Просторный бревенчатый сруб с невысоким – но зато во всю стену – ок-

ном. Внутри – рождественский запах еловой стружки, свежего дерева; дух растопленной печи, разогретой смолы, запаренных в кипятке тряпок, которые накладывают на доски перед тем, как их гнуть. То, что будет лодкой, пока что представляло собой едва-едва начавший расправляться узенький, в две доски по каждому борту, лепесток. Мы с фотографом Андреем Семашко некоторое время молча наблюдали за работой, накапливая свои «зачем?» и «почему?». Когда мы их задали, то выяснилось, что самое главное – «то, без чего лодки не бывает» – сделано было еще до нашего приезда. Во-первых, выбран был форштевень (кокора) и соединен с килем бруском. А во-вторых, нашла свое место первая доска. Нос лодки вырубается целиком из ствола елки и ее главного корня. Готовая форма берется то есть. Поэтому от кокоры зависит, какая будет лодка – тупоносая или летящая по волнам. Если нос с килем бруском соединить неправильно – лодка выйдет кривоносая и кривобокая. Ну а первая доска – фундамент. Как она ляжет – так дальше крой и пойдет. Лодка от доски к доске растет. И если первая, скажем, чуть задралась – лодка узкогрудая выйдет, неустойчивая. А если плоско ее развернуть – то и лодка развалится, как расшива какая-нибудь, ее на волнах будет бросать. Хорошей лодке волна должна в третью доску бить. Тогда она и остойчива, и на ходу хоро-

ша. Характерно, что делается вся эта «главная» работа не то чтобы на глазок, а по чутью мастера. Имеются, конечно, разные приспособы: «ленивый» шпангоут, клинышки, уровень... Но все это играет вспомогательную роль. Инструмент против всей совокупности человеческого опыта – в этом мы со временем убедились – немногого стоит. Мастер всю лодку, до последнего гвоздя, держит в голове. И по этому мысленному «чертежу» ее формует. И не бывает, чтобы что-то уклонилось от этого «чертежа», ушло в сторону, «сделалось» не так, как задумал мастер. Тайто сказал: лодка такая должна быть, чтобы по борту человек прошел – и не опрокинулся. Маленькая или большая – лодка должна быть лодкой. Вот Тайто и сделал, как хотел.

Шьется лодка набело, без переделок. Ни разу не видел, чтобы хоть один гвоздь вошел неправильно, замялся и его пришлось выдирать и заколачивать новый. Каждое движение рассчитано... хочется сказать «до микрона». Но микронов здесь ни при чем. Тем удивительнее на это смотреть. Зашел Тайто в мастерскую, поздоровался с Михаилом, и без вопросов они приступили. Миша гвозди отжег, отковал молоточком. Тайто доску свежую принес, огладил, прошел рубаночком. Вдвоем они по борту ее примерили, черканули карандашом. Тайто болгаркой, как по лекалу, опилил профиль. Шьется доска к доске внахлест (вна-

хлест). В месте стыка доски промазываются горячей смолой, на смолу накладывается полоска обычного, порезанного на лоскуты байкового одеяла. Потом доска опять выставляется на борт, прижимается к предыдущей тремя гигантскими деревянными прищепками – они по-русски называются «жим», по-карельски «шалвати» – я таких нигде не видывал. Потом ее пропаривают горячими тряпками и пригибают к носу. Здесь вбивается первый гвоздь. А дальше – равномерно – через каждые 11 сантиметров. Не 10 и не 15. Удобные круглые цифры здесь ничего не значат. По опыту мастера 11 – значит 11. А более всего поразительна стопроцентная целесообразность каждого движения и легкость,

ненатужность работы: и следа нет чрезмерного для человека и принудительного для материала усилия, как будто дерево и человек и в самом деле «взаимодействуют» в полном согласии – ты со мной по-хорошему, и я с тобой по-хорошему. Мастера материала слушается легко. И работа – она похожа подчас на танец, на слаженные парные ходы – *pas de deux* – мастера и подмастерья. Слов никаких не нужно. Каждый знает, что делать. Знает порядок движений. Трудно объяснить, почему это так завораживает.

Когда мы только ехали в Юшкозеро, я думал, сначала для всякой лодки выстраивается скелет: киль- позвоночник и ребра-шпангоуты. Но в Юшкозере тяжелые шпангоуты не нужны, их делают тонкими и крепят на завершающей стадии. Здешние лодки – пластичные, «живые». Лодка чуть должна «играть», чтоб пороги проходить, должна воде «отзываться», «чувствовать» воду. Поэтому и шьется сначала обшивка. И как ни красиво, как ни легко – со стороны глядючи – идет работа, на каждую доску уходит больше часа. Когда четвертый набой пришли, Тайто выдохнул: «Всё! Обедать».

ОТЦОВСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Отца своего Тайто не помнит. Он был финн, в конце 20-х или в начале 30-х из Питкяранты (тогда финской) пришел в Юшкозеро на лыжах. Отважный, сильный парень был Тойво Малинен. Как раз тогда в Карелии первые леспромхозы стали организовывать, тысячи лошадей пришли в хозяйство, а лечить их некому – специалистов нет. А Тойво Нилович как раз был ветеринаром. Так что он очень кстати пришелся. Тогда Запад неуклонно точила Великая депрессия, и очень много финнов перебралось в советскую Карелию – строить социализм. Ехали из США, из Канады. Внесли большой вклад в развитие республики. А в 37-м их всех подмел «большой террор». Отдельная история. Тайто и двух лет не было от роду, когда отца расстреляли. Но память об отце осталась: неумный, любопытный, сильный, ответственный, соревновательный, мужской характер. В 75 лет Тайто отвез свою лодку на Онего для участия в кижской регате деревянных судов. Вторым в экипаже был 70-летний финн, Лео Раутио. По возрасту у них самый почтенный экипаж был. И что же? Взяли в гребле первое место. Состязаний Тайто не боится. На стене в доме награды висят: «Победителю соцсоревнования», победителю лыжных гонок и даже «Лучшему сборщику дикорастущих ягод в Калевальском районе Республики Карелия». По профессии Тайто – сплавщик. Сплав захватывал его, пробуждал какую-то глубинную отвагу и «упение в бою». Что такое сплав, если в реку пускают 90 тысяч кубов леса? Это значит, что река – быстрая, нравная, как Чирка-Кемь, – вся бревнами покрыта. И сплавщик должен по этим бревнам, если надо, перебегать с берега на берег, как по паркету. Должен уметь на одном бревне речку переплыть, на лодке пройти порог, выско-чить вперед леса на озеро, обваловку сделать – чтобы бревна не растащило по озерным карманам – и опять вместе со сплавом низринуться в кипение порожистого речного ложа. И пока лес идет – у сплавщика никакого отдыха нет. Так – поспит в лодочке или на катере несколько часов... Тайто так и сказал: «Вообще, про это рассказать нельзя – это надо видеть».

Был Тайто на сплаве бригадиром. Потом выучился на трактор-

риста. Потом получил диплом судоводителя и моториста. Шоффера. Все новые пространства для жизни открывал. Шесть специальностей у него. Седьмая нигде не записана. Она, можно сказать, последняя пришла. Но на старость пригодилась. В леспромхозе еще начал он лодки шить. Работали бригадой. За зиму 30–40 лодок делали сплавным участкам по всей Кеми. Это хорошая школа была, для терпения важная – тогда электрического инструмента не было, все вручную делалось. Но и смешного много было. Первое – расценки смешные. Скажем, кокору вырубить – копеек 40 стоило, что ли. Если сильно постараться – то можно штуки три в день заготовить. Но так не заработкаешь. Зато шпангоут стоил рубль. А что такое шпангоут в природе? Это молодая сосенка. Штук 300 за день неленивому можно срубить. То же с веслами. Нормальное гребное весло – 2,20 длиной – ничего не стоило. Цена рассчитывалась в зависимости от длины

весла. Так и появились в бухгалтерской отчетности восьмиметровые весла по 3 рублю. Тайто с молодости недолюбливает нормы, расценки, планы... Ну кто, говорит, такие расценки составлял? Только дурак может в восьмиметровое весло поверить... Я слушаю, но волнует меня другое: вот Тайто – мастер... но когда-то проходил же и он студию ученичества. Запомнил ли он учителя своего? Легло ли ему в сердце слово – завет мастера?

– Ну, как же? – Тайто говорит. – Иван Петрович Тарасов. Фотография есть его. Тоже на сплаве работал, больше десяти лет делал лодки – от дедов перенял... А слово? Говорил: «Тайто! Не такую хорошую лодку ты делаешь, чтобы всем понравилась!» Скромности, выходит, учил Иван Петрович. Не дело мастера – «нравиться всем», как красна девица. Ему – дело разуметь. Я спросил Тайто, случалось ли ему все же красивую лодку построить? Помнит ли он самую удачную лодку свою?

Тайто подумал. Красивая лодка получается, когда из одного дерева делается. Один ствол – одна лодка. Материала достаточно. Древесина однородная, ее не коробит, лодка держит форму идеально. Такую он в Финляндии своему другу, путешественнику и исследователю пресноводных тюленей Юхо Таскинену построил. Вот это, говорит, удачная, любимая лодка была. И Юху она понравилась, он загорелся:

– Тайто, давай церковь построим.

– Какую?

– Лютеранскую.

– Место надо найти.

Нашли место: высокий сухой бугор среди корабельных соснов.

– Теперь, – сказал Тайто, – лошадь надо привести. Старики говорили: где лошадь ляжет, там и церковь ставить надо.

Юху подумал:

– Ну, лошадь-то не проблема. Но как мы заставим ее лечь?

Так и не построил Тайто церкви.

СЕКРЕТЫ МАСТЕРСТВА

В нос лодки идет комлевая часть доски (та, что ближе к корню): если наоборот прибить, вода будет оглаживать борт лодки как бы «против шерсти». Так расположены волокна дерева. Невелика премудрость, но без нее правильной лодки не сошьешь. И без обожженного гвоздя не сошьешь. Новый заводской гвоздь масленый, из дерева сам выскакивает, а обожженный – он с деревом «срастается», как сосновый корень, которым раньше лодки шили. Смола. Это – вещества мистическое, чистый природный субстрат. Если лодку не осмоловать, а использовать краски и антисептики – ничего хо-

рошего из нее не получится. Таких «секретов» у Тайто сотни: он все про дерево знает. Но не они делают мастерство таинством. Тогда что?

Меня потрясает, с одной стороны, уверенность мастера в работе с деревом, а с другой – доверие мастера к дереву: его убеждение в том, что дерево не подведет, оно правильно себя поведет, в умелых руках сделается таким, каким именно нужно. Даже не приблизительно таким, а в точности таким. Помню, лодка уже почти готова была: борта были доведены, стянуты шпангоутами, скамейками, швартовочным бруском укреплены, чтобы пластичная

форма лодки обрела необходимую жесткость. И нужно было в носовую часть вставить деревянный замок – это такой дополнительный крепеж, стягивающий борта. Деревяшечка такая в форме усеченной пирамиды. И никак она Тайто не давалась. Он ее и рубанком, и пилой – никак не становится она без зазоров. Прибить-то можно, и я бы на его месте так и поступил, не возился бы. Но Тайто и дела было мало: напевая какую-то песенку, он взял нож, тут стружку снял, там снял – и встал замок как влитой. Лодка собирается по идеальному «чертежу» в голове мастера, и как в этом идеальном «чертеже» нет никаких трещин и зазоров, так и в воплощенном замысле их быть не должно...

Мы привыкли слово hi-tech связывать только с постиндустриальными технологиями XX–XXI веков. Но здесь, конечно, налицо тоже был хай-тек – другой, доиндустриальной эры. Причем носителем всей этой высокой технологии был в полной мере сам человек (который сейчас из высокотехнологичного процесса вообще может быть исключен или приставлен к нему нажимать кнопки). Все изделия крестьянского быта – это настолько высокотехнологичные

вещи, что современным исследователям цивилизаций стоит большого труда эти технологии воспроизвести. Очень долго приходится овладевать ими – как, в полной мере, мастерством кузнеца и т.д. В этой системе человек не служитель технологии (современное производство). Человек-сам-и-есть-технология. Если он не передаст знание своему ученику – технология умрет. Она не живет без человека. Человек совершенствует и хранит ее: отсюда такое презрение мастера к схемам, «планам» и в каком-то смысле вообще ко всякого рода «синопсисам». Мастеру незачем расписывать, что и зачем он собирается делать. Он лодку собирается строить. Как строить? На этот вопрос один только возможен ответ: «хорошо». Чего как раз ни в какой «синопсис» не впишешь. Наше нынешнее бдительное внимание к предварительным планам, «заявкам» означает, что традиция работы развалена, никто не верит, что человек сам может сделать хорошо «по умолчанию»...

НИЧЕГО ЛИШНЕГО

Современный автомобиль процентов на 90 состоит из «новых технологических решений», не обязательно при этом нужных и статусных мелочей. Это – одна красота: броская, напористая, избыточная. Но су-

ществует и другая. У Симоны Вейль есть очень точная мысль, что традиция отсекает все лишнее по мере тысячекратного повторения и остается одна только чистая красота. Как в григорианском хорале. Так вот, в строительстве лодки хорошего мастера тоже отсечено все лишнее. И остается чистая красота. Чистое искусство.

Сколько раз наблюдал я, как Тайто над лодкой колдует. Както слышу: «до», «ре», «ми», «фа»... Гвоздь заколачивает. Гвоздь резонирует в корпусе лодки как в деке гитары. Любой процесс резонирует. Елка ведь музыкальное дерево, из него инструменты делают. И всю работу над лодкой можно представить как своего рода музыку. Тогда лодка будет каким-то заключительным аккордом этой музыки. Другой раз гуляли по деревне, остановились на мосту: погода ясная, речку льдом прихватило, он тонкий еще, лег матовым стеклом. В промоинах небо. Берег белым отчеркнут. А с верховьев реки несет шугу – комья снега и прожилки льда. Звенит, шуршит шуга в сливе между быков моста. И думаешь: вот лодка – она ведь и из этого шьется. Из этого утра на исходе осени. И из другого какого-нибудь утра, и летнего полдня ленивого, когда стрекоза садится на уключину отдохнуть, из восходов-закатов,

поездок в лес и на рыбалку – с их неповторимыми картинами, запахами, воспоминаниями о людях – всем тем, что составляет «память сердца».

И еще из настроения мастера. Во время больших деревенских рыбалок Тайто всегда готовил борщ. И так привыкали к его борщу мужики, что, вернувшись в деревню, женам начинали петь, что у них борщ не так сварен. Одна женщина не на шутку растревожилась, пришла к Тайто: «Как ты борщ готовишь?» – «Да так же, как и ты». – «Ингредиенты?» – «Те же самые». – «Тогда в чем же дело?» Тайто отвечает: «Да понимаешь, я, когда готовлю, мурлыкаю...» Так из мурлыканья самый вкусный борщ получается. А потом и лодка.

Хотя, здраво рассуждая, все это не втиснешь, не вложишь в лодку. И в то же время оно вложено. Так что лодка – она не только суммой умений мастера создается, но и душой его – мурлыкающей, созерцающей, отзывчивой к красоте. Если думать над тем, чем лодка Тайто отличается от современных лодок – надувных, пластиковых, металлических, – то помимо каких-то объективных показателей есть, скажем так, критерий субъективный: деревянная лодка мастера Тайто – живая. Вся живая: она и природа, и музыка, и память, и мурлыканье.

ПРОЩАНИЕ

На четвертый день – к нашему отъезду – лодка была готова. Тайто и Миша нежно перевернули ее, перед тем как смолить. Стали искать щётку – опилки смеши. А за пять дней опилок и стружек на верстаке скопилось столько, что ни щетки, никакого вообще инструмента найти в них невозмож-но. Как в сугробе. Тайто сходил в баню, принес березовый веник.

– Не годится, – сказал Миша. – Веник мягкий.

– Ничего, – спокойно сказал Тайто. – Сойдет старику и девка. Аккуратно обмахнул лодку.

Потом вдвоем осмолили, прибили на киль железную поло-су – и оставили сохнуть. Легла красавица кофейного цвета в мастерской – на загляденье.

Андрей спросил:

– А какие еще действия предпринимаются после того, как вы ее осмолили и перевернули?

– А предпринимается одно только действие, – пояснил Тайто. – Надо закуски принести и бутылку водки. Выпить за новорожденную и, как положено, пролить водку по килю...

Сказано – сделано.

Поставили мы бутылку и закуску на киль, разлили, выпили. За здоровье мастера. За лодку. За то, чтоб не последняя была.

– В следующем году мне 78 будет. Не помню, чтоб такие старики лодки делали, – грустно сказал Тайто.

– Сделаете, – убежденно сказал Андрей. – Иначе как жить будете? На Севере если не работать – человек не протянет долго. Вон, «бабушка» Зоя Nikolaevna – если

древа не поколет, нормально не чувствует себя. Так же и Тайто. Куда он без своей мастерской? Что будет делать? По телевизору показывают нового Шерло-ка Холмса – и от скуки засыпает на диване мастер Тайто. Другая жизнь по телевизору: «Тойота» – управляем мечтой». А у него мечта была – работа. И в ней он осуществился, подарил радость людям, сам преобразился, стал мастером. «Свой долг ты узнаешь по самой верной примете, – писал Сент-Экзюпери, – его выбираешь не ты».

И иногда не в воле мастера – перестать быть мастером.

– Я в следующем году приеду фильм снимать, – сказал Андрей. – Как вы лодку строите. Фотографиями об этом не расскажешь.

– Ну, тогда придется мне до-житься, – сказал Тайто и усмех-нулся.

– Конечно, – сказал Андрей. А я подумал, что в моем журналистском человечестве появился еще один густок света – мастер Тайто. Все мне в немозвучно: удаль и скромность, доскональность мастера и душевный покой – ни слова пустого, ни повышенной интонации, ни рисовки, ни хвастовства – ничего лишнего. Только свежесть и глубина восприятия жизни. Может быть, в этом и есть корень всяко-го вопроса о Мастере.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«ДЕД ССОРИЛСЯ С ЦАРЯМИ, А Я ДРУЖИЛ С ГЕНСЕКАМИ»

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

О ВИЗИТЕ ВНУКА ВЕЛИКОГО ХУДОЖНИКА ВЕРЕЩАГИНА СТУДЕНТЫ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ ЕДИНСТВЕННОГО В МИРЕ УЧИЛИЩА ИСКУССТВ ЕГО ИМЕНИ, РАСПОЛОЖЕННОГО НА РОДИНЕ ЖИВОПИСЦА – В ЧЕРЕПОВЦЕ, УЗНАЛИ В РАЗГАР ПОДГОТОВКИ ВЕЧЕРА К 110-ЛЕТИЮ ГИБЕЛИ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА. А ПОТОМУ НЕ ПОВЕРИЛИ, ЗАСОМНЕВАЛИСЬ.

«**Э**

ТО ЖЕ СКОЛЬКО ему должно быть лет?.. Наверное, он правнук. Напутали», – переговаривались «верещагинцы» в фойе у информационного стенда.

«Меня зовут Александр Сергеевич Плевако, я действительно внук Василия Верещагина, его дочь Лидия – моя обожаемая мамочка, – объявил со сцены актового зала училища пожилой, элегантно одетый человек. – Мне 83 года. Я родился спустя 26 лет после гибели деда. К сожалению, так бывает».

ВАЖНЫЙ ГОСТЬ

О желании внука Верещагина встретиться с «верещагинцами» руководству училища сообщили за пару недель до назначеннной даты. И визит немедленно приобрел историческое значение. Именно на эту удочку («вы представляете, кого вы увидите и услышите?») организаторы встречи старались привлечь в актовый зал студенческую аудиторию в субботний вечер. От идеи собрать юных слушателей в приказном порядке отказались сразу: было заранее известно о том, что Плевако едет для разговора по душам, и дремлющая аудитория расстроит его гораздо больше, чем полупустая. Ни того, ни другого не произошло – в актовом зале царил аншлаг.

«Историческое событие... первый родственник Верещагина в наших стенах... своим внукам будете рассказывать... он и сам по себе знаменит... потом в фойе с ним сфотографируемся», – продолжала взволнованно объяснять завуч училища даже тогда, когда из зала на первом этаже уже раздавались голоса и аплодисменты.

– Для начала расскажу, почему я Плевако, – открыл вечер гость. – Моя мама, Лидия Васильевна Верещагина, дочь Василия Васильевича, умерла от родов, когда мне было 9 дней от роду. А когда мне исполнился 21 день, я стал Плевако. Меня усыновила семья Сергея Федоровича Плевако, сына знаменитого

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Лидия
Васильевна
Верещагина,
мать
А.С. Плевако.
1928 год

адвоката Федора Никифоровича Плевако, о котором писали большие русские писатели и чьи судебные речи издавались целыми книгами и издаются по сей день. Сергей Федорович тоже был очень известным и успешным адвокатом. Его супруга Анна Емельяновна была близкой подругой мамы, и та перед смертью попросила ее взять меня в семью. Для меня именно она была матерью, другой я не знал. Она была красива, умна и проницательна как экстрасенс. В юности ей хватало одного взгляда на человека, чтобы понять о нем многое. Помню, как она сказала мне об одном из приятелей: «Сашура, это очень непорядочный человек, будь с ним осторожным». Я был молод и думал, что знаю жизнь. Не поверил. Но спустя пару лет жизнь заставила вспомнить мамины слова. Потом я научился ее слушать.

Отец, Сергей Федорович Плевако, был настолько чист совестью и профессионален, что был уважаем всеми. Думаю, благодаря этим качествам ему удалось избежать репрессий. Но после Великой Отечественной войны длань закона дотянулась и до него. Папа защищал офицера, который в разговоре с коллегами вы-

Александр
Плевако
с биологическим
отцом
Владимиром
Филипповым

сказал мнение о том, что немецкая армия в момент нападения на СССР была сильнее советской, и его обвинили в антисоветской агитации. Отец выстроил защиту настолько аргументированно и логично, что в ходе процесса ему пришлось защищать уже самого себя от предъявленных обвинений в потакании врагу народа. К счастью, дело обернулось для него лишь исключением из адвокатской коллегии. Около двух лет он сидел без работы, и нам жилось тяжеловато.

После этого Александр Плевако, которого студенты слушали внимательнее, чем обычного лектора, рассказал студентам о том, что мог бы с равным правом носить одну из трех фамилий. Мать была Верещагина, настоящий отец – Филиппов, известный в Москве историк театра и русской литературы.

– Но когда я получал паспорт и мне в очередной раз напомнили о том, что у меня есть выбор, я окончательно и бесповоротно остановился на фамилии людей, которые меня воспитали. Тем более я застал еще те времена, когда фамилия Плевако гремела, и буквально каждый спрашивал у меня: «Вы не родственник адвокатам Плевако?» Сейчас эту фамилию знают в основном эрудиты. Теперь меня чаще переспрашивают: а как это пишется, а куда ударение ставить? Родители предлагали мне в юности называться Плевако-Верещагиным, но мне тогда это показалось претенциозным. Со временем я пересмотрел свой взгляд по этому вопросу и вот уже несколько лет подписываю официальные документы Фонда сохранения наследия Василия Васильевича Верещагина фамилией Плевако-Верещагин.

ВЕРЕЩАГИН И ЦАРИ

По-настоящему наследием Верещагина и его сохранением Александр Сергеевич занялся лишь на пенсии. Раньше не было времени, которое отнимала работа на Гостелерадио СССР. Александр Плевако работал сначала журналистом в отделе иностранного вещания, а потом руководителем бюро Гостелерадио в Югославии. За годы жизни в этой стране Плевако встречал в Белграде Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева и служил для него своего рода гидом, не раз и не два брал пространные интервью у президента Югославии Иосипа Броз Тито, с которым сдружился настолько, насколько могут сдружиться высокопоставленный политик и журналист.

Говоря о советских генеральных секретарях, Александр Плевако вскользь замечает: вот ведь ирония судьбы, он сам дружил с руководителями государств, а дед с властямиссорился и ругался. «Но речь сегодня не об этом», – перебивает он сам себя. «Расскажите», – слышится из зала хор молодых голосов.

– Ну, слушайте, – начинает он, будто древний сказитель у костра. – Эта тема мне хорошо известна, я написал большую статью под названием «Верещагин и царские особы», в которой рассказывалось о взаимоотношениях художника и императорской фамилии. И радужного в этих отношениях было мало. После туркестанской войны, во время которой Верещагин не только де-

лял зарисовки, но и участвовал в обороне Самарканда (причем был ранен и получил орден Святого Георгия), он на два года заперся в мастерской, никого в нее не впуская, и написал знаменитую серию картин. Чтобы ее увидеть, в Петербурге, Москве и Лондоне стояли очереди, которые не снились сегодняшним голливудским премьерам. Свидетели этого триумфа вспоминали, что к картине «Забытый», на которой изображен погибший солдат и кружасицес над ним вороны, было не подойти — возле нее часами стояли люди и плакали. Но военному ведомству, генералам, министрам и императору картины не понравились. Известны слова Александра II о том, что в его армии такого быть не может. За точность цитаты не ручаюсь. Верещагина обвиняли едва ли не в предательстве, и эти обвинения довели его до нервного срыва — он скжег три картины, в том числе и «Забытого», а вскоре уехал в Индию, а оттуда в Париж. Во многом из-за нападок власть имущих Василий Васильевич треть жизни провел за границей. И в конце концов к исходу жизни отказался от изображения войны: «Все, баста, — писал он в письме критику Стасову. — Найду себе другие сюжеты». Мой дед имел и личные претензии к царю. В русско-турецкой войне, во время штурма Плевны, погиб брат Василия Верещагина — Сергей. А эту войну и, в частности, эту операцию художник считал ненужной и крайне плохо подготовленной иставил это в личную вину Александру II. После гибели Александра II Верещагин писал: не буду определять, кто больший негодяй, император или его убийца, это не мое дело. По словам Александра Плевако, следующий император, Александр III, разумеется, унаследовал нелюбовь к Верещагину от отца. Он купил лишь одну картину художника из безобидной серии, посвященной войне 1812 года. Когда Василий Верещагин погиб, уже Николай II долго отказывался выкупить его картины и помочь семье.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

А.С. Плевако
и Л.И. Брежнев.
1962 год

— А вдова художника, моя бабка, упорно ждала, отказываясь продавать полотна иностранцам — был там один американец, предлагавший миллионы, — рассказывает внук художника. — Бабушка ратовала за то, чтобы картины остались в России. В итоге так и произошло. Вдове Верещагина назначили годовую пенсию в тысячу рублей. Для сравнения: вдова Льва Толстого, которого царская семья тоже не слишком жаловала, получала 6 тысяч рублей в год.

НА РОДИНЕ ПРЕДКОВ

В Череповце, на родину предков, Александр Плевако приезжает последние лет десять-пятнадцать практически ежегодно, и почти всегда — на день рождения художника, которое в городе широко празднуют. В организаторы и организаторы торжеств не лезет, держится скромно, но от приветственного слова у бюста деда перед церемонией возложения цветов не отказывается. Говорит, как правило, об актуальности полотен Василия Верещагина на все времена, предлагая сравнить те войны и

А.С. Плевако
берет интервью
у президента
Югославии
Иосипа Броз
Тито. 1971 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

вооруженные конфликты, которым в меру силу противостоял и об опасности которых трубил художник, с теми войнами и вооруженными конфликтами, о которых рассказывают сегодняшние теленовости.

Несколько лет назад Александр Сергеевич начал брать с собой в Череповец внука, девочек подросткового возраста, и с гордостью рассказывал журналистам о том, что готовит себе смену, дабы было кому «присматривать за памятью о Василии Верещагине». Но в последние годы снова приезжает один: у подросших внучек изменились интересы. И свою мечту — открытие памятника Василию Верещагину в Москве или Череповце и организацию ежегодного международного фестиваля художников-баталистов — планирует осуществить в одиночку.

После смерти Николая Верещагина, внука изобретателя вологодского масла Николая Васильевича и внучатого племянника художника Василия Васильевича, Александр Плевако стал своего рода патриархом семейства Верещагиных. Николай Верещагин умер в год своего 100-летия — пять лет назад. Он еще помнил дореволюционный быт семьи. В череповецком музее Верещагиных хранится нарисованный рукой Николая Кузьмича план загородного дома Верещагиных в поселке Любец, ныне затопленном водами Рыбинского водохранилища...

«С кем еще из Верещагиных вы общались или общаетесь?» — получил Александр Плевако записку из зала.

— Если интересуетесь, могу рассказать о тех потомках Василия Верещагина, судьба которых мне известна, — говорит Плевако. — О своей маме я поведал выше. Ее сестра Анна погибла в довольно молодом возрасте. А их брат Василий Верещагин, сын художника, прожил долгую жизнь. Он принимал участие в Первой мировой войне и стал георгиевским кавалером. На этой же войне в качестве медсестры была и моя

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

мать. Дядя Вася прожил большую часть жизни в Чехословакии. Я, работая корреспондентом Гостелерадио, не раз бывал в командировках в странах соцлагеря – кстати, в Болгарии Верещагина знают и помнят, кажется, лучше, чем в России, – и навещал его. Помню, как дядя Вася говорил мне: «Живу здесь бог знает сколько лет, а все равно чувствую себя чужим. Жить надо на родине». Он хотел передать мне тетрадь с мемуарами и попросил ее издать в Москве. Времена были непростые, и я посоветовал ему повременить с публикацией. К счастью, книга все же вышла. Очень любопытные заметки. После его смерти я интересовался судьбой дядиного архива, где содержалась большая переписка дяди Васи и видных представителей русской эмиграции, но он как в воду канул.

УНАСЛЕДОВАННЫЕ ТАЛАНТЫ

Училище искусств имени Верещагина готовит специалистов самых разных творческих направлений. Прогулявшись по этажам здания, из-за дверей кабинетов можно услышать и звук баяна, и чечетку, и постукивание молотка о долото. Художественное отделение, разумеется, тоже работает. Наиболее яркие работы студентов вывешиваются на стене возле актового зала. Шествуя мимо них на встречу с учащимися, внук Верещагина остановился на минутку, внимательно оглядев картины «верещагинцев», и, по-видимому, они его не слишком обрадовали. Профессионально, но беззубо. Сплошные герои и рыцари с гордым взглядом. Нечто в этом роде он сообщил позже кому-то из сопровождающих.

А.С. Плевако произносит речь у бюста деда на родине В.В. Верещагина, в Череповце, в год празднования 170-летия художника. Октябрь 2012 года

Студенты художественного отделения спрашивали гостя о любимых картинах деда и унаследованных от него талантах.

– Вопрос о любимой картине Василия Верещагина всегда ставит меня в тупик, – признался Александр Плевако. – Не только в разном возрасте, но даже в разном настроении мне нравятся разные работы Василия Васильевича, поскольку его творчество очень разнообразно. Один известный немецкий художник сказал про Верещагина: «Этот может все». И с ним нельзя не согласиться. Его считают баталистом, но это лишь одно из направлений, которым занимался Верещагин. Какие у него портреты, какие пейзажи, какие этнографические зарисовки! Но все знают только «Апофеоз войны» – гору черепов. Впрочем, люди, побывавшие на войне, говорят, что это самая сильная из его работ.

Внук Верещагина признался, что в юности тоже мечтал стать художником, и даже занимался в кружке московского Дома пионеров.

– Одно время неплохо получалось, особенно маслом, – говорит он. – Потратил на эти занятия несколько лет своей жизни. Но когда я вырос и поумнел настолько, чтобы понять, что я далеко не Верещагин, оставил живопись в покое. Сейчас на пенсии вырезаю из дерева скульптуры и портреты, но исключительно для собственного удовольствия. Выставляться не планирую. Мне хочется верить, что я унаследовал если не художественный талант, то прямоту характера и смелость деда. И страсть к путешествиям, конечно.

Прощаясь с аудиторией, Александр Плевако пообещал приехать вновь, попросил готовить вопросы и сдался на уговоры открыть в училище небольшую выставку своих деревянных скульптур...

«Историческое событие... подлинные произведения потомка Верещагина в наших стенах!.. Такого никогда не было!» – восторженно шепчет за его спиной завуч... ☺

КАЖДОМУ – СВОЕ

БЕСЕДОВАЛА

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ВПЛОТЬ ДО XIX ВЕКА РОССИЯ НА ЕВРОПЕЙСКИХ КАРТАХ ПРЕДСТАВАЛА ТАРТАРИЕЙ – СТРАНОЙ УЖАСА И МРАКА, НАСЕЛЕННОЙ ЛЮДЬМИ С ПЕСЬИМИ ГОЛОВАМИ, ЧЕРТЯМИ И ЧУДИЩАМИ. ЭТОТ СТЕРЕОТИП, УВЫ, ЖИВ И СЕЙЧАС. ТАК СЧИТАЕТ ИГОРЬ ФОМЕНКО – СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ОТДЕЛА КАРТОГРАФИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (ГИМ).

– ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ, КАК на протяжении веков европейцы представляли себе Россию, если исходить из изображений нашей страны на географических картах?

– Изначально интерес к России появился исключительно ради ресурсов, впрочем, как и сейчас: меха, древесины и других сырьевых материалов. Начиная с XV века и вплоть до конца XVII мы – Тартария, страна ада, ужаса и мрака. Слово «Тартария» произошло от соединения двух понятий: «татары» и «Тартар». Средневековые авторы смешивали античные знания с библейской историей и давали всем неведомым странам и народам архаизированные собирательные названия: варвары, скифы, сарматы, народы Тартарий... Земли народов Апокалипсиса, Гога и Магога, таили потенциальную угрозу: нашествия диких орд, которые угрожали цивилизованным народам. Их появление означало бы конец света.

Нас боялись и не понимали всегда. Одна из первых карт России была составлена в 1459 году. В те времена в Крыму шла бурная торговля, и наши купцы давали итальянским купцам картографическую информацию. На этой карте было изображено несколько Россий: Белая, Красная, Черная, Россия-Сарматия, Великая Россия, просто Россия. Белая Русь – Белоруссия; Русь Красная – Западная Украина; Россия, Россия-Сарматия, Черная Россия, Великая Россия – Московия. Великая Россия включала Западную Сибирь! Карта сейчас хранится в Городском музее Коррера в Венеции. В ней указаны дороги, леса...

А первая карта России, которая имеет сколь-нибудь реальные черты, относится к 1525 году, когда наш посол Дмитрий Герасимов ездил к папе римскому Клименту VII. При дворе папы ожидали увидеть какого-нибудь дикого скифа в шкурах, поэтому Дмитрий Герасимов всех сбил с толку: он знал несколько языков, интересовался искусством Возрождения,

прекрасно говорил на латыни. Его расспрашивали о Московии, и через два месяца после завершения этой дипломатической миссии, в октябре, венецианский картограф Баттиста Аньезе изготавливал карту, где изображена европейская часть современной России, Волга, города. Дальнейшие источники назначают Россию демонизировать.

В 1550 году Пьер Деселье составил карту мира. Заметьте, это происходит в тот момент, когда уже полстолетия, как открыта Америка. Так вот, Россия состояла из следующих областей: юго-восточная часть называлась Куманией, юго-западная – Сарматией, север – Русью Бланш, северо-восток – Колмогорой и центр – Москвией. Территорию России по диагонали пересекали Рифейские горы, а в северо-восточной области Колмогоры располагалась фигура охотника-промысловика... с собачьей головой. Начиная с XVI века количество монстров на российских картах росло. Изображения чертей, уродцев, василисков, русалок и прочей нечисти сопровождались ужасающими легендами. Чем ближе к северу, тем страшнее. Чуть сделаешь шаг в сторону от дороги – и чудовища уволокут путника в снежную пустыню. Всем ясно: в таком климате люди жить не могут. С флорой тоже не все просто. Например, встретилось мне однажды в карте XVII века растение под названием «баранец». Оно в начале созревания похоже на дыню, затем плод лопается, и из него высакивает... живой ягненок. В разговорах на тему восприятия европейцами России я всегда вспоминаю карту-утопию 40-х годов XVIII века. В ней в сказочной форме проявляются все подсознательные страхи и опасения со стороны обитателей Тартарского царства (России) для вечно счастливой и праздной страны Кокань (Европы). Автор карты – Маттеус Зойтер (1678–1757), известный гравировщик карт и издатель из Аугсбурга, – в основу произведения положил поэму XVI века миннезингера Ганса Сакса. В ней описаны 19 беззаботных стран, где каждый дом окружен изгородью из колбас, готовая еда сама падает в рот и процветает ничегонеделание. Вокруг счастливых стран располагаются еще четыре: царства Молодости, Старости, Святая неведомая земля и Тартарское царство – персонификация Московии, привычный стереотип. Тартарское царство со столицей Сатан расположено вблизи геены огненной, оно отрезано и от сильных государств, и от Святой земли, и от страны Вечной молодости (это – к вопросу о продолжительности жизни в России). Оно омывается морями Царства мертвых, морем Глупости и морем Дураков. По Тартарскому царству проходит Круг вечного несчастья (поллярный круг). Из этой жуткой страны невозможно проникнуть в соседнюю – Шлараффен (царство Закона), потому что сильную страну защищают крепости Злословия, Ругательная и Поносительная.

В XIX веке, в годы Крымской войны (1853–1856), на ура шли британские аллегорические карты, где Россия была представлена или в образе жуткого медведя, или царя со звериным оскалом, у ко-

торого из голенища торчит бутылка водки. Образ чужака, монстра перекочевал и на карты Германской войны. Правда, в Первую мировую союзники наши Россию облагообразили, потому что мы в Антанту входили. А вот немцев и турок уже изображали карикатурно.

Я как раз сейчас пишу статью «Образ «чужого» на картах Первой мировой войны» – о политагитации в графике, где как в зеркале отражены geopolитические задачи разных европейских государств. Между прочим, эти карты можно и сейчас использовать как наглядный пример, дающий представление о целях и задачах ведущих держав ЕС по отношению к странам с более слабой экономикой.

– На основании чего составлялись средневековые карты?

– Информацию черпали со слов путешественников, купцов, дипломатов, военных. Часто в

ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ ФОМЕНКО

(1963 г.р.) – историк, старший научный сотрудник отдела картографии Государственного Исторического музея, кандидат исторических наук. В 1992 году окончил исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова по кафедре Средних веков. В 2001 году в МГУ защитил кандидатскую диссертацию на тему «Морская карта как исторический источник (Причерноморье конца XIII–XVII вв.)». Состоит в штате Исторического музея с 2002 года по настоящее время.

Автор около 80 научных работ, в том числе книг: «Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах. Мифы. Образы. Пространство» (Казань–Москва., 2006; переиздание – 2007).

Книга удостоена звания «Лучшая книга о России» на конкурсе Ассоциации независимых книгоиздателей. «Образ мира на старинных портolanах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в.» (М., 2007; переиздание – 2011); «Скифия–Тартария–Московия–Россия. Взгляд из Европы. Россия на старинных картах» (2008). За книгу «Скифия–Тартария–Московия–Россия...» в 2010 году Игорь Фоменко удостоен Забелинской премии 1-й степени. «Итоговая карта Московии XVI века из собрания ГИМ. Новое описание северных регионов, включая Москвию... 1562–1572» (М., 2010); «Царьград на старинных картах XVI – начала XX в. (Из собрания ГИМ)» (в 2-х томах. М., 2011). Книга «Царьград на старинных картах...» удостоена Макарьевской премии» 1-й степени. «Дипломатическая миссия М.И. Кутузова. Карта Константинополя 1794 года» (М., 2013).

Сфера научных интересов – средневековая картография, историческая география, византинистика, история восточнохристианской цивилизации.

основе замысла лежали труды древних «отцов-землеописателей»: Геродота, Страбона, Плиния, Клавдия Птолемея, Солина, Павла Орозия, Исидора Севильского и других. Использовали и шпионские сведения, рискуя жизнью. В России XVII века могли ведь и на кол посадить за разглашение стратегической информации о наших дорогах и богатствах. Немного проще стало начиная с 1745 года, когда вышел первый атлас России, который появился благодаря трудам русских ученых, в частности Михаила Ломоносова.

Конечно, фантастические карты рождались не только из-за невежества и страха. Это делалось и по политическому заказу. Тем же голландцам и англичанам был выгоден образ страшной и дикой России для торговой экспансии под предлогом наведения порядка в варварской стране. Российский лес был нужен для строительства флота. Венеция, к примеру, стоит на сваях из российской лиственницы, и никакая высокая вода ее не смыла уже много столетий. А турист из России может тешить свою национальную гордость тем, что ходит почти по родным деревянным мостовым. Стремление наводить порядок в России не дает Европе покоя и сейчас. Помимо фантастических карт умышленнымискажениям подвергались и, казалось бы, совершенно «научные» карты. Европейские ученые особенно не спешили отражать победы русского оружия. К примеру, по пятьдесят восемьдесят лет в их работах российские границы не передвигались на запад и север после разгрома Швеции Петром I. Только во времена Екатерины II на европейских картах появились более или менее реальные российские границы.

– *А «правильные» карты в Европе существовали?*
– Разумеется. Только они в государствах хранились под строжайшим секретом, и к ним имели доступ только государственные мужи, военные и торговцы. Карты надежно оберегались, прятались.

Например, испанские капитаны кораблей всегда к картам привязывали грузила. Если судно захватывали пираты, карта выбрасывалась за борт.

В этих картах вы уже не найдете ни монстров, ни Тартарии – по таким графическим документам пересекали моря, нападали, защищались, открывали новые рынки. Английский король Генрих VIII золотом платил за четкую информацию на картах. Прекрасные картографические школы существовали в Англии, Италии, Голландии, Германии. От карт зависела жизнь экспедиций, успех торговли. А вот широкой публике уже предоставлялись развлекательные атласы с медведями – красивые дорогие произведения искусства с миниатюрами и легендами.

– *А Россия использовала карикатуры на своих картах?*

– Во Вторую мировую войну – да, использовала, все мы помним графические образы фашиста-гада. Среди карт Первой мировой мне попадались красивые варианты, где изображены боевые действия, фронты, все четко, но канты забиты великолепно исполненной рекламой галош, бритвенных станков, сигар. С одной стороны, это имело прикладное коммерческое значение, с другой – психологическое, как напоминание об удобствах мирной жизни. Была на наших картах того времени и агитационная составляющая. Например, Николай II – вседержавный царь, Россия-матушка с мечом и в короне, а в Европе жмутся маленькие уродцы. Тот же образ врага – наш ответ на их карты, начиная со времен Крымской войны.

– *Как в Европе на протяжении веков менялось применение карт обычными горожанами?*

– Первые карты покупала аристократия, интеллигентская и политическая элита, состоятельное купечество. Работы украшали золотом. К сло-

ву, на многих картинах Вермеера можно заметить в интерьерах карты. Затем изображениями далеких стран начали декорировать не только дворцы и замки, но и трактиры. Особенно много таких карт сохранилось в Италии. В XVII веке английские врачи писали, что перелистывание географического атласа успокаивает нервы, расслабляет, дает лечебный эффект, спасая от депрессии.

Сначала карты служили источником знаний о стране, по большей части фантастическим, и, главное, должны были доставлять эстетическое удовольствие. Стоит на такой карте прекрасно исполненный крымский хан, а рядом в море чудище хвостом крутит! Начиная с XIX века карты становились все более утилитарными, документальными: как проехать из пункта А в пункт Б.

– Какими раритетными картами европейцев владеет Государственный Исторический музей?

– Если не считать рукописные манускрипты из экспедиций, первой на ум приходит книга пленного шведского офицера Филиппа Страленберга, попавшего в Сибирь после поражения в Полтавской битве в 1709 году. После амнистии в 1730-м он издал карту, где достоверно показана вся Сибирь, с курганами и ценностями – важнейший для археологов указатель. Книга издана в Швеции. К слову, Филипп Страленберг чуть ли не первым из европейцев написал на графических полях этноним «татары», а не «тартарами». Еще есть, например, роскошный атлас реки Дон Корнелия Крюйса конца XVII – начала XVIII века. На этих картах прекрасно показаны все течения, мели, населенные пункты, записаны различные истории и легенды. Я могу перечислять долго: карта Варшавы 1762 года – в мире известны всего три подобных экземпляра, карта России и сопредельных стран 1562–1572 годов – единственный в мире экземпляр... Еще у нас в ГИМе стоит огромный медный глобус, сделанный в Амстердаме.

Долгое время его история была расплывчатой. Я провел научные исследования и выяснил, что эта уникальная модель земного шара была создана не для Карла XII, с которым Петр I воевал, а для шведской королевы Кристины, которая этот глобус заказала, а выкупить не смогла, отрекшись от престола в пользу своего кузена. Кристина заказала два глобуса, земной и небесный. Судьба небесного глобуса неизвестна, а земной находится у нас. Европа на нем показана более или менее правильно.

Еще у нас долгое время оставался неизученным прекрасный акварельный аноним, где изображен Константинополь с Босфором и подробной стратегической информацией: дорогами, мостами, укреплениями – явно шпионская работа. Я раскопал, что это отчетная карта Константинополя Михаила Илларионовича Кутузова, которая предназначалась в качестве инструментария по захвату столицы османов. Он с сентября 1793 по март 1794 года был там послом, об этом мало кто сейчас помнит. Невероятная работа! Кутузов даже запустил художника-топографа в собор Святой Софии в Константинополе, наверное, первого русского после 1453 года. В конце ноября вышла моя книга «Дипломатическая миссия М.И. Кутузова. Карта Константинополя 1794 года», посвященная детальному разбору этой карты, факсимильная копия которой прилагается к книге.

– Картография в России находит государственную поддержку?

– Это больная тема. В Европе старинными картами занимаются выпускники престижнейших вузов, это элитная дисциплина, особенно старинные карты, особенно исследования по Византии. Сейчас византинистика в мире поднимается на невиданные высоты. А я больше времени, чем на написание книги, трачу на то, чтобы найти возможность ее издать... Огромная проблема еще и перевод. Научные работы на русском языке иностранцы не читают. Хотя, если разобраться, подобные исследования имеют колossalное имиджевое значение для поднятия статуса страны и ее науки, и это особенно касается работ по Византии.

– И все-таки, завершая разговор, чем мы так сильно пугали Европу?

– Неведомое всегда страшит. Мы чужие, другие. К одной из своих книг я поставил эпиграф из Пушкина: «Девиз России – каждому свое». Не просто так и Блок писал: «Да, скифы мы, да, азиаты». Нас всегда так позиционировали и сейчас позиционируют. Все эти представления о нас как о Тартарии остались, только в новых одеждах. Не любили, не любят и любить не будут. А, с другой стороны, зачем? Нужны ресурсы России, а вовсе не россиянин с его загадочной душой. Не будем забывать, что все-таки целое тысячелетие растили о нас такое варварское представление. ●

ХРАНИТЕЛИ ТРАДИЦИЙ

БЕСЕДОВАЛ

ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ

ФОТО

АНТОНА БЕРКАСОВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ЖИВОПИСИ, СКУЛЬПТУРЫ И АРХИТЕКТУРЫ ИМЕНИ И.Е. РЕПИНА СОЗДАВАЛСЯ, ЧТОБЫ ЗАЛОЖИТЬ В РОССИИ ОСНОВЫ «ТРЕХ ЗНАТНЕЙШИХ ИСКУССТВ». КОГДА КЛАССИЧЕСКИЙ ДВОРЕЦ НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ ЕЩЕ ИМЕНОВАЛСЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИЕЙ ХУДОЖЕСТВ, В ЧИСЛЕ ЕГО ВОСПИТАННИКОВ ЗНАЧИЛИСЬ КИПРЕНСКИЙ, БРЮЛЛОВ, АЙВАЗОВСКИЙ, РЕПИН, ВАСНЕЦОВ, СУРИКОВ, ВРУБЕЛЬ. ОТ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ АКАДЕМИИ НИЧЕГО ПРИНЦИПИАЛЬНО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ: ЗДЕСЬ СОХРАНЯЮТ ТРАДИЦИИ И САМ ВУЗ ПРОДОЛЖАЮТ СТАРОРЕЖИМНО ИМЕНОВАТЬ АКАДЕМИЕЙ. А ЕГО РЕКТОРУ – СЕМЕНУ МИХАЙЛОВСКОМУ – ПРИХОДИТСЯ ДУМАТЬ О БУДУЩЕМ ЕГО ПИТОМЦЕВ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ.

— С ЕМЕН ИЛЬИЧ, РАСПРОСТРАНЕНО мнение, будто «золотой век» живописи давно позади, а современное искусство, неизбежно упираясь в величие классических форм, постепенно уходит в иную плоскость. Получается, выпускнику Академии художеств и пойти-то некуда. Ведь это не так?

— Академия — это выдающаяся национальная художественная школа, хотя на протяжении долгой истории она по-разному называлась: Императорская академия художеств, Высшее художественное училище, Институт имени Репина. Она связана с историей России, с Петербургом. Ее воспитанники украшали и обустраивали разные города. Выпускники академии и сегодня участвуют во многих художественных проектах, например в восстановлении православных храмов.

— Приверженность классическим принципам искусства не изменилась?

— Никому не запрещается создавать более либеральную, более открытую школу. Но к нам с уважением, с почтением относятся именно потому, что мы сохранили систему художественного образования, традиционное понимание изобразительного искусства. Меняться, трансформироваться для нас неоправданно во всех смыслах.

— Сегодня повышенное внимание к натуре и форме — верный способ получить обвинения в консерватизме и отсутствии развития. Вас это не пугает?

— Здоровый консерватизм — это нормальная позиция в жизни и искусстве. Школа должна оставаться школой. Я видел многие европейские академии, которые преуспели в развитии индивидуальных способностей студентов, но мало что могут дать в ремесленном плане.

— Теперь у художников не принято спрашивать, где они учились?

— Если говорить об архитектуре, есть отличные американские архитектурные школы в больших университетах. Но в мире сохранились немногие исторические школы. Я считаю, что нам не нужно суетиться. Тем более что современное искусство сильно связано с арт-рынком, а коммерциализация искусства — это сложная, болезненная тема. Подготовка наших студентов к существованию в арт-рынке не должна быть самоцелью.

— А в чем, по вашему мнению, проявляются либерализация и отказ от традиций? В том, что где-то создали факультет современного искусства?

— Либеральные изменения, которые происходили в Европе в постмодернистскую эпоху, затронули все сферы: философию, литературу, искусство. Эти изменения имели разные последствия, часто травматические. Отойдя от классических основ

профессии, мы не обязательно придем в будущее. Во всяком случае, займем в нем далеко не первые позиции.

— Реалистическое искусство еще живо?

— Интерес к реалистическому искусству есть всегда. Другое дело, что арт-рынок такое искусство не всегда воспринимает. С другой стороны, поток иностранных учащихся к нам не только не иссякает, но и растет с каждым годом. Это европейцы — у нас есть студенты из Франции, Германии, Норвегии, Швеции, Эстонии, Латвии, — американцы, израильтяне и особенно китайцы.

— Но все же архитекторы сегодня востребованы больше живописцев?

— Когда речь идет о востребованности художников, о рабочих местах применительно к искусству, получается праздный разговор. Наши выпускники занимаются искусством, а чем еще они должны заниматься? Кто-то более успешен, кто-то менее.

— Приверженность традициям не мешает вам открывать новые направления? Например, президент академии Зураб Церетели подписал приказ о создании кафедры декоративно-монументальной скульптуры и средового дизайна.

— Этот проект у нас тоже реализуется, правда, на него нужно время, там есть организационные нюансы. А кафедра реставрации на факультете живописи под началом профессора Боброва уже существует с прошлого учебного года. Впоследствии мы планируем создать нечто подобное и на архитектурном факультете. Задача сохранения культурного наследия выходит на первый план, и мы откликаемся на требования времени. Но это, конечно, не революционные преобразования, а эволюционные.

— А как вы оцениваете состояние монументальной скульптуры? Ведь традиционно заказчиком выдающихся произведений являлось государство, которое сегодня куда менее активно.

— «Большой стиль», социальный заказ перестают играть значительную роль в общественной жизни, как в советское, скажем, время. Появились памятники, построенные на частные средства. В нас, русских, живет имперский дух, соответственно, сохраняется потребность в памятниках, фиксирующих исторические события. Любое цивилизованное государство создает памятники своим героям. Национальный подъем, народное воодушевление связано с искусством. Каким оно должно быть — это вопрос.

— Вступая в должность ректора, вы заявляли о намерении пересмотреть учебные программы. Что хотели сделать и что реально удалось?

— Я говорил не столько о пересмотре программ, хотя там есть не совсем очевидные вещи. Я гово-

рил о необходимости сформулировать основополагающие принципы академической школы, закрепить их в ясной и доступной форме учебных программ и учебных планов. Пока эту работу не удалось завершить по нескольким причинам. Главным образом потому, что некоторые профессора страшатся нововведений, полагая, что это может нарушить сформировавшуюся иерархию и вообще как-то отразиться на их статусе.

– *Насколько искусство в советское время было вынуждено считаться с властью, с идеологией, насколько это вредило академии?*

– Надо сказать, в советское время академия была достаточно благополучным учреждением. И что удивительно, возглавляя ее на протяжении многих лет беспартийный художник Виктор Михайлович Орешников. Притом что, конечно, ее деятельность была жестко регламентирована и ни о каком свободном творчестве речи не шло. И все же художники ощущали поддержку государства и, конечно, имели возможность участвовать в реализации амбициозных проектов. Что вроде бы было неплохо, и некоторые мои коллеги с умилением вспоминают то время и переживают нынешнее положение. Кстати, самыми подвижными, открытыми к спокойному, конструктивному диалогу оказались или очень пожилые, или очень молодые.

– *Вы занимались организацией выставок в Европе и Америке. Что вам дал этот опыт?*

– Когда я был студентом, увлекался современным искусством. Мне были несимпатичны партийные руководители и партийные художники. Меня интриговал авангард, меня тянуло к эстетике модернизма. Со временем, когда я столкнулся с реальными процессами, происходящими в современном искусстве, и осознал смысл этих процессов, я стал менее эмоционален в оценках. И все же это огромный опыт, потому что в современном искусстве огромную роль играют правильное позиционирование, эффектная презентация, коммуникации. Мы живем, существуем в глобальном мире и не можем этого игнорировать. Для нас важно быть последовательными в отстаивании своих интересов, склонить на свою сторону не варварской силой. Нам надо быть более привлекательными, более образованными, более интеллектуальными, более знающими и понимающими. Занимать достойное место совершенно невозможно при отсутствии коммуникаций.

– *Чем могут помочь великие петербургские музеи становлению ваших студентов?*

– Наши студенты копируют картины в Эрмитаже и Русском музее. Кстати, Русский музей создавался на основе нашего академического собрания.

– *Выставки в академии и за рубежом осуществляются на государственные деньги?*

– В основном на собственные средства и средства наших партнеров. Вообще, из федерального бюджета финансируется только две трети наших потребностей, остальное мы зарабатываем сами.

– *Ваши студенты с третьего курса прикреплены к персональным учебным мастерским. Это – классическая система обучения художников?*

– Да, мы работаем так много лет: первые два года они обучаются в группах, потом распределяются по мастерским. Это зарекомендовавшая себя система, не вижу необходимости что-то менять. На каждом курсе есть очень талантливые ребята. Должны быть лидеры, конкурентная среда. И обязательно должна быть система их поощрения.

– *То есть как в императорские времена?*

– Конечно, мы не можем их там содержать годами. Италия всегда была для русских художников местом, где они превращались в настоящих мастеров. Вообще, художник должен путешествовать, ему нужны впечатления. Хотя существует мнение, что художник творит за закрытыми дверьми. В советскую эпоху у художников было немного возможностей увидеть мир. Увидеть шедевры ренессансной живописи воочию необходимо – это венец образования. Искусству необходима эмоциональность, а художник, как мембрана, улавливает дух времени.

– *Вы согласны с мнением, что талантливый студент должен учиться бесплатно?*

– Мы получаем субсидии, которые предоставляет государство. У нас вступительный конкурс четыре-пять человек на место. Много это или мало? Есть вузы, где конкурс выше на порядок. Но к нам абитуриент должен прийти подготовленным, у него за плечами должна быть художественная школа, училище. Во многих европейских художественных вузах Европы, где я бывал, самым важным считается раскрытие индивидуальных творческих способностей. Конкурса там вообще нет.

Образование – это системный вопрос. Необходимо терминологически во всем этом разобраться. Цена ошибки, если говорить о нашей школе, очень велика. Неудачная инновация может превратить нас в провинциальную среднеевропейскую школу. А мы не имеем права этого допустить.

Нам необходимо осознавать себя, свое место в культурном пространстве. Надо сделать так, чтобы, окончив академию, человек смог найти свое место в мире и чувствовать себя в нем достойно. У нас историческое здание – мастерские, выставочные залы, музей, научная библиотека – все это великолепное пространство для творческих проектов. И полноценной жизни художника. ●

НЕБЕСНЫЕ ИНСТРУКЦИИ

АВТОР

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

ФОТО

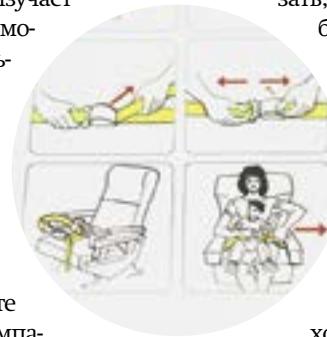
АЛЕКСАНДРА КОРНЕЕВА

АЭРОФОБИЯ НЫНЧЕ – РАСПРОСТРАНЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ. ЛЮДИ, БОЯЩИЕСЯ АВИАПЕРЕЛЕТОВ, ПРЕДПОЧИТАЮТ ЛИБО ВОВСЕ ИЗБЕГАТЬ ПУТЕШЕСТВИЙ НА САМОЛЕТЕ, ЛИБО ОБРАЩАЮТСЯ К ПОМОЩИ ПСИХОЛОГОВ, ЛИБО ЗАЛИВАЮТ СВОЙ СТРАХ АЛКОГОЛЕМ, ЧТО МАЛОЭФФЕКТИВНО И ВРЕДНО. НИЖЕГОРОДЕЦ ГРИГОРИЙ МАТАСОВ ПРИДУМАЛ СОБСТВЕННЫЙ СПОСОБ ОТВЛЕЧЬСЯ В ПОЛЕТЕ И ПОСМЕЯТЬСЯ НАД СОБСТВЕННОЙ ФОБИЕЙ: ОН КОЛЛЕКЦИОНИРУЕТ ИНСТРУКЦИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ. ТЕ ЛАМИНИРОВАННЫЕ КАРТЫ, КОТОРЫЕ КАЖДЫЙ ПАССАЖИР ОБЫЧНО ВИДИТ В КАРМАШКЕ ВПЕРЕДИ СТОЯЩЕГО КРЕСЛА И КОТОРЫЕ РАССКАЗЫВАЮТ О ТОМ, КАК ДЕЙСТВОВАТЬ В СЛУЧАЕ ВОЗДУШНОГО ЧП.

ЧЕГО БОЯТЬСЯ ЭТОМУ крепкому 28-летнему парню под 2 метра ростом? Разве что и правда – непредвиденных обстоятельств и катастроф. Свою аэрофобию нижегородский маркетолог Григорий Матасов обосновывает статистикой: с маниакальным пристрастием изучает сводки новостей, смотрит документальные фильмы об авиакрушениях и даже читает отчеты Международного авиационного комитета. А десять лет назад, летя в самолете одной из авиакомпаний, чтобы отвлечься, он стал пристально рассматривать инструкцию по безопасности. И поскольку и раньше привозил из путешествий билетики, подставки под стаканы и прочий сентиментальный мусор, то подумал:

а не начать ли собирать инструкции – как символ иронии над собственными страхами? Эта карта из Ил-86 стала первой в его коллекции, которая сейчас насчитывает около 500 инструкций от авиаперевозчиков из более чем 60 стран.

Справедливости ради нужно сказать, что сам Гриша до был меньше десятой части этого богатства – пополнять коллекцию ему уже давно помогают родственники, друзья и даже незнакомые люди, которые узнали о его хобби из Интернета или по сарафанному радио. Секрет в том, что Гриша – не просто «плюшкин» со стажем и аэрофоб с чувством юмора, он еще и очень азартно умеет рассказывать о своей коллекции, превратив изучение скучных,

казалось бы, инструкций в целое мини-исследование. Встретившись с ним однажды, потом невольно в авиапоездке вспоминаешь об этом странном хобби и Гришином блеске в глазах. И, в очередной раз сев в самолет и покрутив в руках ламинированную карточку, невольно думаешь о том, не прихватить ли ее с собой как сувенир – ничего не стоит, а уж как парень будет рад!

– Конечно, на каждой карте стоит надпись-просьба о том, чтобы ее не уносили с борта самолета, – признается коллекционер. – Но, во-первых, это все-таки не жесткий запрет, а вежливая просьба, а во-вторых, моя практика показывает: в 100 процентах случаев, если вы обратитесь к стюардессе и расскажете ей, зачем вам понадобилась инструкция, экипаж отнесется к этому с пониманием и не будет возражать, чтобы вы ее взяли. Более того, в ответ на просьбу взять инструкцию стюардессы обычно выдают совершенно новую карту из запасных, которую еще ни разу никто в руках не держал. Гладкую и блестящую!

МЕНТАЛИТЕТ В КАРТИНКАХ

Это только на первый взгляд все инструкции по безопасности – однообразные и довольно скучные. Да, они все содержат примерно одинаковую информацию – перечень действий, которые нужно выполнять во время взлета и посадки, при разгерметизации и в случае задымления, при аварийной посадке на землю или воду. Но вот то, как именно дизайнер каждой авиакомпании эту информацию доносит, – предмет отдельного разговора. Внимательному взгляду здесь открываются закономерности, которые ни много ни мало проиллюстрируют менталитет той или иной страны.

Гриша показывает швейцарские инструкции – он считает их одними из самых ясных и красивых. Их дизайн – при-

мер интернационального типографского стиля, который сформировался в Швейцарии в 50-х годах: простота, организованность, максимальная читаемость. Очень ясная верстка и изображения с простыми линиями, с минимальным количеством форм и цветов – чем не иллюстрация к национальному характеру швейцарцев?

Инструкции итальянской авиакомпании явно отсылают к туризму – художественному и социальному движению, которое в XX веке в этой стране и зародилось. Дизайнер, выполнивший работу, полагался на трехмерность, для того что-

– Некоторые коллекционеры находят в инструкциях даже аллюзии на картины великих художников, – продолжает удивлять Гриша. – В женщины, изображенной вот на этой инструкции, видят Марию Магдалину, героиню одноименной картины Россетти, а на этой – девушки, похожие на «Авиньонских девиц» Пабло Пикассо, а человек здесь – один в один «Сын Человеческий» Рене Магритта. А вот изображение самолетного клозета: мне кажется, унитаз явно срисован со «стекающих» часов Сальвадора Дали, видишь?

МОЛИТВЫ ДЛЯ ПЕРЕЛЕТА

То, что одинаковые по содержанию инструкции могут быть очень разными по форме, особенно хорошо видишь, когда Гриша начинает демонстрировать свои любимые экспонаты.

Вот «самая позитивная» – на ней аварийно эвакуируется с борта самолета гарная украинская девочка с косами и в сорочке-вышиванке, а на небе в это время красуется семицветная радуга.

Самая маленькая инструкция в коллекции – кубинская (120 на 224 миллиметра), самая большая – японская (630 на 280 миллиметров). Самая абстрактная – российская, символические человечки на ней точно сошли с дорожных знаков;

самая реалистичная – американская, там для иллюстрации действий в случае чрезвычайных ситуаций использованы фотографии реальных людей. – Британские ученые, кстати, доказали, что схематические изображения человек все-таки воспринимает лучше, чем фото, – комментирует Григорий. – На фото наше внимание рассеивают разные детали, в то время как на схеме по определению выделено только самое важное.

Иногда авиакомпании размещают на инструкциях или в приложении к ним дополнительную информацию, которая пригодит

бы передать сообщение максимально реалистично, без поясняющих подписей.

Испанские инструкции поражают своей пестротой: здесь столько графических элементов, вроде рамок и разделителей, столько шрифтов разного цвета, что кажется, будто дизайнер либо не работал над ней вообще, либо хотел создать что-то максимально выразительное! И этот графический хаос, где использованы и иллюстрации, и фото, и различные кегли – просто квинтэссенция испанской сумбурности и жизнерадостности.

Узнать японскую инструкцию не составит труда даже без надписи: ее герои будто выпрыгнули из манга-комикса или аниме-мультфильма.

ся и на случаи вполне штатных ситуаций. Например, в немецких самолетах Григорию встретилось руководство к тому, как расслабиться и поскорее заснуть. Но самой полезной коллекционер называет инструкцию, которую привез из Индонезии.

— Здесь помимо стандартной информации приведены молитвы на двух языках для шести различных конфессий. Когда я узнал об этой авиакомпании чуть больше, то понял, почему они решили добавить такое интересное приложение: сам бы ни за что не полетел на их самолете, если бы заранее знал, что этому перевозчику запрещено летать в Европу. Были случаи, когда они «промахивались» мимо посадочной полосы и садились прямо в океан. Кроме того, пилотов этой компании несколько раз ловили с наркотиками. Надо быть довольно отчаянным парнем, а тем более пилотом, чтобы употреблять и хранить в этой стране наркотики, ведь в Индонезии за это – смертная казнь. Так что молитвы о том, чтобы долететь благополучно, очень кстати оказались.

Вчитываясь в этот авиамолитвослов, понимаешь, что это не традиционные тексты – они были специально написаны на случай непредвиденной ситуации во время полета, и у каждой конфессии – свои просьбы к высшим силам.

— Мусульмане обращаются к Аллаху, воспевая его как всемогущего Бога и ни о чем, в сущности, не прося, – комментирует Григорий. – Протестанты молят Все-вышнего о том, чтобы он помог экипажу выполнить свой долг, чтобы пассажиры прибыли в целости и сохранности. Католики этим не ограничиваются: в их молитве – просьбы о хорошей погоде, спокойном путешествии, помощи ангелов для экипажа и даже о том, чтобы родственники на земле не волновались. А буддисты просто выражают желание, чтобы все живые существа на Земле были здоровы и счастливы.

ОБМЕНУ – ДА, ПОКУПКАМ – НЕТ

Гриша, конечно, и сам путешествует, но, если бы рассчитывал только на себя, коллекция пополнялась бы крайне медленно. Поэтому он рассказывает о своем хобби при любом удобном случае, привлек себе в помощь социальные сети и даже догово-

– Если мне приносят карты, которые уже есть у меня в коллекции, я все равно очень радуюсь, – не смущается Гриша вопросу про дубли. – Они пополняют мой обменный фонд, это тоже очень ценно. Именно благодаря таким картам я потом могу обменять их на инструкции из рейсов, которыми вряд ли когда-нибудь полетит кто-то из моих друзей: Малайзия – Индонезия, например.

Было бы наивно думать, что Гриша – единственный в своем роде коллекционер. Конечно, собирать инструкции по безопасности полетов – не то же самое, что собирать марки или монеты. Об этом не написаны тонны книг, не издаются специальные кляссеры и не проводятся международные конференции.

Но коллекционеры, подобные Грише, в мире есть.

– Я лично переписываюсь примерно с двумя десятками людей из разных стран, у которых тот же интерес. Причем некоторые из них нашли меня сами – по блогу, публикациям в Интернете или увидев сюжет по телевидению. У многих из них коллекции куда больше моей: я читал про человека, собравшего около 13 тысяч разных инструкций – невообразимая цифра! Но у меня нет цели побить этот рекорд, и я не считаю, что должен посвятить этому жизнь. Просто инструкции доставляют мне радость, возня с ними приносит удовольствие, вот и все, – улыбается Матасов.

Кстати, покупать что-то для своего собрания коллекционер принципиально не хочет.

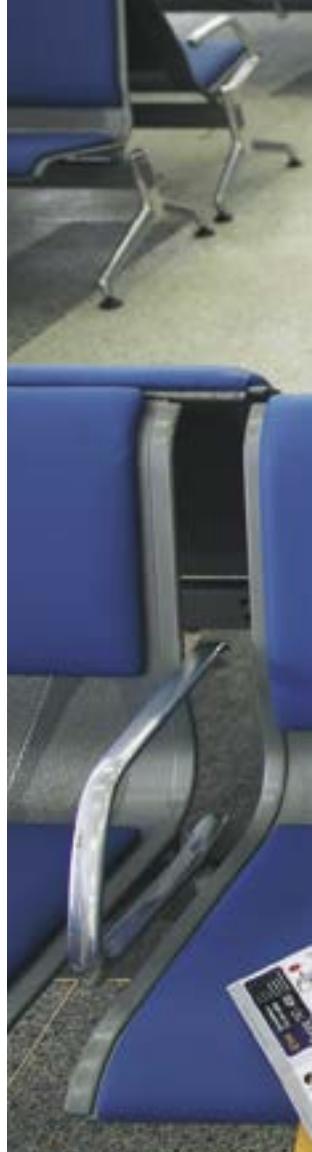
– Конечно, когда я вижу, что где-то на интернет-аукционе выставляется редкая инструкция из самолетов, которые уже не летают, или авиакомпаний, которые уже не существуют, то хочется их купить. Но я считаю, что одно дело – собирать инструкции ради «фана», и совсем другое – уносить их из самолета ради последующей продажи. Не хочу поощрять рублем таких предпринимателей. Пока удается сдерживаться.

рился с другом, который недавно открыл кафе в центре города, что каждому, кто принесет туда очередную инструкцию по безопасности из самолета, бесплатно нальют чашечку хорошего кофе. Оказалось, эта система работает не только с незнамками, но и с теми друзьями, с которыми давно не получалось пересечься или найти другой повод встре-

титься (всего за пару месяцев такая нехитрая уловка добавила в Гришино собрание более десятка экспонатов). Так что хобби, развившееся из фобии, оказалось довольно социальным.

ИДЕАЛЬНАЯ ИНСТРУКЦИЯ

При всей любви к объекту своего коллекционирования Гриша считает инструкции по безопасности из самолетов... не очень-то нужными!

– Они бесполезны, если полет проходит нормально, и совершенно бесполезны, если что-то пошло не так, – уверен он.

Действительно, то, как изображают нештатные ситуации на схемах, очень резко контрастирует с картинками реальных катастроф. Более того, в некоторых встречаются недопустимые с точки зрения безопасности ляпы: так, в одной румынской инструкции Матасов заметил, что в случае разгерметизации кабины мамм предлагают сначала надеть кислородную маску на ребенка, а потом уже – на себя. Последствия, если кто-то действительно будет выполнять эти указания, могут быть самые плачевые.

Впрочем, как профессиональный маркетолог, Матасов понимает, что ценность инструкций зачастую совсем в другом:

– Инструкция бесполезна в качестве вещи, которая реально

может помочь в катастрофе, но крайне полезна в качестве средства коммуникации с пассажиром. Каждый второй пассажир обязательно достает ее из кармана впереди стоящего кресла и вертит в руках – это почти рефлекс. И поэтому какую-то не вербально выраженную мысль авиакомпания до пассажира здесь может донести. Так что, впервых, грамотно продуманная

дать психотерапевтическим эффектом. Давать ощущение того, что для каждой ситуации есть свой выход, свой алгоритм действий и, в общем, все не так страшно, – это если в инструкции действительно все четко и понятно описано. Совсем другое дело, если человек видит там какую-то графическую кашу...

Как же выглядит идеальная инструкция, по мнению нижегородского коллекционера? Возможно, скоро нам удастся увидеть ее: одна российская авиакомпания, озабочившись качеством своих инструкций, обратилась к Матасову как к эксперту с просьбой помочь в разработке нового бланка. Григорий подошел к задаче со всей страстью и серьезностью: уже думает над концепцией и техническим заданием дизайнеру. И мечтает, как признается сам, сделать что-то не уныло-стандартное, а веселое и экспрессивное. Что ж, будем надеяться, пассажиры оценят его старания. Главное, чтобы им не пришлось воспользоваться этой инструкцией по прямому назначению. ☺

инструкция наряду с информационными буклетами, рекламой, бортовым журналом создает образ авиакомпании, а во-вторых, для людей, которые боятся летать, она может обла-

ДОМ ХЛЕБА. ДОМ РОЖДЕСТВА

авторы

ЛАДА КЛОКОВА,
АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

фото

АЛЕКСАНДРА
БУРОГО

В ПЯТЬ ЧАСОВ УТРА ВСЕ ГОРОДА МИРА, СКОРЕЕ ВСЕГО, ПОХОЖИ ДРУГ НА ДРУГА. В ПРЕДРАССВЕТНЫХ СУМЕРКАХ ТРУДНО УЛОВИТЬ ХАРАКТЕР И МНОГОЭТАЖНОГО МЕГАПОЛИСА, И ДРЕВНЕГО КРОХОТНОГО ГОРОДКА, ПРОСЫПАЮЩЕГОСЯ С ВОСХОДОМ СОЛНЦА ВОТ УЖЕ ТРЕТЬЮ ТЫСЯЧУ ЛЕТ ПОДРЯД...

ТЕМНЫЕ УЗКИЕ УЛИЦЫ пусты и серы. Только изредка попадаются на них одинокие фигуры или небольшие группки людей. Все мы идем в одном направлении – иное в Вифлееме и немыслимо: ранним утром здесь спешат только в храм Рождества Христова – на первую службу.

Вымощенные камнем мостовые извилистых улиц влажно поблескивают, стены домов сливаются в одну бесцветную полосу, в которой слепо темнеют провалы дверей. Путь начинает казаться бесконечным, и в сердце тихо закрадывается смутная тревога: ну, как же здесь не заблудиться, коли вокруг – сумерки, в которых не разберешь ни одного ориентира? Да и на темном еще небе не видно уже ни одной звезды...

И тогда на помощь приходит самый лучший на свете залак – где-то рядом пекарь принялся за свою привычную работу, и по пустынной, петляющей вверх и вниз улице разливается незабываемый с детства аромат свежеиспеченного хлеба. Именно в этот момент приходит спокойствие и уверенность, а невесть из каких глубин памяти всплывает: Вифлеем в переводе с иврита означает «Дом хлеба». И как тут не вспомнить евангельское: «И когда они ели, Иисус взял хлеб, и, благословив, преломил, и, раздавая ученикам, сказал: «Примите, едите: это – тело Мое»...

ВРАТА СМИРЕНИЯ

Мы уже давно сбились со счета переулков, когда после очередного поворота улицы перед нами неожиданно открылась большая Ясельная площадь, захваченная со всех сторон глухими каменными стенами: храм Рождества окружен зданиями греческого, францисканского и армянского монастырей. И только в одной из стен – той, напротив которой мы стояли, – зиял темный прямоугольник входа, из которого едва сочился

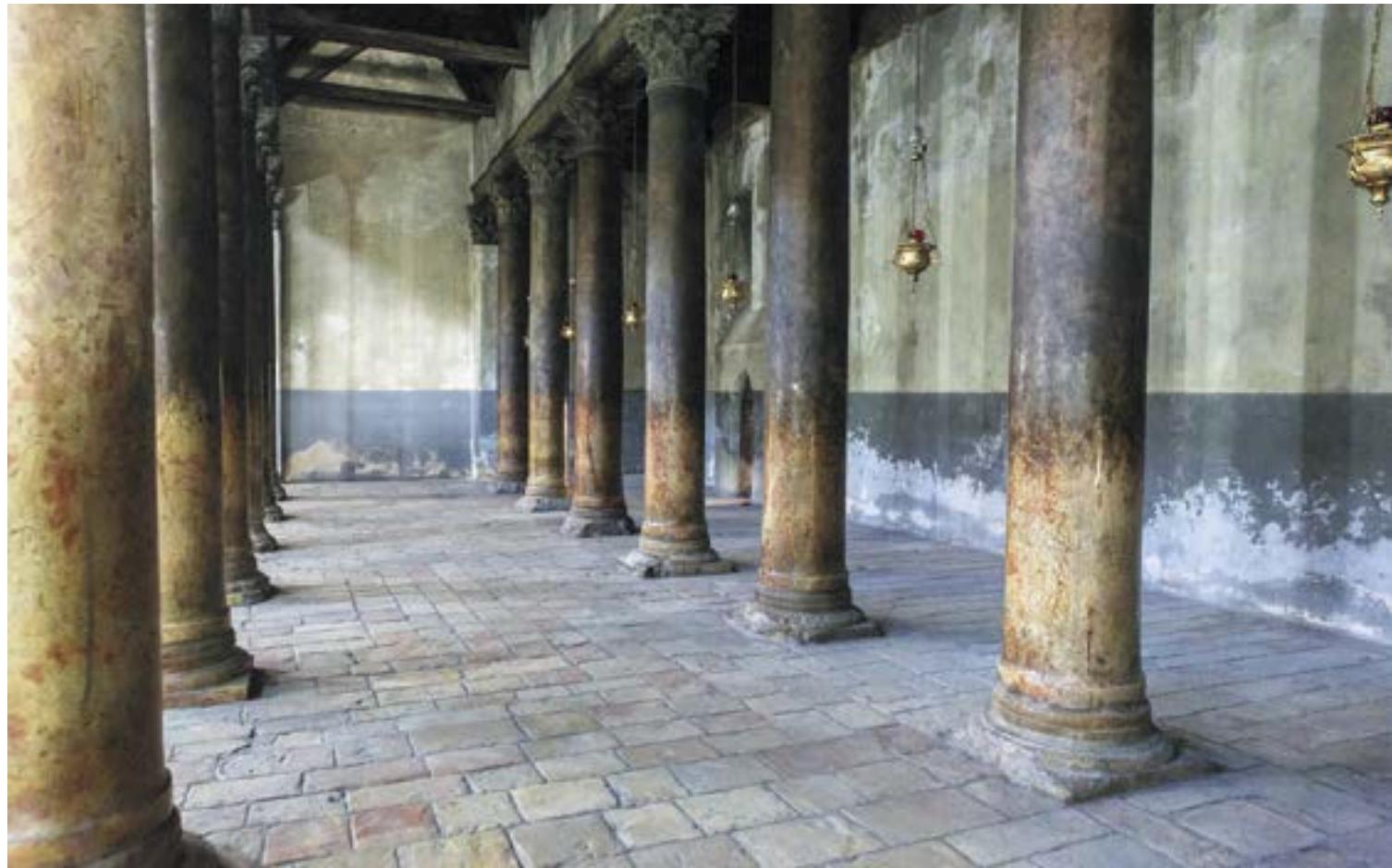
Врата смириения

теплый свет живого огня свечей. Это – единственный вход в храм, знаменитые Врата смириения: войти в базилику Рождества Христова любой человек может, лишь низко склонив голову и поклонившись почти в пояс. В Вифлееме говорят, что в Средневековье вход сделали таким низким специально для того, чтобы «неверные» не могли въехать в церковь на коне и зарубить молящихся. Между прочим, во времена крестовых походов такое в Палестине действительно случалось, так что, возможно, эта легенда имеет вполне реальные основания.

Едва ли не древнейшая из действующих в мире христианских церквей поражает своими размерами и простотой. Ранним утром, когда здесь почти никого нет, это ощущается особенно остро. Так же как и древность базилики, насчитывающей уже 17 столетий! Она была построена в IV веке над пещерой, где родился Спаситель, матерью императора Константина Великого – Еленой. Пещеру Елена нашла без особых хлопот: еще первые христиане хранили па-

Вифлеемский хлеб

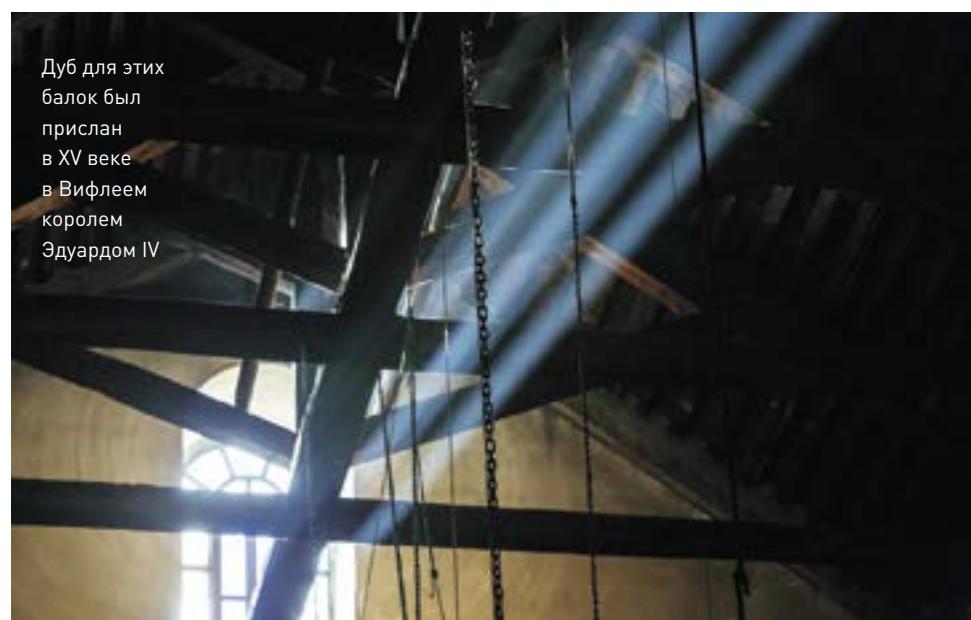
мять об этом месте и поклонялись ему. Римский император Адриан в 130 году попытался уничтожить святыню: приказал завалить пещеру землей, а сверху насадить рощу и поставить храм Адониса. Именно по этим следам мать Константина Великого и отыскала пещеру Рождества.

...Только когда яркий солнечный луч из окна под потолком алтаря врывается в храм и рассеивает полумрак, с которым не справлялись свечи и гирлянды лампад, становятся заметны следы былой роскоши. Могучие коринфские колонны из полированного известняка, как преданные часовые, веками несут свою вахту, поддерживаюая тяжелый свод. На толстых деревянных балках крыши воркуют голуби. Среди этих мощных брусьев еще сохранились те, что были сделаны из надежного английского дуба, присланного в XV веке в Вифлеем королем Эдуардом IV, узнав-

44 колонны
делают базилику
Рождества
на пять нефов

шим, что кровля храма Рождества сильно проходилась... Кое-где на стенах еще остались фрагменты фресок и прекрасных византийских мозаик. Даже безжалостное время не смогло справиться с ними: они до сих пор отсвечивают

нежным золотым светом. Под мраморным полом, в котором сделаны специальные «окна», тоже видны остатки великолепного мозаичного пола времен Византийской империи. А если постараться, то на колоннах, испещренных крестиками

Дуб для этих
балок был
прислан
в XV веке
в Вифлеем
королем
Эдуардом IV

Мозаичный
пол времен
Византийской
империи

Греческий
монах в храме
Рождества
Христова

и именами, еще можно найти нацарапанные и полуустертые изображения рыцарских гербов и доспехов – наследие эпохи крестоносцев. Кстати, именно в этом храме в 1100 году венчался на царство первый король Иерусалима, Балдуин I (его предшественник и родной брат – завоеватель Иерусалима Готфрид Бульонский, как известно, не рискнул принять монарший титул, а предпочел именоваться «Защитником Гроба Господня». – Прим. авт.)... Справа, у стены нефа, рядом стоят стасидии, в которых расположились несколько молодых греческих монахов с черными бородами. Одни перебирают

деревянные четки и молятся, закрыв глаза, другие перелистывают маленькие замусоленные молитвенники, без особого любопытства поглядывая на немногочисленных паломников и прихожан. А мы вместе с ними постепенно приближаемся к главной святыне храма – Пещере Рождества.

ВИФЛЕЕМСКАЯ ЗВЕЗДА

Северный вход в маленькую пещеру такой же низкий и узкий, как и Врата смирения. Затем – 15 ступеней вниз, и вот по правую руку мраморный престол, над которым – ряд икон, а выше – большое изображение сцены Рождества (слева от входа,

почти напротив престола и Вифлеемской звезды, расположенный придел Яслей – только эта часть пещеры находится в ведении католиков. – Прим. авт.). А под престолом, на полу пещеры, освещаемая неугасимыми лампадами белым светом мерцает Вифлеемская звезда, которая отмечает место рождения Спасителя. 14 лучей прежней звезды были украшены драгоценными камнями, но та серебряная звезда была украдена в 1847 году. Воров не нашли, а сама кража стала еще одной причиной раздора между католиками и православными на Святой земле. В следующем году «вопрос о Святых местах» привел к дипломатическому скандалу между Россией и Францией, которые оспаривали право контроля над вифлеемским храмом, и в итоге стал одним из поводов для начала Крымской (Восточной) войны... Пол в пещере выровнен и покрыт мрамором и коврами. Стены скрыты под выцветшими драпировками с изображениями библейских сцен, от которых исходит стойкий и успокаивающий аромат благовоний и ветхости. Пещера освещается лампадами и свечами, пахнет ладаном и горячим воском, в теплом воздухе огоньки свечей тихо пульсируют, будто дышат. Служба уже началась. Священник ведет ее на греческом языке, дьякон вступает то на греческом, то на арабском. Малочисленный клирос тоже поет на двух языках. И, как ни странно, все равно почти все понятно. Прихожан на службе немногого: это раньше, до середины XX

Северный
вход в Пещеру
Рождества

века, в Вифлееме почти 90 процентов населения составляли греки и арабы-христиане. Сегодня же в 25-тысячном городе таковых осталось не более 15–20 процентов...

Мы выходим через южный вход и сразу же находим уникальную икону Вифлеемской Богородицы – единственную, на которой Богородица улыбается! Ведь традиционная иконография предписывает изображать Пресвятую Деву серьезной, скорбной или умиляющейся, но никак не смеющейся и не улыбающейся. Этот редчайший образ Одигитрии был написан в России и подарен вифлеемскому храму Российским императорским домом. А риза Богородицы сделана из платья и украшений великой княгини Елизаветы Федоровны Романовой, пережившей убийство своего мужа – великого князя Сергея Александровича, основавшей Марфо-Мариинскую обитель милосердия и жестоко убитой в 1918 году большевиками под Алапаевском. В 1992

Служба
в Пещере
Рождества

году она была прославлена Русской православной церковью в лице святых...

Прямо из храма Рождества можно пройти в церковь Святой Екатерины, которая при-

надлежит местному францисканскому монастырю. Отсюда каменная лестница ведет вниз – в пещеры, над которыми был выстроен весь вифлеемский монастырский и храмовый рожде-

ственский комплекс. Именно в этих пещерах прожил более тридцати лет Блаженный Иероним Стридонский, один из самых образованных Отцов Церкви. Здесь он поселился в 386 году и долгие годы занимался переводом Ветхого и Нового Завета с греческого на латинский язык, создав в итоге Вульгату. Несопоставимость первозданности пещер Блаженного Иеронима и холодного лоска францисканской церкви и дворика перед ней неожиданно вызывает какое-то легкое недоумение. Оно почему-то усиливается, когда на одной из стен церкви Святой Екатерины мы замечаем странный плакатик под стеклом – на 15 круглых картинках в стиле комиксов изображен Крестный путь Иисуса Христа. И то, что сначала удивило в храме Рождества – облупившиеся стены, щербатые колонны, стертый мраморный пол, изъеденные временем фрагменты так и не восстановленных мозаик, старые балки под потолком, ветхие драпировки на стенах в Пещере Рождества, – становится вдруг близким и понятным. Нечто иррациональное подсказывает, что так и должно быть...

Пещера
Иеронима

Уникальная
икона
улыбающейся
Богородицы

Белый город
Вифлеем

АНГЕЛ БЕЛОГО ГОРОДА

Когда мы вышли на Ясельную площадь, новый день уже вступил в свои права. Старый священник, недавно закончивший службу в Пещере Рождества, медленно шел по площади. Его мгновенно окружила стайка смуглых ребятишек: одни теребили его за рукав, другие о чем-то громко спрашивали, трети хотели и тянули за рясу к обломкам колонн, лежащих на площади. Священник улыбался, раздавал конфетки и гладил детишек по головам. Вся компания в итоге разместилась на одном из внушительных обломков, и священник стал что-то рассказывать устроившимся вокруг него и притихшим детям.

На другом конце площади показался молодой францисканский монах. Он шел, что-то весело наставая и постоянно поправляя съезжавшую с плеча лямку рюкзака. Но тут к нему подошла де-

Францисканский
монах

вушка с совершенно потерянным лицом и о чем-то спросила. Монах сразу стал серьезным, участливо заглянул ей в глаза и начал что-то объяснять. Продолжая беседу, они медленно по-

шли в сторону францисканского монастыря... Площадь между тем постепенно заполнялась паломниками – все, как один, с серьезными лицами – и улыбающимися

Ангел белого
города

туристами. Между ними сновали ушлые торговцы с целыми «гармошками» открыточек, связками четок, платков и крестиков, громко расхваливавшие свой товар на всех языках

мира. Вот несколько вифлеемских «оффеней», к несчастью, опознали группу наших соотечественников, немедленно окружили их, и тут началось: «Три открытка – 100 рублей!»,

Большинство мастерских в Вифлееме выглядят именно так

«Пять платок – 3 доллар!» Пора было уходить...

Мы шли по тем же старым извилистым улицам, которые теперь, при свете солнца, выглядели совсем иначе. Стены домов больше не казались бесцветными, двери были гостеприимно распахнуты, по улицам с авоськами, полными продуктов, спешили домохозяйки, бегали дети и бродили бесчисленные паломники и туристы. В крохотных мастерских люди уже приступили к работе: именно в Вифлееме производится львиная доля всевозможных сувениров, которые везут домой все, кто побывал в Святой земле. Большинство этих мастерских одновременно являются и магазинами, где на полках выставлены бесчисленные статуэтки, кресты и распятия из оливкового дерева, разложены груды четок, пакетики со святой землей, склянки с освященным маслом, иерихонские розы и иконы. Зазывалы старались как могли.

Нам захотелось сбежать от всей этой суэты, и мы свернули в первый попавшийся переулок. Он оказался совсем уж крохотным, зато здесь почти не было слышно криков торговцев и шума оживленных улиц. На крыльце одного из домов старик-араб в белойвязаной шапочке невозмутимо курил кальян, рядом с ним безмятежно спала пегая дворняжка. Араб на секунду оторвался от кальяна, безразлично взглянул на нас, кивнул и снова начал курить. Пройдя несколько шагов вперед, мы оказались перед большими распахнутыми воротами, которые вели во двор очередной мастерской, заваленный деревянными заготовками, поленьями и всяkim мусором. На воротах, покачиваясь от еле заметного ветерка, висел смешной желто-красный ангел... Белый город Вифлеем, «Дом хлеба», в котором 2 тысячи лет назад случилось Чудо Рождества, проживал свой очередной обычный день... ☺

«И ТУТ ЕСТЬ ИНДИЙСКАЯ СТРАНА...»

автор

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ПЕНДЖАБ НАЗЫВАЮТ «ВОРОТАМИ ИНДИИ». ПОСЛЕДНИЕ ДВА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ИМЕННО ЧЕРЕЗ НЕГО ПРОЛЕГАЛИ ДОРОГИ ПОЧТИ ВСЕХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ, ДВИГАВШИХСЯ С ЗАПАДА В ИНДИЮ. ЧЕРЕЗ ЭТИ «ВОРОТА» ПРЕДСТОЯЛО ПРОЙТИ И МНЕ.

Л

АХОР – ГЛАВНЫЙ ГОРОД пакистанского Пенджаба, а также культурная столица страны. Даже носильщики на вокзале ведут себя культурно, не донимают европейского путешественника, как в Ларкане. Расцвет города пришелся на период правления третьего падишаха империи Великих Моголов, Акбара Великого, который сделал Лахор своей столицей. Город наполнен характерными сооружениями тех времен – из красного песчаника и кирпича с мраморными куполами. Это и огромный форт, стерегущий роскошные дворцы, и величественная «Мечеть Падишаха», мавзолеи, крепостные ворота. В XVI веке город был так красив,

что появилась пословица: «Кто не видел Лахора, тот еще не родился!» А еще его называли «городом живых людей». Британцы привнесли в Лахор викторианскую архитектуру, сорудили резиденцию губернатора, здание Высшего суда, библиотеки. Большинство этих зданий продолжает использоваться по назначению. В резиденции губернатора, например, живет современный глава провинции Пенджаб. Дворец обслуживает около тысячи человек службы, из которых 150 – садовники.

Как-то на улице я стал фотографировать небольшую красную крепость. Тут же ко мне на мотоцикле подлетел хмурый мужик в штатском. Дознавался, по какой такой надобности я снимаю полицейское управление. Еле-еле удалось избежать разбирательств в участке. Такая же ситу-

ация со зданием Высшего суда, соборной мечетью и другими памятниками – ничего нельзя фотографировать.

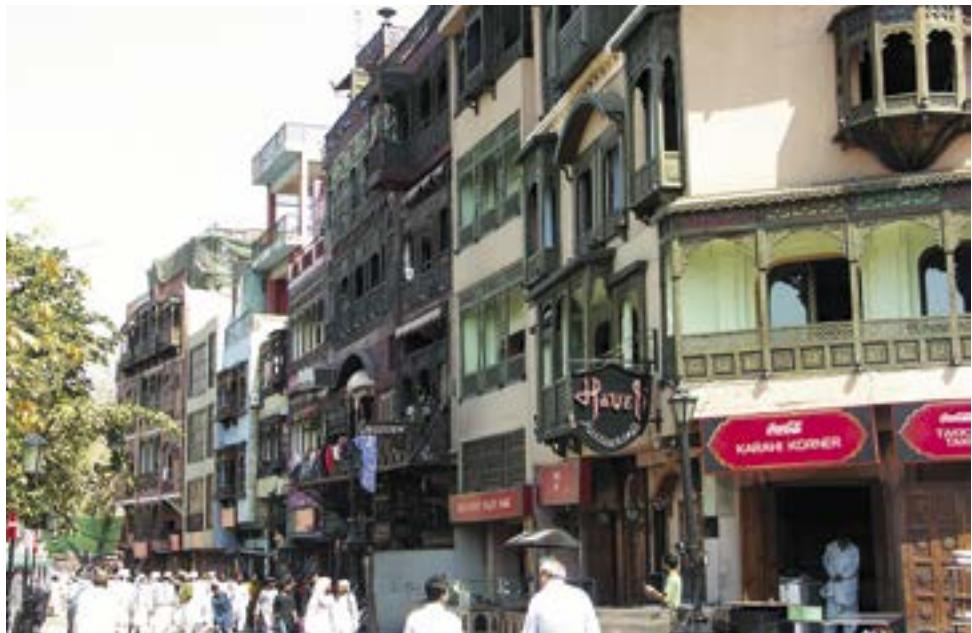
И без того неспокойная ситуация в стране перед выборами в парламент накалялась все сильнее. В выходной воскресный день, когда я приехал в Лахор, различные политические партии устраивали в городе демонстрации и шествия. По улицам ездили агитационные автобусы, из громкоговорителей неслись истерические крики с призываами голосовать «за нас». Бородатые исламские активисты размахивали полосатыми флагами, выкрикивая то ли лозунги, то ли изречения из Корана. Рядом прямо на дороге молодежь увлеченно играла в крикет, периодически попадая мячом в проезжающий транспорт.

Вопреки распространенному мнению и обилию исламистов

Построенная более трех веков назад «Мечеть Падишаха» в Лахоре занимает седьмое место в списке самых крупных мечетей мира

Здание лахорского железнодорожного вокзала – одно из многих других крепостного вида сооружений города

с правами женщин и религиозных меньшинств в стране не так все плохо. В Лахоре есть христианские храмы, сикхские гурдвары, синагоги, индуистские храмы. Мне рассказали историю, как один имам обвинил христианскую девушку в сожжении Корана. Ревнители Пророка тут же отправились на расправу. Полицейские девушку отбили и посадили в тюрьму. Однако в ходе следствия выяснилось, что христианка Коран не трогала, имам оболгал ее. В итоге разобрались: девушку выпустили, а имаму дали срок.

Лахорский «Арбат» – отреставрированный старый квартал в центре города

Доктор Шахид опытным глазом высмотрел на книжном развале романы «Преступление и наказание» и «Анна Каренина» на урду

ДЕСЯТЬ ТАНЬ

В Лахоре находится штаб-квартира Ассоциации выпускников вузов СССР и СНГ. Президент ассоциации доктор Шахид Хассан свое знакомство с Россией начал с того, что в 60-х стал дистрибутором телевизоров «Юность». Переносные советские телевизоры пользовались большим спросом в Пакистане, были значительно дешевле японских и по качеству приемлемы. В 1971 году Шахид отправился учиться в Москву – на факультет экономики Университета дружбы народов. Позднее там же окончил аспирантуру и стал кандидатом экономических наук. Шахид побывал в 60 городах всех союзных республик. Сейчас возглавляемая им ассоциация насчитывает около 5 тысяч членов, выпускает ежемесячную газету на английском языке *Vipusknik*.

На встречу пришли еще несколько членов ассоциации.

Ностальгия по России витала в воздухе. Бизнесмены и врачи с

Первая страница газеты «Выпускник»

трепетом вспоминали студенческие годы, изучение русского языка, добрый русский народ, пели «Подмосковные вечера», рассказывали разные курьезные случаи.

– Я учился в Пензе и никак не мог запомнить слово «яйцо», – вспоминает один из выпускников. – Однажды заходил в магазин, показывая на штабеля с яйцами и спрашивал продавщицу: «Как зовут?» Она отвечает: «Таня». Я и говорю: «Дай мне десять Тань». Народ в очереди покатился со смеху.

Другой рассказывал о своем соседе из Марокко, который послал домой в деревню маме свою фотографию на фоне снежных сугробов. В ответном письме мама писала: «Как же хорошо там люди живут – кругом столько сахара!»

Гостеприимный доктор Шахид хотел показать мне лахорский форт и другие красоты города, но из-за предвыборной агитации все культурные объекты были закрыты. Зато на улицах развернулись стихийные торговые ряды. Мы зашли на книжный развал. И что бы вы думали? Среди исламской литературы, творений местных писателей и англоязычных романов запросто лежат Достоевский и Лев Толстой на урду! Все издания – современные. Шахид, поразмыслив, прикупил несколько новеньких томов русских писателей, как он выразился, «на подарки».

Есть в городе и место, где развевается российский флаг. Шахид решил представить меня почетному консулу России в Лахоре мистеру Хабибу Ахмаду. Вилла, во дворе которой стоит флагшток с родным триколором, больше напоминает дворец. Влиятельный пакистанский бизнесмен мистер Хабиб получил почетное звание два месяца назад за большой вклад в развитие торгово-экономического сотрудничества с Россией.

ЖИВУЩИЕ ДЛЯ ДРУГИХ

Древний Лахор впитал в себя множество традиций разных народов, проходивших через «ворота Индии». Наверное, лучше всего это проявляется в сообществах лахорских суфиеев. С помощником Шахида, молодым доктором Мохсином, мы отправились в такую общину. Дорога заняла часа три: старинная плавировка города явно не справляется с громадным роем машин, мотоциклов и телег. Пробки повсюду. Свободно только наверху, на линии «метро-бас» – двух-

Мавзолей на месте кремации Ранджита Сингха – создателя объединенного сикхского государства

Знаменитая пушка XVIII века «Замзам», увековеченная Киплингом в романе «Ким»

полосной дороге для автобусов, идущей по эстакадам. Ну а внизу, на горемычной земле, между теснящихся машин бродят попрошайки – нищие, калеки, сумасшедшие. Некоторые водители вместо монет давали нищим те самые «пряные леденцы», которыми нас угощали в Белуджистане. Мохсин объяснил, что это фабричный вариант «пана» – тонизирующей жевательной смеси из листьев бетеля и кусочков семян пальмы, больше напоминающих твердое дерево...

Уже в темноте мы добрались до старого района Бахбанпур. Редкие тусклые фонари почти не освещали узкие переулки, по которым текли толпы народа. Ехать дальше было невозможно. На полную мощность хранили усилия с пакистанской попсой, их пытался перекричать неведомо откуда доносившийся певучий голос, зауныванный до исступления. У нас под боком шла религиозная процессия, одни стучали в барабаны, другие несли расшитое золотом зеленое покрывало и распевали священные тексты. Декламаторы Корана ни с кем не соперничали, но пели суры дружно, мощно. И одновременно со всей этой какофонией кругом что-то свистело, дребезжало, выло и взрывалось.

На перекрестке вдруг началась давка. Видимо, потоки из разных переулков никак не могли разойтись. Мохсин страшно перепугался, что мы потеряемся. Толпа уносила его все дальше, а он из последних сил кричал мне: «Держи карманы!»

Комплекс суфийских гробниц, к которым мы пробирались, окружали карусели, зазывающие разноцветными мигающими лампочками, магазинчики с водой и сладостями, хорошо устроенные и украшенные сцены. Любой желающий мужчина может подняться на сцену, чтобы продемонстрировать свое умение танцевать. Везде стояли очереди из детей, студентов и отцов семейств. В целом плясали так себе, за исключением

одного современного «танцора диско». Парень танцевал классно – изящно, пластично, импровизировал легко и гармонично. Глаза его светились такой преданной любовью к танцу, что завораживали зрителей не меньше его четких движений. Мне захотелось поговорить с этим удивительным танцором. А вновь пробившийся ко мне Мохсин потрапился: «Чего там говорить. И так все видно: таланта много, в кармане ни гроша».

Местные суфии славятся традицией каввали – пением под музыку философско-религиозных стихов

Через несколько минут мы как-то незаметно оказались среди гробниц. Большие с высокими куполами и совсем крохотные погребения сплошь увешаны светящимися гирляндами и пятиконечными суфийскими звездами. Люди подходят к мавзолеям, прикладывают к стенам и надгробиям лбами, подняв руки, молятся, рассаживаются вокруг; некоторые вешают на могилы ароматные гирлянды из оранжевых и бордовых цветов – почти как в индуистском храме. Порой приходят сюда целыми семьями.

В центре комплекса горит огромная огненная чаша. Люди окружают это необычное сооружение, ставят на края чаши горящие глиняные лампады с маслом. Здесь молятся, поют хором, кидают в огонь жертвенные кокосы, бананы, зерно. И опрокидывают лампады. Масло огненным потоком медленно вливается в чашу.

Под большими деревьями расположились суфии – старики с седыми бородами, косичками-дредами. Все они – в самых разных одеяниях. Одни похожи на цыган, другие на растаманов; один даже нарядился в новенький костюм... шута. Судя по всему, суфизм здесь не обрядовый, а какой-то юродивый, внутренний, философский. По крайней мере, не видел никого, кто бы кружился или исполнял какой-либо суфийский танец-зикр. Люди просто подходят к аскетам, беседуют, спрашивают совета. Рядом из странного сдвоенного чана разливают всем желающим в глиняные пиалы нечто вроде святой воды. Тут же, среди красных и зеленых флагов, висит портрет некоего подвижника в странном головном уборе, напоминающем инфулу папы римского. Здесь организована бесплатная столовая.

В народе суфии пользуются большим уважением, даже среди интеллигенции. Один доктор наук выразился так: «Конечно, мы любим суфиев, они живут не для себя, а для других».

Повозки из разных эпох на улицах Лахора

СОСТЯЗАНИЯ НА ГРАНИЦЕ

Дорога к границе с Индией идет вдоль канала с коричневой водой, в которой невозмутимо сидят черные коровы. Я ожидал увидеть толпы народа на этом единственном пограничном переходе между двумя странами. Однако никого, кроме меня, у пограничных ворот не оказалось – ни с пакистанской стороны, ни с индийской. Видимо, сказывается многолетнее противостояние между государствами – без особой необходимости люди не ездят к главному политическому и военному оппоненту. Обращают на себя внимание и внушительных размеров зрительские трибуны по обе стороны от нейтральной полосы...

«И тут есть Индийская страна!» – радовался я, вспоминая восхищение Афанасия Никитина. Индийские таможенники обрадовались моему появлению не меньше: искренне улыбались, приветствовали добрым словом, говорили, что русских здесь совсем мало, в основном европейцы и американцы. Вышел меня встречать даже какой-то высокий чин в сикхском тюрбане. Но не для дознавательного «собеседования», как это было на пакистанской границе, а чтобы угостить чаем, рассказать, как добраться до ближайшего города, в какое время ходят поезда до Дели.

Когда я вышел из здания таможни на улицу, то осталенел от неожиданности. Все обочины и прилегающие пустыри были заставлены легковыми машинами, грузовиками, автобусами, рикшами, мотоциклами, скuterами. Оставив свой транспорт, народ слился в единую массу. Это уже были индийцы: мужчины в разноцветных тюрбанах и чудных повязках, образующих большую шишку надо лбом. Никаких длинных пакистанских платьев. У одних на лице небрежные ритуальные мазки красной и белой мастикой, у других – нарисован индийский флаг. На женщинах – сари и пенджаби, руки унизаны браслетами, у всех – аккурат-

Тюрбан с веером
у пограничника-
сикха

но поставлены между бровями точки-бинди. Люди пели и скандировали, размахивали флагами. И весь этот пестрый людской поток накатывал по шоссе в сторону Пакистана... Мысль о том, что началась очередная война, я отбросил сразу – слишком уж веселые и счастливые кругом были лица. Многотысячная армия индийцев на-

Индийцы любят потанцевать –
был бы повод

правлялась посмотреть торжественную церемонию закрытия границы, которая проводится здесь каждый день. Влился и я в этот поток...

У телеги с фруктами случился затор. Неведомо как забравшийся сюда стажер-торговец не знал отбоя от покупателей. Еще бы – такой сервис! Он накладывал в тарелочки кусочки манго, папайи, арбуза, посыпал все это красным перцем, отгонял нечистых духов ритуальными благовониями... Брахман небольшого придорожного святилища тоже не скучал: широкими профессиональными жестами рисовал на лбах религиозные символы, люди складывали ладони у груди и благоговейно кланялись утопающим в золотой мишуре статуям божеств.

Пришли мы к тем самым трибунам у нейтральной полосы. Меня и еще нескольких иностранцев добрые полицейские провели на зарезервированные свободные места. А все остальные пытались устроиться на забитых до отказа трибунах.

Играла бодрая музыка из современных индийских фильмов. На асфальт перед трибунами по очереди выходили желающие потанцевать. Больше всех усерд-

ствовали в этом школьники в форме, прибывавшие на праздник целыми автобусами. Тут я, конечно, поразился. До безумия любящие танцевать индийцы даже не то чтобы не умели этого делать – налицо была явная проблема с координацией! Правда, самих танцоров это нисколько не смущало – они с упоением демонстрировали неуклюжие телодвижения.

Куда интереснее было смотреть на парадную форму индийских пограничников. Точнее, на головной убор, представляющий собой имитацию тюрбана, сверху которого укреплен большой раскрытый веер. А военнослужащие-сикхи умудрились приделать этот веер на свой традиционный тюрбан. Кстати, точно так же выглядят и пакистанские пограничники. Они отличаются только цветом формы: у индийцев она цвета хаки, а тюрбаны красные с зо-

Состязания на границе заканчиваются равномерным примирительным спуском флагов

лотом; пакистанцы – черные с головы до ног с едва заметными красными лентами. Есть с обеих сторон и женщины, только без вееров. Индианки в обычном берете, пакистанки в каком-то военном варианте хиджаба, поверх которого надета... бейсболка.

Раздался звук военной трубы. На несколько секунд все замерли. Затем началась церемония. Сначала раздались какие-то явно патриотические кричалки. Прямо как на футбольном матче. Из усилителей поочередно слышались возгласы: «Пакиста-а-ан...», затем «Хиндуста-а-ан...» Зрители вторили аниматорам оглушительным криком. В этом состязании индийцы, конечно, одолели – народа на пакистанских трибунах было раз вдвадцать меньше. После этого раздался длинный пронзительный вопль, видимо, соревнование – кто дольше протянет

звук. Затем громко грохнули ворота на нейтральной полосе, в ту же секунду откуда-то из-под трибун вынырнули два «веера» и быстро зашагали к воротам. С противоположной стороны засвистели – индийцы ответили «Хиндуста-а-ан!!!». Отовсюду то вопль, то звуки трубы, носятся шустрые «веера», гремят ворота. В какую сторону смотреть и что вообще происходит, понять сложно.

На самой пограничной линии в нескольких метрах друг от друга красные и черные «веера» состязались в устрашающем топтанье ногами. Затем перешли на устрашающий шаг: кто выше задерет ногу, тот и ужаснее. Зрители эти состязания то освистывали, то приветствовали все более страстно.

Наконец пограничники успокоились и начали спускать флаги. Делали это одновременно с обеих сторон очень медленно, пря-

мо-таки в медитативном состоянии. Как только стяги оказались в руках, опять что-то грохнуло, «веера» подскочили как ошпаренные и побежали наперегонки закрывать пограничные ворота. Спи спокойно, родная страна!

Форма мужчин (вверху) и женщин (внизу) отличается только головным убором – веер женщины носить не положено

ОЗЕРО БЕССМЕРТИЯ

В 30 километрах от границы расположен город Амритсар, где, согласно названию, находится озеро амриты – божественного нектара, дающего бессмертие. Улицы Амритсара значительно отличаются от того, что довелось видеть прежде: всюду сикхи – в различных тюрбахах, многие с бородами, носят на поясе кинжалы и сабли. Порой встречаются и женщины с холодным оружием – с такими своеобразными кортиками, кончик ножен которых изогнут под прямым углом.

Искать чудесное озеро долго не пришлось. Первый же попавшийся в городе парень-сикх бросил свои дела и отвез меня на мотоцикле к Золотому храму – главной святыне своей религии. Но увидеть храм с его священным озером с ходу не получилось. Святыня окружена плотным кольцом общежитий для паломников, небольших святилищ, башен, зданиями духовной школы, музея, библиотеки, общественной столовой. В храме принимают любого вне зависимости от вероисповедания. В общежитии есть специальное отделение для европейцев. Нельзя сказать, чтобы там

было комфортно, но кровать, вентилятор на потолке и бородатый охранник с саблей у входа обеспечены. Собрались здесь путешественники со всего мира – от Японии до ЮАР. Была здесь и девушка из Петербурга, которая не знала английского и путешествовала с подругой-француженкой, неплохо объяснявшейся по-русски...

Как и везде на Востоке, входить в святилище можно только босиком. Здесь за этим следят строгие воины. Сикхи особо бережно относятся к чистоте храма – с грязными ногами внутрь пройти тоже невозможно. В мраморную дорожку, ведущую к святыне, вмонтирована мелкая водная преграда – так что никто не войдет в храм, не совершив омовения, и сделает это не останавливаясь, во время ходьбы.

Затем нужно покрыть голову. Всем – и мужчинам, и женщинам. Мне указали на корзину с платками-банданами. За последними вратами последовал спуск к большому озеру, в центре которого стоял мерцающий золотом храм, чем-то напомнивший мне Ноев ковчег. В сумерках на воде переливались золотые блики, и казалось, что я очутился в маленькой тайной гавани, куда причалил сказочный корабль. Беломраморные берега священного озера заполняют паломники. Их толпы, словно пестрый удав, опоясывают храм, проходя положенные три круга; кто-то просто сидит, беседует и спускается по ступеням в воду для омовения в божественной амрице. К «Золотому кораблю» ведет длинный понтонный мостик. Ворота храма распахнуты на четыре стороны света. Это символ межнационального и межконфессионального единства людей, символ открытости храма для всех независимо от цвета кожи, касты и вероисповедания. При входе сикхи кланяются и касаются рукой порога. Внутри все мраморное, перламутровое и золотое – даже разгоняющие духоту вентиляторы. Большое зеркало – это отполированный золотой лист. Никаких статуй и

изображений – только каллиграфические надписи, орнаменты, мозаика. В центре за невысокой оградой под роскошным балдахином сидит гуру. Перед ним – огромная раскрытая книга «Ади Грантх» («Изначальная книга». – Прим. ред.) – главная святыня сикхов, содержащая более 6 тысяч молитвенных стихов. Гуру распевает по ней молитвы, играя при этом на фистармонии. Ему подыгрывают еще несколько человек на традиционных индийских инструментах. Так мелодично переливаются легкие, светлые песнопения, напоминающие традицию бхаджан в индуизме. Паломники подпевают и забрасывают свободное пространство в центре деньгиами. Двухэтажная галерея вокруг гуру полна людей, которые припадают к колоннам, выкладывают цветочными гирляндами слова и символы, черпают ладонью воду из святого источника. В 1891 году Золотой храм во время своего Восточного путешествия посетил будущий император Николай II. Цесаревича и его

свиту сапоги и ботинки снимать не заставили, а выдали цветные мягкие полусапожки, которые те надели поверх обуви. Сопровождали путешественников толпы сикхов, польщенных посещением их святыни наследником российского престола. Молитвенные песнопения в храме произвели на русских гостей особое впечатление. Спутник Николая Александровича князь Ухтомский писал: «Поразительная глубина чувств ключом бьет в лирических излияниях вешнего Грантха». Служители храма подарили всем на память крошечные книжечки – копии «Ади Грантх». Довелось русским гостям увидеть и обряд посвящения в сикхи – пахул. Князь Ухтомский с чрезвычайным любопытством описывает обряд, полагая, что через сто-двести лет все это станет анахронизмом – как сам пахул, так и принимаемые при этом пять обетов: не стричь волос и убирать их под тюрбан, носить маленький гребень, стальной браслет, трусы до колен и кинжал у пояса.

По узкому мостику, как по трапу, сикхи устремляются в «Золотой ковчег» своего спасения, где непрестанно льется песнь из «Ади Грантх»

ИЗНАЧАЛЬНАЯ КНИГА

Сикхизм – ровесник хождения Афанасия Никитина. В 1469 году, когда тверской купец пересек свое «первое море», в Пенджабе родился основатель новой религии, гуру Нанак. Индус по рождению, Нанак еще в молодости начал проповедовать равенство перед Богом индусов и мусульман, которых уже несколько столетий разделяла непримиримая вражда в Пенджабе. В поисках знаний гуру много путешествовал, прошел пешком от Мекки до Тибета и Бирмы, познакомился с множеством учений и в результате создал свое, которое изложил на языке пенджаби в молитвенных песнопениях, ставших основой «Ади Грантх».

Золотой храм (вверху) и окружающие его святыни (слева) за свою историю несколько раз подвергались осквернению и разрушению. Последний раз снаряды в храмовом комплексе взрывались в 1984 году...

Нанак утверждает единобожие, причем осмысливает его с позиций не ислама, а своей родной религии – текст «Ади Грантх» насыщен терминологией индийской религиозно-философской мысли. Даже сакральный слогманту «Ом» Нанак представляют как главное качество Единого Бога – «Всевышний», или «Вседержитель». Однако главенствуют все же пантегистические идеи: сикхи верят, что изначально Бог существовал сам по себе, но в процессе творения мира выразил себя в природе и человеке, растворен везде и распространяется как Любовь. Божественную Волю гуру отождествляет со Словом, утверждая, что в нем раскрывается форма Лишенного Формы. Отсюда и первое правило сикха – ежедневные молитвы. Причем это не отвлеченный ритуал: в молитвенной практике нет разницы меж-

ду целью и средствами ее достижения. То есть служение Богу достигается только путем всецелого воплощения слов молитвы в своей жизни. Полного перевода «Ади Грантх» на русский язык не существует, но из того, что уже переведено, виден главный смысл жизни человека: искоренение гордости, эгоизма, честность и помочь ближним. Вот некоторые стихи:
 «Питайся лишь тем, что заслуживаешь в поте лица своего, и даже из этого отдавай другим». «Милость Божья с теми, кто радиет о всеми оставленных». «Самодовольство и Божественное Имя несовместимы». «Человек должен умереть для себя, чтобы воскреснуть для жизни».

Самое удивительное, что подавляющее большинство сикхов следуют этим принципам.

Забегая вперед, скажу, что во всей Индии я не встречал более честных, гостеприимных и готовых всегда помочь людей, чем сикхи. Не только в Золотом храме – в любой сикхской гурдваре любой человек может остановиться на три дня, получить кров и еду. Последователей сикхизма более 22 миллионов – это седьмая по численности религия в мире. Большинство сикхов – земледельцы. Сикхские хозяйства Пенджаба в три раза более эффективны, чем в среднем по Индии. И вот еще что: ни разу не встречал в среде сикхов нищих. Такое всеобъемлющее миролюбие сикхов несколько не противоречит принципу защищать свою родину с оружием в руках. И опять же, в этом равных им в Индии нет. Еще в начале XVIII века сикхи создали славное войско, сумевшее разгромить армию Великих Моголов, провозгласить свое государство, которое затем успешно сопротивлялось англичанам. Только в 1849 году Британская империя смогла подчинить Пенджаб – последним на Индостане. В современной индийской армии сикхи занимают пятую часть всех офицерских должностей, составляя при этом менее 2 процентов населения страны...

Из Амритсара мой путь лежал на юг, в средневековый порт Чаул, куда в 1471 году причалил корабль Афанасия Никитина... ●